

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

1/2013

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. А. АКЧУРИН

Б. Т. КОЙЧУЕВ

В. В. КАДЫРОВ

Т. Т. МУРАТАЛИЕВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

На первой стр. обложки: «Охотник с беркутом»
Семен Чуйков.

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефоны: 62-16-05, 62-16-01

E-mail: literary_kyrgyzstan@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ «ЛК» № 1/2013

ПРОЗА

Олег Бондаренко. Alter ego. Я иду. Чудо. Ветер. <i>Рассказы</i>	5
Александр Молчанов. Невзорванный мир. Таксист. Месть. Всего хорошего. <i>Рассказы</i>	29
Владимир Медведев. Заххок. <i>Роман (продолжение)</i>	49

ПОЭЗИЯ

Александр Никитенко. Красные холмы. <i>Стихи</i>	124
Дмитрий Сагайдак. <i>Стихи</i>	132
Юрий Фадеев. Малая Родина <i>Стихи</i>	139
Сооронбай Джусуев. Судьба Раззакова. <i>Фрагмент из романа</i>	144

ПУБЛИЦИСТИКА

Андрей Токомбаев. Легендарный кыргызский герой Восточно-Туркестанской Республики	162
Валерий Сандлер. Поющий поэт в белом халате	178

КУЛЬТУРА

Мария Савина. Трагедия оцепенения или Александр Крячун – кто он?	190
Коротко об авторах	198

ПРОЗА

Олег БОНДАРЕНКО

РАССКАЗЫ

Alter ego

– Спасите! Помогите!! Тону-у-у!!!

Крик был едва различимый, и доносился он непонятно из какой точки. ОН испуганно повертел головой, но было ясно, что так просто тонущую женщину на тёмной поверхности воды не заметить.

Перед НИМ простиралось озеро – то самое горное озеро, о котором в последнее время столько писали в газетах и говорили по телевидению. Озеро, которому приписывали особые свойства: оно, мол, является приемником космических сил, и человеку созерцающему позволяет сильно возвыситься в духе. Короче, модное озеро – в нынешние времена. Но чтобы крики о помощи... Это ЕГО буквально перевернуло.

Ситуацию усугубляла темнота. Дело было ночью или, во всяком случае, поздним вечером – они с семьей приехали сюда, в пансионат на берегу, всего час назад, и добирались по горной дороге очень долго. Потом, правда, оказалось, что комната, которую они забронировали заранее, кем-то занята – из-за накладки; и вообще свободных мест нет; им предложили слабое утешение – проживать отдельно и дороже, из-за чего жена наехала на НЕГО, назвала *неудачником*, и ОН, расстроившись, швырнул свой паспорт на стойку ресепшн и убежал прочь.

И вот теперь, одинокий, униженный, ОН бродил по пустынь-

ному пляжу... Далёкий женский голос опять позвал на помощь – откуда-то из мрака; сердце ЕГО заколотилось со скоростью пулемёта, но что предпринять в такой ситуации, ОН совершенно не знал.

В бессилии ОН подбежал к самой воде и вгляделся в её чёрную гладь, вслушиваясь в плеск волн. Несомненно, кто-то там погибал, ОН знал это; и так же, несомненно, этот человек вскоре расстанется с жизнью, и ОН не сможет этому воспрепятствовать.

От волнения ОН весь превратился в слух. Нет – в один сплошной нерв, комок нервов, чувствующих малейшие колебания всего на свете. Откуда кричат... ОН постарался понять душой, сердцем. Так... Закрыл глаза. ЕМУ показалось, что голос вообще идёт не от озера, а откуда-то со стороны, сверху. Или он раздаётся прямо в мозгу? ОН напрягся – пот выступил у НЕГО на лбу, и тело предательски задрожало. Так...

Словно рассекая Вселенную, сквозь туман ОН вдруг ощутил *эту женщину*, её боль, отчаяние, ужас. Да, она беспомощно барахталась среди волн, взывая к небу, задыхаясь, держась на воде из последних сил. ЕГО начало ломать, всё внутри НЕГО пылало. Как она очутилась там?! Кораблекрушение?! ОН знал теперь, что – да. Другие погибли? Да. А она... Докричалась-таки – до НЕГО...

В голове всё вспыхнуло. ОН силой воображения, а может, и силой воли представил себе – настоял, что так оно и есть, – спасательный катер, который мчится к месту катастрофы... Вот он подходит всё ближе и ближе... Она кричит! Привлекает внимание! И – ЕМУ так этого захотелось! – её заметили; подбирают. Отогревают. Она вся мокрая. Рыдает на палубе. Но больше ЕГО не зовёт...

Взволнованный и опустошённый, ОН упал на песок... Энергии уже ни на что не оставалось... Дышать было тяжело, сердце ныло, перед глазами плыли разноцветные круги. ОН лежал и ждал, пока вернуться жизненные силы. Потом сел и затуманенным взором смотрел на озеро – горное озеро, преподнёсшее ЕМУ такой сюрприз...

В гостиницу ОН шёл, как на каторгу. Едва переставляя ноги. ЕМУ ужасно не хотелось объясняться с женой, детьми; ЕМУ во-

обще ничего не хотелось. Но деваться было некуда, и скоро, пожалуй, начнёт светать. Понура ОН вошёл в вестибюль, извинился на ресепшине и спросил, устроилась ли его семья и если да – то в каких комнатах (вместо той, что планировалась вначале). Ему подсказали, вернули паспорт, и ОН поднялся туда, наверх.

Жена спала – или делала вид, что спит, отвернувшись. ОН тихонько присел к окну и сидел там долго-долго, глядя вдаль, пока над волшебным озером, из-за гор, не встало солнце.

Утром ОН первым делом расспросил новости – ЕМУ не терпелось узнать, как там всё с этим кораблём получилось, и действительно ли удалось спасти кого-то из людей. На ресепшине на НЕГО уставились в недоумении: о какой, мол, катастрофе идёт речь? Нет, не было никакого кораблекрушения. Да и здесь, на озере, кораблей-то толком нет. Спасательный катер? Не при чём. Он как стоял у пристани, так и стоит...

Ничего не понимая, ОН пытался что-то доказать. Но лишь настроил против себя персонал гостиницы, который, хотя и отнесся к нему с положенной вежливостью, всё же, на самом деле, не забыл о вчерашнем ЕГО срыве.

Жена тоже не очень-то желала с НИМ разговаривать. Она демонстративно взяла детей и ушла с ними на пляж. ОН подумал было их догнать, но что-то словно надломилось в НЁМ, и ноги ЕГО сами понесли в другую сторону – на тот, знакомый с ночи берег...

Этот пляж при солнечном свете выглядел веселее, чем несколько часов назад, но никаких следов ночного происшествия здесь не было и в помине. Отдыхающие затоптали даже место, где ОН лежал на песке в ожидании восхода. ОН грустно пожал плечами и пошёл прочь, думая лишь о том, что в мире, несмотря на стремительный прогресс XXI века, остаётся слишком много загадок.

В ту же ночь призывы о помощи повторились. На этот раз их было несколько, и они, казалось, неслись с разных сторон.

ОН лежал рядом со спящей женой – наконец помирился – и, услышав их, осторожно встал с кровати. Надел тапочки, вышел на балкон. Взглянул на озеро, на лунную ночь, на звёзды (здесь, в горах, звёзд было видимо-невидимо). Вслушался. Крики едва можно было различить; ОН воспринимал их каким-то шестым чувством.

Люди звали ЕГО. А может быть, не лично ЕГО? Во всяком случае, они просили помощи у того, кто спас вчерашнюю женщину, кто откликнулся на чужую боль. Помог ей – помоги и нам, читалось в их мольбах, и ОН, кажется, чувствовал это, начинал чувствовать. Слишком серьёзно, чтобы сделать вид, что не заметил.

Вообще ЕГО не покидало ощущение, что обращаются к НЕМУ с очень далёкого, может быть, даже невообразимого расстояния. Как ОН понял это? ОН не знал. Но сейчас оно было неважно...

Увидеть страждущих, конечно, было невозможно. Тогда ОН прибег к испытанному способу: сосредоточился, настроился, закрыл глаза и попробовал отдать всего себя тем, в чьём зове было больше всего отчаяния. Спустя некоторое время, обливаясь потом от напряжения, ОН стал различать, кто зовёт и чем именно ОН мог бы быть полезным.

Одна женщина – где-то там, далеко-далеко – молила за сына, ожидавшего казни на рассвете. ОН понял, что подросток не виновен в преступлении, за которое его арестовали и осудили. Ещё одна девушка умоляла о спасении от голода – её семья медленно умирала из-за неурожая и засухи. Молодой человек просил заступиться за престарелых родителей. А глубокий старик плакал над метавшимся в горячке внуком, и слёзы его – ОН почувствовал это, почувствовал! – были горькими и солёными на вкус.

Сердце ЕГО преисполнилось жалости к этим людям, и ОН, страдая, представлял их счастливыми и довольными; воображал себе как, каким образом радость и покой придут в их дом.

К утру ОН просто свалился от изнеможения... ОН попробовал помочь всем, кто просил, и – самое главное! – почему-то ему казалось, что помощь действительно дошла по назначению. Только это было очень далеко. Не на Земле – оно уже было ясно. Но где? В глубинах Вселенной, где теплилась ра-

зумная жизнь – такая же, впрочем, несчастная, как и на нашей родной планете...

Утром жена застала ЕГО в полуобморочном состоянии в кресле-качалке гостиничного номера и безуспешно пыталась привести в чувство. ОН лишь смотрел на неё вымученным взглядом и бормотал: «Альфа-Центавра... Альфа-Центавра... Это где-то в районе звёздной системы Альфа-Центавра... Они там нуждаются в моей помощи... Родная, пойми меня... Космос – он бесконечен. Я должен, должен поддержать их...»

Отпуск прошёл совсем не так, как они перед поездкой рассчитывали. Начиная с неудачи при заселении – и кончая всеми последующими днями. ОН с утра до вечера пребывал в какой-то апатии, бессильно лежал на кровати в номере (говорил, что восстанавливает силы). А жена с детьми ходила на пляж, на дискотеку, завела курортный роман с каким-то пройдохой; они даже ездили в соседнюю деревушку на ярмарку – с ЕГО сыном-подростком и девицей-дочерью. А ОН лежал.

Зато по ночам ОН оживал. Тысячи просьб неслись к нему – из того, другого, неведомого пространства. Кто-то просил о жизни, кто-то – о смерти, кто-то жаждал победы, кто-то – с достоинством уйти. ОН внимательно выслушивал всё, оценивал, взвешивал и принимал решения. Порой действовать приходилось быстро, очень быстро; и чем быстрее – тем хуже ЕМУ становилось потом. Ох, энергетика...

Наверное, со стороны это всё казалось полным бредом... ОН и сам (днём) думал, что что-то здесь не так. Вспоминал про голоса Жанны д'Арк, осознавал, что есть на земле шизофрения, и сто раз сам себе задавал вопрос: а кто я? И в конце концов сам себе отвечал: как бы то ни было, они *просят*. Я *должен* им помочь.

Возвращались домой, с озера, в подавленном состоянии... Дети не обращали на отца никакого внимания – дурачились, играли сами по себе. Жена молчала. В её нежелании общаться крылось что-то грозное. ОН старался не смотреть на жену. И, вместе с тем, вдруг уловил: впервые за всё время чья-то просьба *оттуда* пробилась в неурочное время – не ночью, когда все звёз-

ды открыты, а днём, когда Вселенная спит. Это поставило ЕГО в крайне неудобное положение. Но надо было отвечать.

Пришлось отвернуться от семьи – хорошо ещё, что он был не за рулём... Несколько минут сосредоточенности – и там, на другом конце мира кто-то получил что хотел. А ОН откинулся на спинку кресла в автомобиле и отключился... Жена ЕГО, как водилось в последнее время, сочла, что ОН ненормальный.

Дома было плохо. По всем статьям. И плохо стало на работе. Бесконечные обращения тысяч и тысяч людей – уже днём и ночью – убивали ЕГО. Приходилось им уделять внимание – в ущерб себе. ОН стал измученным, раздражительным, частенько походил на какого-то лунатика.

Семейные отношения, и до отпуска переживавшие не лучшие времена (оттого-то семья и решила на поездку к озеру – чтобы всё восстановить), на практике ещё более ухудшились. Жена теперь подолгу отсутствовала дома; дети – благо они уже чувствовали себя более или менее самостоятельными по возрасту – жили своей жизнью, общаясь преимущественно со сверстниками. ЕГО несколько раз вызывали в школу – пропесочить насчёт успеваемости сына и дочери в старшем классе, но воздействовать на своих чад ОН реально не мог: сын-двоечник откровенно послал отца, а дочь, хотя формально и не перечила, но в действительности занималась саботажем.

На службе шеф неоднократно подвергал ЕГО взысканиям: объявлял выговоры и штрафовал, в конце концов пригрозил увольнением. Их с директором связывало долгое знакомство – ещё с прошлых лет; но всему же есть предел!.. ОН понимал, что сам не прав, но ситуация не оставляла ЕМУ выбора. Даже в разгар рабочего дня, во время составления важного проекта или деловой встречи в ЕГО мозг вдруг могла вторгнуться чья-то просьба или чья-то мольба из далёкого неведомого созвездия, и уже одно это «отключало» ЕГО, ибо отказать – было свыше ЕГО сил.

Зато вечерами и ночами ОН оказывался предоставлен самому себе! И тогда для НЕГО начиналась совершенно иная жизнь. ОН устраивался поудобнее на диване или в кресле, мог сварить

себе кофе (который, впрочем, вечно остывал) и – уходил сознанием в космос. Ничто, слышите, ничто не могло в такие моменты выбить ЕГО из колеи. ЕМУ нужна была полная сосредоточенность и, слава богу, ОН ее получал.

В своих космических странствиях, по мере того, как проходили недели, месяцы, ОН узнавал больше о мире, который волей случая стал ЕГО «подшефным». Выяснилось, что люди, которым ОН теперь помогал, жили на планете, чем-то схожей с Землёй по своим параметрам; да и внешнею они мало чем отличались от землян. Другое дело, что их уровень развития цивилизации уступал земному. Непонятно, намного ли – там, в космосе, были несколько иные критерии и точки отсчёта. Но в целом сходства хватало. И поэтому ЕМУ проще было понимать тех, кто обращался к НЕМУ.

Говорили они на разных языках – хотя, впрочем, их языки ЕМУ были все понятны, ибо *тамошние* изъяснялись с НИМ посредством сердца и души. ОН вскоре обнаружил, что существует некая иерархия просьб и обращений: у бедняков потребности и заботы были одни, у правящего класса – другие. Но помогать правителям и царям тоже нужно было, поскольку довольно часто те просили не за себя, но за государство. Игнорировать такой расклад было нельзя, и ОН добросовестно исполнял свои новые – теперь – обязанности.

Вскоре ОН обнаружил, что иногда даже проще помочь какому-нибудь государю, чем нищей вдове, и вот почему. Развивая и укрепляя власть и государственные институты, ОН тем самым способствовал улучшению жизни большинства людей, созданию крепкой системы социальной помощи. Не всегда и не сразу – но, скажем так, в массе случаев. Тем более что время на этой планете для НЕГО и для местных жителей текло по-разному. То, что ЕМУ казалось одной короткой ночью, у *тамошних* соответствовало многим годам; это облегчало ЕМУ понимание исторических процессов и тенденций развития – в отличие от людей планеты, воспринимавших жизнь нередко как череду случайностей с непредсказуемым концом.

Конечно, это не отменяло ЕГО помощи каждому конкретному страждущему в личных вопросах. Много бед – много внимания. ОН не мог пройти мимо даже тогда, когда малыш плакал из-

за отобранного уличными мальчишками надкусанного яблока. Что же, *la noblesse oblige*¹.

Сильно ЕГО смутило внимание *тамошних* к ЕГО персоне во многих – даже слишком многих – случаях. Тем более, когда у них дело шло на лад и без ЕГО вмешательства, ибо невозможно было отследить *абсолютно всё*. ОН быстро сообразил, что на НЕГО начали молиться; это ЕГО не обрадовало, поскольку благодарность в ЕГО деятельности была неуместна – ОН помогал, потому что должен был, а не за спасибо. С неловкостью ОН выслушивал хвалы и дифирамбы в свой адрес; ЕМУ хотелось, чтобы их не было вовсе, но убить у людей веру ОН не мог.

ЕМУ ставили свечи, ЕМУ посвящали храмы, в честь НЕГО крутили молитвенные барабаны, и это ЕГО постоянно вгоняло в краску. Однажды ОН обнаружил собственный портрет в каком-то горном монастыре. Изумлению ЕГО не было предела – неизвестный художник довольно чётко изобразил ЕГО черты, и непонятно было, откуда он мог узнать, как ОН выглядит.

Вскоре вся планета покрылась ЕГО изображениями. Это было слишком, и ОН постарался ни о чём таком не думать. ЕГО считали *отцом*, и, честное слово, ОН понимал, что какая-то доля справедливости во всём этом есть. ОН вздыхал. И поутру у НЕГО раскалывалась голова. С грустной усмешкой ОН смотрел на свою уставшую, не выспавшуюся, осунувшуюся физиономию в зеркале, бреясь каждый день в ванной.

Жена ушла осенью. Это был тяжёлый для НЕГО период безработицы, ибо ещё раньше ЕГО рассчитали с работы. Супруга познакомилась с каким-то преуспевающим врачом, а вскоре забрала и детей. Точнее, дети теперь были сами по себе, они у матери и отчима лишь ночевали. Дочка, как старшая, вскоре перешла жить в общину, наподобие хиппи, у неё там появилась масса кавалеров. С отцом она перестала общаться.

Младший – сын – ещё несколько раз приходил в гости к отцу. Хотя, возможно, он лишь пытался что-нибудь стянуть в доме – деньги нужны были на очередную порцию косячка. ОН всё видел и понимал, но так уж был устроен, что изменить что-нибудь в

¹ Положение обязывает (*франц.*).

лучшую сторону из-за своей бесконечной терпимости оказывался не в состоянии.

Зимой ОН вынужден был закрыть в банке свой счёт. ЕГО машина попала в аварию, и страховая компания из-за какой-то зацепки отказалась выплатить страховку. К тому же ОН поскользнулся во время гололёда, упал и повредил ногу; из-за всех этих бед ЕМУ пришлось теперь практически не выходить из дому. Он лежал на диване, предоставленный самому себе, забытый друзьями и полностью ушедший в контакт.

Вся жизнь теперь представлялась ЕМУ одним сплошным общением с той планетой. ОН изучил её вдоль и поперёк и чувствовал её, чувствовал, чувствовал. ОН научился сдерживать порывы элиты, игравшей во всяческие политические игры там, у себя, научился взвешенно и сбалансированно распределять расстановку сил. Он ощущал, когда и какому государству следует вырваться вперёд, и кого из монархов нужно на время, по тем или иным причинам, осадить. ОН намеренно помогал одним и придерживал других, так как лучше видел, к чему приведёт их соперничество в недалёком будущем.

В конце концов ЕМУ однажды принесли счёт за квартиру, который ОН не мог оплатить... ОН лежал, как всегда, на диване, погружённый в свои виртуальные заботы, и услышав звонок почтальона, проковылял к двери. А потом долго плакал, проклинающая судьбу, уготовившую ЕМУ столько подарков...

ОН мысленно обратился к Богу – настоящему Богу и попросил у него прощения за всё. Слезы текли у НЕГО по щекам, а в мозгу слышался приглушённый гомон: тысячи, десятки, сотни тысяч голосов – тех, оттуда – что-то просили у НЕГО, жаждали, требовали...

ОН знал всех в лицо. В это трудно поверить, но ОН знал теперь каждого – на той, вверенной ЕМУ планете. Многие представлялись ЕМУ чрезвычайно интересными людьми – среди них творческие личности, коварные политики, духовно возвышенные учителя и наставники; другие же виделись ЕМУ как грустная, покорная масса с затуманенными мозгами. Но – и это характерно – ОН не отказывал в своём присутствии никому, в том числе и

тем, что казались ему забытыми и недалёкими. У помощи не было избирательности. Не было иерархии. Хотя, если разобраться, некоторые личности просто сами по себе воспринимались ИМ как явления природы, или явления духа, и это было здорово – вне зависимости от того, следовало ли оказывать им поддержку.

Один из особенных жил уединённо, на хуторе среди лесов. ЕМУ нравилось наблюдать за ним, смотреть, как тот вечерами разглядывал звёзды. Совсем как ОН сам! – думалось ЕМУ. И что-то в том, *далёком*, наполняло ЕГО гордостью за тамошнее человечество.

ЕМУ очень хотелось сделать что-нибудь для этого молодого человека. ОН обратил внимание, что не всё в его жизни было гладко: болезни и мор скота, произвол местных феодалов могли хоть кому отравить существование. Но молодой человек с мечтательным взглядом ни о чём ЕГО не просил. Вообще не просил. И стойко сам справлялся со своими проблемами. Хотя, как ЕМУ было видно издали, не всегда удачно...

Со временем у НЕГО появилась навязчивая идея – сделать всё возможное для парня из лесов. Однако, и это было обидно, ОН с горечью осознал своё бессилие – без обращения и просьбы к НЕМУ вмешаться ни во что ОН не мог. Инициатива должна была исходить *оттуда*, с той стороны.

С любовью ОН вглядывался в лицо ни о чём не просящего человека. В его глаза – мудрые, понимающие, возвышенные. В его силуэт – застывший в задумчивой позе на лугу, на опушке леса, в предзакатные часы, когда тамошнее солнце склоняется к верхушкам кудрявых деревьев... Хотелось знать: о чём он думает? Куда обратил свой взор? Иногда ЕМУ казалось, что их взгляды встречаются. Хотя нет, парень просто смотрел в небо, в просторы Вселенной, по направлению к нашей звезде. Наверное, он мечтал. Или искал того, кто сумел бы по-настоящему проникнуть в его сущность.

Однажды ОН понял, что *тот мир* теперь всегда будет ассоциироваться у НЕГО с молодым человеком, запрокинувшим лицо ввысь. ОН понял невысказанную красоту этой картины. ОН взволнованно думал о полёте вечности, и в сердце его распускались неземные цветы.

...Весной нога перестала болеть, и каким-то чудом удалось раздобыть денег на оплату квартиры. ОН, прихрамывая, шёл по улице, и солнечные лучи ласкали ЕГО щёки и подбородок. Призыв к молитве в соседнем храме оказался как нельзя к месту; благодарный, он решил войти внутрь и обратиться к создателю, пославшему в Его сердце покой.

Странно, подумал ОН, я так давно не был в храме... ОН вошёл, ступая осторожно, торжественно, и вся обстановка вокруг благостно обволокла ЕГО своим сказочным полумраком.

ОН посмотрел вверх, в купол, и дым благовоний наполнил ЕГО органы обоняния сладостью...

На стене, сбоку от алтаря была сделана очень красивая художественная роспись. ОН скользнул по ней глазами, потом всмотрелся – и внезапно у НЕГО перехватило дыхание, внутри учащённо забились: бум-бум, бум-бум. ОН, не отрываясь, глядел на изображение.

Взгляд. Где ОН видел этот взгляд? Эти мудрые, всепонимающие глаза?!.. Боже мой...

ЕМУ стало не по себе. Медленно сознание обретало ясность.

...В храме стояла звенящая тишина, и лишь луч солнца, проникая сквозь витраж, играл на склонившихся фигурах молящихся.

Я иду

Я скачу. Во весь опор. На прекрасной гнедой кобылице – гибкой, сильной, стремительной. Ветер бьет мне в лицо, взметает гриву лошади. Я жмурюсь от удовольствия. Вбираю в себя, пью воздух, наполняю им лёгкие; мне горячо и сладостно. Я кричу от восторга и ощущаю себя властительницей мира. Это так здорово, это просто супер, это класс! Yay!!

Я скачу по степи. Бесконечной, широченной степи с колыхающимися травами, с ароматом сказки, полыни, облаков. Где-то вдали, у самого горизонта – горы. Горная цепь. Она кажется та-

кой маленькой и синей, и тает в дымке; я знаю, что цель моя – там! Горы недостижимы. Но я скачу. Я скачу! Я скачу!!!

Я обнажена. Ветер обдувает моё молодое тело, он как бы подхватывает меня и мою гнедую лошадь, и от этого мы словно летим, словно взмываем в высоту. Ух!! Скорость! Запах полыни! Запах трав! Мы несемся! С ума сойти! По степи! Горы, горы! Вы рядом, вы далеко. Горы, горы, я догоню вас! Ух!!

Мне хорошо. Мне никогда в жизни не было так хорошо. Я свободна. Я быстра. Я невесома. Свет с его «предельной» скоростью не может догнать меня. Не может догнать нас. Неси меня, моя кобылица! Неси-и-и!! Вперед! Мы свободны, свободны, свободны!!! Ура! Это всё моё! Весь мир – мо-о-ой!!

Радость переполняет меня. И гордость – за себя, за скорость, за мир вокруг. Кажется, остановиться невозможно. Всё скорей, скорей, скорей! Горы, горы вдали – я вас догоню-у-у!!..

Мы слились с лошадью в единое целое... Боже, как прекрасно... Я прильнула к шее скакуна. Чувствую под собой крепкое, стремительное, пышущее тело. Комок нервов, сталь мускулов, облака. Ветер. Ветер. Ветер. В лицо. Волосы развиваются. Полынь. Горизонт. Горы. Кожаное седло. Обнаженная грудь. Лошадиный пот. Я лечу!..

Я веселюсь. Мне удивительно легко и хорошо. Сегодня я – королева бала. Или тоя, как его еще называют. Пира по случаю юбилея уважаемого человека. Блестящего мероприятия в самом роскошном ресторане. И я сегодня – звезда. Нет-нет, той не мой, я лишь приглашена сюда. Как гостя. Но все смотрят на меня. Все хотят танцевать со мной. Я блистаю. Я в центре внимания. И мне так здорово, так хорошо! Так хочется жить!! Вау!!!

Зал залит светом множества огромных хрустальных люстр. Всё декорировано под золото. Толстые колонны по сторонам зала – под античность. Резная мебель. Белоснежные скатерти на длинных накрытых столах. Пятьсот человек приглашенных. Бесшумно снующие, вышколенные официанты в белых перчатках. Подносы, бокалы, смех. Красота! Столы ломятся от яств. Десятки видов салатов и горячих закусок, белая и красная рыба, икра, жареные ягнята, мясо яка, перепела. И я – окруженная внимани-

ем мужчин, сжигаемая потаенными взглядами их спутниц, подруг, невест.

Музыка. Играет оркестр. Ах, шампанское! Выдержанный коньяк. Дорогущая водка. Скрипка. Огни. Торжественные речи. Подарки юбиляру – и вновь музыка, музыка, музыка. Ах!..

Виновнику торжества презентуют дорогие халаты, как принято на Востоке. Шитые золотом. Красота! Поднимают бокалы – за здоровье. Много желающих поздравить. Очередь. Блестяще. Он подходит ко мне. Целует руку. Его друзья вокруг. Все склоняются. Меня на танец? – пожалуйста. Я рада. Какой милый старик!

О, я танцую! Плыву! И зал кружится вместе со мной! И бокалы звенят! И комплименты! И вновь – речи за здравицу. Знаменитые эстрадные певцы исполняют песни – здесь, в ресторане, специально для юбиляра. И шуты-скоморохи – ребята из группы брейк-данса, веселят гостей.

Ах!..

О, ещё еда. По-восточному, обильное угощение. Ешьте, гости дорогие! Вечерние платья. Парадные костюмы. Стук столовых приборов, звон бокалов. Шарканье ног под столом, ёрзание на стульях, работа челюстей – много-много людей. Блеск! Я покорена вечером. Сегодня этот вечер мой! Ну, также, конечно, – и мой.

И вот приносят главное блюдо... И к нему пакеты, сотни пакетов. Чтобы можно было забрать, унести угощение домой. Если не съешь. Это – множество широких тарелок с дымящимися кусками мяса. Особое мясо. Мяса навалом. Горы мяса. Ой, есть не могу... Мне накладывают. Кушай, голубушка! Кушай! И вот тебе пару кило в пакет. С собой заберешь. Замечательный той!..

Я устала, и свет становится ярким, слишком ярким. Что это за мясо? Это лошадь?! Неужели?! Так принято... Здесь, на Востоке. Это вкусно... Много мяса. Ешь! Целые горы. Ешьте, гости дорогие! От хозяев – к столу!!

Свет... Яркий свет... Я сыта... Я не хочу шампанского. Я хочу на волю. Ох, какой прекрасный праздник! Как всё здорово! Я хочу домой...

Гостей одаривают подарками. Вот это юбиляр – молодец. Встаю, и меня окружают кавалеры. Как много, как много света!.. Я хочу домой...

Я иду. Я иду по степи – широкой, безбрежной, пахнувшей полынью и еще тысячей разных трав. Идти тяжело – живот полон. Угощение было обильное. Мне бы лошадь... Но лошади больше нет. Я ступаю – с некоторым усилием, и смотрю туда, где у горизонта тянутся недосягаемые пики вершин.

Дойду ли?.. Догоню ли?.. Приблизусь ли?.. Вроде бы они стали ближе. Или так кажется из-за сумеречной игры теней...

Эх, мне бы лошадь. Мне бы ветер в лицо. Мне бы горячего воздуха в лёгкие. Мне бы запах конского пота, и кожаного седла, и скорость. Скорость. Скорость.

Я иду. Не быстро – а как могу.

Потом я сижу на камне, с тяжестью в желудке, порядком уставшая. И смотрю на горы вдаль. Далеко они, ох, как далеко отсюда. Сижу. Отдыхаю. И знаю, что нужно опять идти.

Встаю. Делаю глубокий вдох. Смотрю на степь кругом. Бросаю взгляд на крошечную зубчатую синюю горную цепь. Откидываю волосы. Делаю шаг – в том направлении. Маленький, неуверенный, девичий. И ещё один. Маленький такой шагок. И ещё. И ещё. Вперёд.

Я иду...

Чудо

В одной семье родился мальчик, который, когда ему пришло время начать говорить, заговорил на незнакомом и непонятном языке. Вместо привычных «мама», «папа», «кака», «баба» он произносил какие-то совершенно странные слова, причем выговаривал их бойко и, казалось бы, с пониманием.

Родители поначалу не тревожились, полагая, что так и надо, но уже ко второму-третьему году жизни обеспокоились не на шутку. Сынишка их учился быстро, но непонятно чему. Часто он с радостью указывал на какой-либо предмет – например, на горшок и называл его так, что у папы с мамой перехватывало дыхание; а самих родителей он окликал словами, от которых у взрослых слёзы наворачивались на глаза.

К четырем-пяти годам малыш болтал – да так бойко, что оставалось бы лишь умиляться, при условии, что смысл сказанного дошел до сознания слушателя. Но нет. Ничего подобного. Люди слушали – и не понимали. Тем более что они обратили внимание, скажем так, на непостоянство речи ребенка: в одном случае он обращался к матери с одними звуками-словами, в другом случае – с другими и, чудесное слово, они никогда не повторялись.

Поэтому и словарь его речи составить было невозможно.

Конечно, мальчика смотрели специалисты: логопеды и педиатры, психологи и психотерапевты, два невропатолога, три академика и даже один сайентолог. Но все они вынуждены были развести руками. Парнишка им что-то рассказывал – весело, увлеченно, и глаза его светились радостью; с ним пробовали вступить в диалог, но, казалось, ему было интересней самому общаться с собеседником, потому что – вроде бы? – ему было что рассказать. Мнение взрослых, их вопросы, их тревога меньше всего его занимали. Он сам являлся источником информации, и его эмоциональный мир был глубок, мордашка выглядела предельно счастливой; что еще с него возьмешь? Родители плакали. Не спали ночами. Но сын не воспринимал себя в качестве объекта сострадания.

Масла в огонь подлила прохожая цыганка. «Ай, умница! – восхитилась она мальчиком прямо на улице. – Ай, молодец! Далеко пойдешь! Тебе дано многое!» И тут же, как водится, захотела ребенка похитить, но бдительные родственники пришли в ужас, и бедняжку спасли.

Мысль цыганки, в общем, подтвердил и святой дедушка, живший где-то в пригороде, и к дедушке тому постоянно выстраивалась очередь из страждущих людей. Дедушка читал молитвы, отводил привороты и снимал порчу. Он-то и дал надежду родителям, разъяснив, что ребенок их – не от сатаны, и разум его нормален, ничуть не поврежден.

Когда пришла пора идти в школу, мальчик чрезвычайно возбудился и не мог скрыть нетерпение. Он даже сам изготовил тетради и учебники из бумаги, в которых аккуратным почерком на-

писал невразумительные значки. К сожалению, ни одна школа не желала его принимать, да и родители понимали всю пикантность ситуации. Стал вопрос о том, чтобы отдать несмышлениша в какое-либо спецучреждение, но тут мать вдруг стала горой и, с плачем прижимая к себе свое дитя, категорически отказалась отпускать его от себя. Сынишка лишь весело рассмеялся и сказал в ответ нечто такое, от чего всем остальным взрослым стало стыдно, но почувствовали они это на интуитивном уровне, ибо разобрать отдельные слова и выражения не смогли.

В конце концов органы государственной опеки отступились и оставили семью в покое, сочтя, что случай не является социально опасным. Мальчик жил себе дома, много занимался, работая при этом с информацией, которую сам же откуда-то – может, из головы – и брал.

Папа и мама очень часто плакали по ночам на кухне, обсуждая все действия и поступки сына за минувший день. Папа не переставал надеяться, что найдет решение проблемы, и месяцами просиживал в библиотеке или перед компьютером, перерывая весь Интернет. Мама же больше ходила к бабкам, и они ее утешали и давали наставления; и сердце материнское разрывалось от горя, и глаза ее всегда были красными от слез.

Однажды папа прочитал в газете об удивительном случае, произошедшем в Китае. Там, если верить новостям, в некоей семье родился на свет мальчик, говоривший на языке, недоступном его семье, окружению, да и вообще ни одному китайцу. Долгое время считалось, что в результате демонической петли в пространстве произошла подмена разумов, и язык тот есть португальский. Либо нивхский, одно из двух. Но заезжий португалец, этого не подтвердил; так же и странствующий нивх-торговец отказался признать в языке мальчика что-либо своё. Родителям не оставалось ничего другого, как обратиться к средствам массовой информации за помощью, чтобы они поведали миру о загадочном случае, и, может быть, помощь придет оттуда, откуда ее не ждут.

В тот же вечер мама и папа мальчика, о котором мы здесь и ведем рассказ, приняли решение не медля ехать в Китай. Они почувствовали родство душ и посчитали, что вместе будет сподручнее решить проблему. Сборы были недолги. Сыну объясни-

ли, как умели, что родители хотят, и снарядили его в дорогу. Ребенок же лишь рассмеялся по своему обыкновению и пробормотал нечто зазорное и, возможно, обнадёживающее. На том и порешили. Рано утром выехали на такси в аэропорт, и долго мчались по пустынному, еще спящему городу, который лишь готовился к очередному шумному дню.

Мама молчала, прижимая к себе сына. Папа о чем-то советовался с водителем, и замершие в предрассветной тишине улицы провожали их в путь.

В самолете выяснилось, что среди пассажиров есть еще одна семья с ребенком, болтающим тоже невесело. Для папы с мамой это оказалось шоком. Выяснилось, что та, другая семья, услыхала в новостях о китайском синдроме и посчитала нужным немедленно отправиться в дорогу, чтобы сообща с китайцами решить, что делать с детьми. Да, их чадо также общалось на неведомом никому языке, и распознать речь не смогли даже всемирно признанные лингвисты.

Наши папа с мамой вдруг обрели надежду, силы вернулись к ним, и – с новыми попутчиками – они уселись парами, в одном ряду самолета. Дети их между тем сидели отдельно, впереди; устроились они вместе и о чем-то живо заговорили, обсуждая общую тему, – чуткое ухо распознало бы, что каждый из них общался на своем языке.

Летели несколько часов, которые промелькнули незаметно. Уже в аэропорту назначения, в автобусе, направлявшемся в морской порт – далее следовало пересестись на корабль, – взрослые заметили еще несколько пар с мальчиками и девочками, которые, судя по всему, добирались к прославившейся на весь мир китайской семье. Все дети громко говорили, причем возбужденно, активно, на каких-то немыслимых наречиях. Родители не понимали их совершенно, но взгляды их выдавали страдание и надежду на то, что, наконец, проблему удастся разрешить.

Вот и сели все на корабль. Уже на пристани стало ясно, что родителей с необычными детьми – десятки, сотни, может, тысячи. Все они съехались из разных стран мира, и у всех душа болела об одном. Палубы наполнились ребячьим гомоном (звучащим странно для уха) и встревоженными голосами взрослых – отцов и матерей, не предполагавших, что товарищей по несчас-

тью так много. Люди знакомились друг с другом, обсуждали случившееся и выражали уверенность в том, что всё сразу прояснится, как только они придут на место.

Потом все разошлись по каютам – каждый наедине со своим горем, и после ужина постепенно начали сходитья вновь: на правой стороне судна, на левой и на корме... Желаящих поделиться своей бедой было много. Папы и мамы говорили – сбивчиво, надрывно, долго, часто не слушая друг друга. Им очень хотелось высказаться самим. Дети же, оставленные на попечение нянек, матросов и друг друга, быстро научились разбираться в хитросплетениях палуб и вскоре мало-помалу, группками стали собираться в районе игровой. Они галдели, перешучивались, улыбались во все рты – полные здоровых, молодых зубов, и явно чувствовали себя как дома. Радость светилась на их лицах, они что-то лопотали – весело и задорно, обменивались впечатлениями, вскрикивали от радости, причём каждый общался с другими в свойственной ему манере. Персонал корабля дивился тому, что увидел, а детки, окрыленные, шумели и резвились, кто во что горазд.

Им было светло, и свет этот передался судну.

Вскоре сияющий корабль очутился в ночи, и упрямо плыл в черную мглу, рассекая волны. Свежий ветер взметал барашки волн, пена белела где-то внизу, за бортом. Яркие палубные огни придавали происходящему какой-то мистический вид; пахло солью. Стенания взрослых и восторженные возгласы детей сливались в хоровод звуков, и звёзды, мудрые звёзды слушали их, будто симфонию, летящую над водой.

Впереди было море.

ВЕТЕР

(История Васи Лампочкина)

Васю Лампочкина арестовали в тот момент, когда он сидел с удочкой на берегу пруда и ловил рыбу.

Пруд был маленький, и его окружали небоскрёбы. Вася пришёл сюда утром, взял удочку и нырнул в заросли плакучих ив, чтобы не быть заметным со стороны города. Впрочем, город рас-

положился со всех сторон, и по-настоящему скрыться с чьих-либо глаз оказалось затруднительно; тем более, тут и там на деревьях были установлены веб-камеры.

Сегодня, в условиях демократии рыбу в городском пруду мог ловить каждый. Только пойманных рыбок нужно было сразу же отпускать, поскольку, хотя они и были начинены электроникой, тем не менее, попадали под действие закона «О защите животных», и в случае нанесения им вреда вполне можно было загреметь лет на сорок.

Но Васю волновало не это, а факт просрочки его лицензионного соглашения на один день. Это случилось скорее всего по Васиной глупости, он проспал и вовремя не попал на приём к помощнику заместителя начальника отдела мониторинга за использованием государственных прудов объемом менее 250 куб. метров управления распоряжения непитьевыми водами муниципальной службы естественных жидкостей. Вот из-за этого Вася Лампочкин и переживал. Последние дни он, пытаясь скрыться от цивилизации, ходил на этот пруд и соседние с ним – в пределах центра мегаполиса, и сегодня просто не сумел противостоять соблазну, несмотря на формальное окончание срока лицензии.

Лишь бы не робот-контроллер, подумал про себя Вася, и в этот момент всё пространство над ним покрылось ревущими боевыми вертолётами.

Вася струхнул, и штаны его намокли. Втянув голову в плечи, он смотрел на сотню десантников, спрыгивавших с летающих крепостей на землю и окружавших пруд с оружием наперевес. Солнце померкло, небо почернело, и из громкоговорителей раздалась команда, адресованная Васе: лечь лицом на землю и распластаться крестом. На всякий случай, для устрашения по пруду был дан предупредительный залп из нескольких воздушных орудий, и Вася, обалдевший от вспыхнувшего огненно-водяного гриба, упал ниц и зажмурился от ужаса.

Лампочкину соединили руки за спиной при помощи особых полицейских биотехнологических средств, учитывающих генетику задержанного, и грозный механический голос у Васи над ухом объявил ему об аресте. Вы обвиняетесь в убийстве Президента Свинаускаса, отчеканил голос, и любые сообщённые вами данные могут быть использованы против вас!

Слава Богу, успел подумать Василий в тот момент, когда его сеткой поднимали в воздух, хоть не за просрочку лицензии!.. Васю погрузили в специальную летающую тюрьму с двадцатью винтами, похожую на небольшую крепость, и люк с электронными замками закрылся.

В последний миг Вася успел краем глаза увидеть под собой небоскрёбы – высоченные, строгие, величественные, бесконечной шеренгой уходящие за горизонт...

Допрашивали Васю прямо в воздухе, много дней и ночей. Тюрьма висела над городом – чтобы избежать каких бы то ни было контактов арестованного с внешним миром, и постепенно Лампочкин привык к гулу винтов и мелкой вибрации корпуса воздушной цитадели.

Лампочкину предъявили официальные обвинения в убийстве Президента. Вася плавал, обнажённый, в бассейне, не имея возможности вылезти наружу, а сто следователей располагались вокруг бассейна, и при любом неудовлетворительном, на их взгляд, ответе в воду подавался слабый электрический ток. Вася кричал, захлёбывался, умолял и был вынужден «правильно» отвечать на все вопросы.

В душе Вася никак не мог понять, какое он имеет отношение к Президенту Свинаукасу. Он видел главу государства лишь во время Интернет-вещания, никогда не был с ним знаком даже заочно, и вообще до недавнего времени не очень-то задумывался о существовании столь высоких властных структур. В робкой попытке оправдаться – на начальном этапе следствия – Вася попросил снять отпечатки его пальцев, дабы удостовериться, что они не совпадают (никак не могут совпасть) с отпечатками, оставленными на орудии преступления настоящим убийцей. Но следователи лишь смеялись, сообщая, что технология снятия отпечатков пальцев давно и безнадежно устарела, и нынче применяются иные методы раскрытия преступлений.

Так, в частности, в компьютер были введены все данные о покушении на президента, а также сведения о каждом жителе страны, его образе жизни и времяпровождении, о его болезнях, пристрастиях и налоговых отчислениях, и в результате сложней-

ших вычислений оказалось, что с наибольшей долей вероятности убийцей является именно он – Василий Лампочкин. Поскольку с компьютером спорить было бесполезно, оставалось только уладить все процедурные формальности, и дело должно было быть предано всенародной огласке.

По ночам, скованный по рукам и ногам в тесном воздушном пузыре, в растворе специальной полицейской жидкости, Вася плакал, споря сам с собой на предмет своего участия в заговоре. Зачем мне это надо было? – спрашивал он себя по миллиону раз. И сам же себе отвечал: эх, не просрочь я тогда эту дурацкую лицензию...

В один из дней летающая тюрьма приземлилась на крупнейшем стадионе страны. Сто тысяч зрителей должны были наблюдать за показательным процессом вживую, и ещё сто миллионов – по всем каналам международного вещания. Васе оставалось лишь покориться.

Место подсудимого было оборудовано в самом центре гигантской арены и представляло собой удобное кресло внутри железной клетки. На спинке кресла красовалась реклама фирмы-производителя. Вокруг клетки было пустое пространство, а сама она ярко освещалась сотней прожекторов, из-за чего Вася не видел вообще ничего, кроме яркого, режущего глаза света, но его было отлично видно всем и каждому.

Голоса судей, прокуроров и адвокатов гремели из мощных громкоговорителей (самому Васе микрофона не дали). Тех, кто вёл процесс, не было видно, но это и не требовалось – динамики заменяли всё.

Судебное заседание началось вовремя – и очень эффектно: под светомузыку и сценический дым на арену высыпали сто девушек в соблазнительных костюмах, которые исполнили танец правосудия, потрясая перьями и плюмажами в знак поддержки юстиции страны. Трибуны стадиона сотряслись от аплодисментов.

Затем начались судебные прения, периодически прерываемые рекламной паузой. Василия Лампочкина защищали сто адвокатов, положенных ему самым гуманным судом на земле.

Некоторые из них пели, другие читали рэп, и в целом шоу смотрелось очень хорошо, это вынужден был признать даже Василий.

На вопрос одного из адвокатов, каковы были мотивы Васинского поступка, специалисты ответили, что при разбирательстве использовали метод *офф-мотив*, когда мотив действия намеренно не рассматривается из-за своей юридической ничтожности. Гораздо важнее сам факт совершения преступления. При этих словах из динамиков послышался государственный гимн в исполнении модной поп-группы, и трибуны взревели в патриотическом порыве.

Это было красиво, спору нет.

Первый из ста обвинителей рассказал суду обо всех Васинских попытках убийства Президента. Всего их было три. Так, по его словам, сначала Василий Лампочкин выдал себя за машиниста поезда и угнал скоростной Президентский экспресс со Свинаукасом на борту. Предполагалось разогнаться до скорости тысяча двести километров в час, после чего, при преодолении звукового барьера, поезд взорвётся на ходу, погубив Президента. Но, к счастью, спецслужбы сумели прицепить к последнему вагону сто парашютов, и покушение не удалось. Вася Лампочкин в тот раз бежал.

После этого выступления в небе над стадионом началось лазерное шоу, стадион вспыхнул мириадами разноцветных огней, и публика пела, рыдая от избытка эмоций.

Затем слово дали следующему обвинителю, который поведал о втором покушении. По его словам, Василий Лампочкин притворился пилотом Президентского истребителя с целью поднять Президента Свинаукаса как можно выше в небо и, возможно, врезаться в Луну или, на худой конец, в челябинский метеорит и, таким образом, совершить своё кровавое злодеяние. Но огромный якорь, вовремя прицепленный спецслужбами к хвосту самолёта, не позволил воплотить в жизнь этот дьявольский замысел.

Над трибунами раздался барабанный бой, и прозвучала песня «Глаза Свинаукаса» рок-группы «Гинекологический трамвай», подхваченная сотнями тысяч глоток на трибунах. Дали салют.

Во время рекламной паузы красотищи муниципального эро-

тического театра продемонстрировали своё мастерство под призывы активистов движения ВЗАПМ (В Защиту Прав Микроорганизмов). Публика неистовствовала.

Вася сидел в клетке понурый, ослеплённый бесчисленным множеством огней. Шум вокруг почти лишил его способности что-либо понимать, голоса из динамиков оглушали его, и он старался, насколько мог, отключиться. Но когда он услышал гремящий голос нового обвинителя, рассказывающего о третьей, удачной попытке покушения, то волей-неволей встрепенулся.

Лампочкин, говорил обвинитель, переоделся капитаном Президентской подводной лодки и проник на борт – как раз во время Президентского погружения. Свинаукас даже не подозревал, что ему уготовано подлым и мерзким негодяем (при этих словах трибуны взорвались криками: «Смерть убийце! Да здравствует демократия!»)

Итак, подводная лодка, руководимая преступником, опустилась в Марианскую впадину, где не выдержала гигантского подводного давления, не будучи рассчитанной на него. И Президент Свинаукас погиб...

На вопрос одного из адвокатов, каким образом спасся сам Лампочкин, последовал ответ: он вынырнул на поверхность с аквалангом, причём предварительно тренировался в выполнении подобной операции, с помощью генной инженерии переделав своё тело – увеличив объём лёгких и регулируя чудовищное давление воды извне искусственным повышением давления внутри своего организма. В этом ему помогли разработки медицинской клиники «Посейдон и К°» (в дальнейшем уничтожена взрывом при загадочных обстоятельствах).

Вася плакал... Стадион ревел. Музыка играла, и в воздух взмыли пять миллионов воздушных шаров.

В конце концов сто присяжных заседателей приговорили Василия Лампочкина к акту законного возмездия – смерти. Его надлежало расстрелять ракетами на полигоне недалеко от столицы страны. С песнями, с шутками толпа покидала стадион, а весёлые клоуны с эмблемой муниципального предприятия смеха раздавали народу подарки. Семья с детьми славила величие нового и свободного государства.

Вася плакал...

Василия Лампочкина разбудили на рассвете и торжественно вручили бумажку, в которой содержался официальный отказ на его просьбу о помиловании, адресованную главе государства. Вася сглотнул слюну и тяжело вздохнул, когда ему скручивали сзади руки – перед транспортировкой на ракетный полигон.

На бумажку он даже не взглянул, ибо глаза застилала слезы...

На полигоне его привязали спиной к высокому столбу, установленному посреди пологого поля. Вообще вокруг, насколько простирался взгляд, были травы – степные травы, они колыхались под ветром, поднявшимся внезапно и обдувавшим Василию лицо.

Рядом, напротив Васи, на другом – маленьком – столбе повесили бумажку, тот самый юридический отказ, чтобы всё выглядело правильно и законно. Она развевалась на ветру, мельтеша перед Васиными глазами.

Итак, Вася остался один... И впервые за много месяцев дознания и суда он окунулся в тишину. Настоящую тишину, нарушаемую лишь завыванием степного ветра. Вася смотрел на мир и чувствовал облегчение. Пахло полынью, привольем; где-то высоко в небе кружила птица, не ведающая о том, что через несколько минут произойдёт.

Ветер на миг стих, и Вася невольно прочитал написанное на бумажке: «В просьбе о помиловании отказать...» И подпись: «Президент Свинаукас».

Вася закрыл свои бедные очи и постарался ни о чём таком не думать.

Степной ветер шевелил его русые волосы.

Александр МОЛЧАНОВ

РАССКАЗЫ

Невзорванный мир

Планов на вечер вдруг не оказалось. То есть они были, но еще в обед, а потом так случилось, что перестали быть. Конечно, это меня задело, не то, чтобы очень, не то, чтобы за живое, но все-таки. Казалось бы, все мелочь, однако, в каждой мелочи, во всякой, какую ни возьми, что-то да есть, стоит только поискать. Конечно, без фанатизма и паранойи, без всего этого.

Сначала позвонила Вера. Она сказала, что никак не сможет сегодня уделить мне время. Это и неудивительно, у нее много хлопот, даже слишком много для девушки двадцати лет. Вот сегодня, в среду, она нужна своей лучшей подруге, Тане, о которой столько раз мне говорила: с ней они уже пять лет дружат, то есть, еще со школы, а потом поступили в один и тот же университет, но не потому, безусловно, чтобы быть вместе, а просто их взгляды на дальнейшую жизнь и образование очень совпали. Так вот у этой Тани, чересчур нежного и ранимого существа, произошел апокалипсис – они с Артемом расстались. И вот теперь Тане необходима моральная поддержка, причем, длиться она должна всю ночь со среды на четверг, не прекращаясь ни на минуту, дабы избежать необратимых последствий горя. Вера позвонила и долго говорила об этом, она произнесла речь адвоката, не сомневаясь в своей правоте и в том, что я сегодня, а, может, и завтра перебьюсь. Спорить было бесполезно, я и не

стал, рассчитывая, что они не рванут куда-нибудь в бар выпивать. В общем, Веры у меня на сегодня не было.

Не выручили друзья: кто-то готовился на судьбоносное свидание с любимой молодой особой, кто-то за день невероятно устал просиживать джинсы в офисе, кто-то уже всюю облегчал бытие пивом или чем покрепче. В общем, получилось так, что я весь этот вечер должен был провести наедине с собой. Повторю еще раз: не то, чтобы это задело меня за живое, нет, но все же сделалось как-то не очень приятно за себя и Альфреда Хичкока, ведь именно на пару с ним мне предстояло доживать сегодняшний день до его логического конца.

Я решил не отчаиваться, и просто пить мартини и курить сигару, курить прямо в комнате, не открывая окно, чтобы выветрить дым. Решив добыть вечернее счастье собственноручно, ни на кого не надеясь, я принялся за дело решительно и расчетливо. А именно: направился в «Народный», придумывая на ходу список продуктов, необходимых мне для задуманного. В список вошли мартини, сигара, конфеты «Птичье молоко», апельсиновый сок. Закупки были произведены оперативно, но как-то прозаично и не доставили мне никакого удовольствия. В результате я почувствовал себя малость забрызганным бытом, что всегда сказывалось на мне не лучшим образом.

Дабы развеяться, я надумал, придя домой, сразу же принять душ. После душа немного прогуляться и уж потом вернуться пить мартини под Хичкока.

Около девяти вечера я вышел на улицу и отправился на прогулку, которая совсем не удалась потому, что нельзя назвать прогулку удачной, если во время ее вам суют пистолет под бок. В моем случае именно так и произошло.

Молодой – правда, на несколько лет старше меня – человек в приличном кремовом костюме без единой складочки, в белой рубашке с голубыми вертикальными полосками, в остроносых черных туфлях, на которых совсем не было пыли, с коричневым кожаным портфелем, со свежим лицом, с тщательно зачесанными на правый бок черными волосами, неприятно удивил меня, когда пихнул дулом пистолета в область левой почки и велел никак не подавать вида, что что-то здесь не так. Я, конечно, вида не подал постольку, поскольку очень дорожил почкой и

жизнью вообще, но глаза мои выразили чрезмерное удивление, а потом сильный испуг, не ускользнувшие от взгляда молодого человека, и он сразу заподозрил меня в неискренности бездействия и добавил, что не шутит. У меня были все основания верить в серьезность намерений этого решительного и злого молодого человека, мало того я надумал и вовсе не сопротивляться, надеясь на благополучный исход дела.

Мы стояли на тропинке у обнесенной крученой решеткой баскетбольной площадки, на которой шесть невысоких худых подростков играли в баскетбол и каждый седьмой раз попадали мячом в кольцо без сетки; в двухстах метрах от недавно открывшегося ресторана с бассейном, где за вечер отмечали по три чьих-нибудь дня рождения. В этом не было никакого смысла, закономерности и символичности, можно даже и не говорить, где именно это произошло, потому что это единичный случай и ни с кем больше такого не случится, но я все-таки говорю, чтобы еще раз подчеркнуть, насколько невероятен и абсурден мир, в котором мы проводим свои жизни.

- Давай прогуляемся до пиццерии, - предложил мне молодой человек холодным и колким, как лед голосом, - думаю, ты не против моего предложения.

- Я обычно не хожу в пиццерии, - сказал я, немного отдышавшись от испуга и обретя способность говорить, которой я был лишен некоторое время, - всего два или три раза был там, да и то давно и по неопытности.

- Да брось, - возмутился молодой человек, - тебя, кстати, как зовут?

Я назвал ему имя, подумав, что нет ничего такого в сообщении своего имени человеку с оружием.

- А меня Виталий, - сказал молодой человек, - брось, Саня, брось. Пиццерия это классное место. Я просто не представляю жизни без пиццерии. Возможно, это единственное во всем городе место, не лишенное свежего дыхания времени.

Ход его мыслей мне был совсем непонятен, настолько непонятен, что даже не хотелось спорить.

- А зачем, извините, пистолет мне в бок? – спросил я, усмирив минутную бурю в душе. - Мне просто для ясности хочется узнать, чтобы вести себя соответственно.

- Знаешь, тут сразу и не ответить, - сказал Виталий, мы все еще стояли на месте, готовясь синхронно пойти, - тут, понимаешь, целая система взглядов и теорий. Короче, по пути объясню, а если будешь плохо себя вести, то застрелю.

Не найдя контраргументов, я кивнул в знак согласия, и мы двинулись к пиццерии. До нее идти было около десяти минут, но это если идти быстро, а мы пошли шагом человека, вышедшего на длительную прогулку в парк, и поэтому ранее, чем через полчаса мы бы туда не попали. Полчаса будет достаточно, чтобы объяснить мне причину, по которой я взят фактически в заложники. Идти медленно – целое испытание для моих нервов. Я даже с Верой медленно не хожу, не говоря уже об остальных. Есть вещи, которые нужно делать быстро или не делать вообще. Ходьба относится к таким вещам. Но мы пошли медленно.

- Вот я увидел тебя, и мне захотелось с тобой поговорить, - начал рассказывать Виталий, - ты свернул у магазина и пошел в сторону парка. Я пошел за тобой и догнал. Так случилось потому, что...ну, в общем, я думаю, что ты сможешь меня понять. Если сможешь, то все будет хорошо, то есть с тобой ничего не произойдет. Вот так.

- Что я должен понять?- спросил я.

- То, что мы живем в невзорванном мире, - сказал Виталий, - и это чертовски плохо.

- В каком смысле невзорванном? – спросил я.

- Ой, дурацкий вопрос, - сморщился Виталий и покачал головой, а еще потеребил мне бок пистолетом, - совершенно дурацкий. Вот об этом я и говорю, он невзорванный, в нем слишком часто задают вот такие вот вопросы, причем, совсем, по виду, неглупые люди. Впрочем, поговорим в пиццерии.

Мы благополучно дошли до пиццерии и вошли в нее. Там были желтые стены, прямоугольные столы, немного людей, телевизор на стене, легкая поп-музыка. Мы сели за самый крайний столик, Виталий спиной к стене и лицом к залу, я же наоборот, то есть напротив него. К нам подошла молоденькая симпатичная официантка в желтеньком задорном фартучке, которая, скорее всего, училась на первом курсе архитектурного факультета какого-нибудь института с архитектурным факультетом и раз в месяц ходила с подругами в ночной клуб. Виталий заказал пиццу с гри-

бами, простенький овощной салатик и кофе, я заказал пива. Когда девушка ушла, Виталий с удивлением посмотрел на меня, я ничего не мог с собой поделать.

- Вот как называется, когда пиво безалкогольное? – спросил он вдруг растаявшим голосом, в котором было слышно возмущение.

- Это называется ужас, - ответил я.

- Вот, точно, - кивнул он и царапнул стволком стол, - точно ужас. Вот об этом я хотел тебе сказать. Ужас! Хуже только заменитель сахара или диетическая «Кока-Кола».

Виталий вынул правую руку из-под стола и положил ее на край, отодвинул стул до упора в стену, откинулся на спинку. Я подумал, что он поступил неосмотрительно, именно меня надо было сажать к стене – мне бы было труднее сбежать. Я даже забеспокоился о Виталии. Вдруг я действительно плесну в него пивом и сбегу?

- Все это так, - как бы продолжил начатое не при мне предложение Виталий, - девушку выгнали с работы, девушка сидит на скамейке и рыдает, а ты ей: «может, чем помочь вам, а?» Чем можешь? Или потерял человек смысл по дороге и сидит совершенно опустошенный. А ты ему: «вам плохо, уважаемый, может, «Скорую» вызвать?» Что за ерунда, Саша?

Виталий замолчал, потому что официантка принесла нам кофе и пиво. Сказала, что салат и пицца будут через пять минут, и ушла.

- Хуже только молочный шоколад и пицца с дольками ананаса, - продолжил Виталий, помолчав несколько секунд после ее ухода. - Йогурт! Что это такое? Ты представляешь? Йогурт! Манная каша с дольками апельсина! Или там, не знаю, вишневый чай. А краска для волос, а розовые чернила. Слушай, вот тебя что-нибудь раздражает в этом мире?

- Да, - сказал я, отпив пива.

- Что?

- Ну, много чего, - сказал я и почесал лоб, - например, не люблю ходить медленно. Это для меня испытание, вернее пытка. Не могу я медленно ходить. Не люблю рекламу по телевизору. Из-за рекламы я и телевизор-то не смотрю. Не люблю, когда девушка моя говорит, делай что хочешь. Она меня просто бесит,

когда говорит так. Не люблю, когда на вопрос, как я выгляжу, отвечают «нормально». Или: «как дела?» - «нормально». А еще, когда здороваются: «Привет, как дела?» - и дальше пошел. Даже ответа не ждет. А еще когда говорят «прикольно». Это просто финиш, то есть, конец всему культурному миру. «Я прикольную книжку прочитала» или что-то в этом роде.

Я замолчал. Виталий слушал меня очень внимательно, в глазах его блестел огонек понимания и радости от встречи с родственной душой.

- Ты это тоже чувствуешь, - сказал он, - чувствуешь! Вот видишь, а сам задаешь глупые вопросы. Все это – невзорванный мир. Потому что все, о чем мы сейчас говорим, это не какие-нибудь там извращения, это истинное лицо нынешнего мира. Вот это его суть. Маленькие извращенные вещички. Все из маленьких извращенных вещичек.

Девушка пришла с большим подносом. На нем красовались пицца и салат в аккуратных белых тарелках, и еще две пустые тарелки красовались ножами и вилками. Пицца была уже порезана. Девушка с довольным видом принялась разгружать поднос, почти касаясь меня своей легкой рукой, и я почувствовал свежий запах ее недорогих, но приятных духов. Да и сама она была более, чем ничего, я имею в виду тело. Виталий же смотрел только на еду и по его взгляду я понял, что он действительно фанат пиццерий, а, может, еще и молочных коктейлей. Освободив поднос, девушка с наигранной расположенностью к нам пожелала приятного аппетита и ушла, скорее всего, закусив нижнюю губу, когда повернулась к нам спиной.

Мы стали разбирать пиццу по частям, правда, я делал это без особого энтузиазма. У Виталия же был вид настоящего гурмана.

- Вещички порождают человечков, - сказал он, съев кусок пиццы и запив его кофе, - мы уже так и говорим, человечки. «Мне один человечек должен позвонить». Причем, все кажется очень смешным и вообще неважным, а это самое страшное. Мы не знаем, кто такой Чарльз Буковски, зато в восторге от Чака Палланика. Человечки взрывают мирки. Маленькие человечки – маленькие мирки.

Мне стало досадно от того, что я не сижу сейчас в своем

футляре, не пью мартини, не смотрю Альфреда Хичкока, не увлечен психологизмом, мини-юбками и симулякрами наготы, что, как милый, забавный и такой родной дурачок, не пишу СМС-сообщения Вере и не интересуюсь настроением Тани, что не задымил комнату сигарой и, выйдя на балкон первого этажа, случайно не увидел соседку Дашу с кавалером, погруженную в смех на скамейке у моего подъезда. Я вдруг оказался оторванным от своего изученного до запятой, банального, абсурдного, скучного, сладкого мирка; оторванным непонятной силой со странными намерениями и убийственной логикой. Все это показалось мне закономерным и вполне естественным при сложившихся вокруг и без моего участия обстоятельствах. При анализе происходящего можно было заключить, что моей воли здесь не требуется и не потребуется. Механизмы управления жизнью, как процессом, делают все сами и по отработанным алгоритмам. И теперь, глядя в закопченное зеркало, хочется спросить господина дьявола, что же будет дальше, проказник ты эдакий?

- Хочешь поиграть с гранатой? – задорно спросил меня Виталий, и это было хорошим знаком, ведь сейчас он впервые пошутил в разговоре со мной, - у меня в портфеле лежит боевая граната.

- Нет, - сказал я, остужая горло пивом, - мне достаточно того, что я играю с жизнью в бесполезность.

- Я чего-то не пойму, - Виталий отложил наполовину съеденный кусок пиццы и внимательно посмотрел на меня, - ты сноб или шут?

- Глупый вопрос, Виталий, глупый, - сказал я и посмотрел на него через кружку с пивом.

Через кружку с пивом он показался мне многогранной личностью.

Виталий заметно растерялся и сунул руку под стол, там на его коленях лежал забытый на несколько минут пистолет. Рука пару секунд поискала наощупь, после чего его глаза стали большими и выразительными.

- Знаешь, а ты прав, - сказал я, отодвигаясь от стола, - ты чертовски прав, приятель. На счет невзорванного мира и так далее. Ты меня убедил. Сегодня ночью ты будешь спать спокойно и сладко.

Я медленно поднялся со стула, взял коричневый кожаный портфель в левую руку, правую держа в кармане, и как добропорядочный, продавший душу за «Кольт» сорок пятого калибра парень из Техаса, откланялся и манерно отправился к выходу мимо столов. Но прежде я очень вразумительно и далеко не двусмысленно покачал головой, намекая на все то неладное, что случится с Виталей, если он пошевелится или подаст голос до моего выхода из пиццерии. Будучи умным и образованным человеком, Виталья все хорошо понял и сидел как ангелок на свадебном торте.

Уходить было легко и приятно, так что я, изменив своей привычке, шел медленно и гордо. Шел навстречу новому миру и себе, сказал бы я, если бы не был снобом или шутом. А поскольку я был и не был, то бросил на прощание в зал пиццерии гранату из виталиного портфеля, сохранив ее кольцо себе на память.

Граната по-учебному промолчала, оставив мир невзорванным.

Таксист

Я так спешил, что, почти наобум накидав в сумку ненужных мелочей, забыл самое главное. Даже дверь квартиры едва не закрыл в спешке. Хорошо, что туфли надел правильно, не спутав левый с правым.

Дверь с домофоном открывалась невероятно лениво и долго, захотелось выбить ее плечом прежде, чем она изволит распахнуться от толчка рукой. Все-таки распахнулась без выбивания, сама по доброй воле, и я выбежал в залитый летним солнечным светом двор, совсем не обращая внимания на свет и то, что я вышел из темноты, в которой провел не менее часа до выхода из нее.

Маршрутку ждать не имело смысла и времени, поэтому, проходя через двор к дороге, я уже психологически настраивал себя на поездку в такси с соответствующими расходами. Такси стояло на обочине у самого дома – красный «Дэо Матис» с курящим через окно водителем. Я подошел к машине, открыл переднюю правую дверь и наклонился. Водитель тоже наклонился к двери, чтобы услышать мой голос.

- Мне в «Восток-5», - сказал я отрывисто, по-деловому, хотя сам банально и неинтересно опаздывал на зачет по красноречию, - сколько?

- За столик доведу, - ответил спокойно и прозаично таксист.

Я кивком согласился и сел рядом с ним. Положил сумку на колени, закрыл дверь и пристегнул ремень безопасности. Водитель тихо и плавно тронулся, предварительно глянув в зеркало заднего вида. Мне показалось, что нет мне спасения от опоздания, что этот в красной футболке с узором в виде дракона на груди, вчера побрившийся тип жалкий педант, от которого ждать быстрой езды такая же пустая затея, как от мира ждать гармонии. Однако он меня приятно удивил, в первую же минуту обогнав пару автомобилей на узенькой дороге Набережной. Я вздохнул с надеждой, открыл до половины окно и не стал смотреть на время. Скорее всего, успею, подумалось мне.

- Классная машина, - сказал водитель через два-три светофора, приглушив радио и постучав левой рукой по рулю.

Видимо, ему не понравилась заигравшая песня, или захотелось выговориться.

- «Дэо Матис», - сказал он и посмотрел на меня, я понимаю кивнул, - я вообще «Ауди» хотел взять, поднакопить еще немножко и взять. А друг хороший и говорит, зачем тебе «Ауди», возьми «Дэо Матис». У него такая же, только белая. Она, говорит, экономичная, маленькая, маневренная, в обслуживании недорогая. Короче, хороший такой вариант. Как это называется, эконом-вариант. Вот.

Он улыбнулся по-дружески, как будто мы уже знакомы и вообще старые приятели.

- Большая машина в городе не имеет смысла, - сказал я.

- Вот-вот, - кивнул водитель и притормозил у светофора, - тем более, таксовать на ней. А эта классная. Знаешь, она мне как родная. Бывают же такие вещи, которые непонятно почему очень любишь. Ну, то есть, понятно, почему любишь – потому что нравятся, а вот, почему нравятся – совсем непонятно. Можно было подумать, что, мол, первая машина и все такое. Так ведь не первая. У меня до этого «БМВ» была, тройка. Вроде неплохая машина, я на ней четыре года ездил, и не то. То есть, как эту

купил, понял, что чувства у меня к этой машине совсем другие. А тебе куда вообще?

- В гуманитарный факультет Славяна, - сказал я, теряя важность и раскрывая мотив спешки.

- О, тоже в Славяне учишься, - сказал водитель так, словно далекого земляка встретил, - жена у меня тоже там учится. На медицинском факультете, на стоматолога. Еще год ей осталось.

- Я сам филолог, - сказал я.

- Ну, неплохая специальность, - сказал водитель, - если себя в ней найти.

- В смысле? – не понял я и с интересом посмотрел на водителя.

- В прямом, - усмехнулся он и резко затормозил, потому что серебристый «Мерседес» слева подрезал его на повороте, - что за баран! Нет, ты видел?

Он указал на «Мерседес» рукой и стукнул злобно по рулю.

- Чуть не протаранил меня, баран, - ругался водитель, - купил права, блин, и рулит тут. Нет, я не понимаю. Может, ты мне скажешь. Как так случается, а? Ладно, права купил, ладно, но это ведь не дает право людей не уважать. Какого черта, у нас люди друг друга не уважают?!

- Просто мы нацелены в себя, - сказал я, подумав, - в этом дело. Мы думаем, что делаем хорошо, только если делаем хорошо непосредственно себе, а не другим.

- Вот точно, - кивнул водитель, - это точно. Такая, казалось бы простая мысль, блин, и никому в голову не приходит, что мир – это когда для всех.

Конечно, я не ожидал подобных разговоров в такси, когда опаздываешь и то и дело поглядываешь на часы, но в этом было что-то, что заставило меня на минуту забыть, куда и зачем я еду.

Водитель немного успокоился и сказал:

- Главное себя найти. Это очень важно. Я вот тоже медик, терапевт. Шесть лет учился в Мед. Академии. А потом понял, что это не мое. Хотел быть медиком, думал, что найду себя в медицине, но не нашел. Целых шесть лет иллюзий. Вот так иногда бывает. Я даже пару месяцев работал в больнице, ну, чтобы стаж пошел, но... как это говорится, душа не лежит. Так что смотри.

- Ладно, - кивнул я.

Возможно, куда-то в душу было заброшено сейчас зерно здорового сомнения, или что-то другое, но очень важное. В общем, я вдруг понял, что чаще всего думаю совсем не о том, о чем нужно, и делаю совсем не то. Ошибка при выборе пути может дорого стоить.

- Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше, - сказал водитель, выезжая на Чуйский проспект, - а что делать, если нигде не лучше? Если везде одинаково. Может, тогда совсем не искать, ведь поиск, в таком случае, теряет смысл.

- Может быть, - согласился я.

Машина остановилась напротив моего родного факультета.

- Надеюсь, ты не опоздал, - сказал водитель и добродушно посмотрел на меня, даже улыбнулся.

- Нет, вовсе нет, - сказал я и рассчитался, - спасибо.

- Удачи.

Я вышел из машины на обочину и подумал, что не зря поехал на такси, хотя спешка была совсем ни к чему. Тем более, что зачетка осталась дома.

Всего хорошего

- Мир – это только усмешка, что теплится на устах повешенного, - сказал мне однажды Толик, процитировав Хлебникова, а теперь он держал дрожащей рукой сигарету, стоя у белого лимузина «Мерседес», украшенного разноцветными шариками и лентами. Это была третья сигарета за последние десять минут.

- Толя, ну, давай, - сказал Рашид и похлопал его по плечу, - бежать уже некуда.

Толик поправил воротник белой, надетой в первый раз рубашки, затем полосатый, солидный галстук, затем шикарный черный пиджак и вдруг застрял на беленькой искусственной розочке, посаженной в верхний карман пиджака. Ему показалось, что она сидит криво, он начал ее поправлять. С усердием человека, который тянет время.

- Это, блин, как шаг в пропасть, - сказал Толик, выбросив сигарету, потому что она мешала ему поправлять розочку. Видимо, он рассчитывал закурить еще одну после того, как поправит.

Мы все дружно кивнули, так как знали, что рано или поздно сами окажемся над такой же пропастью, все.

Толик поправил розочку и потянулся в карман брюк за сигаретами, но Рома быстро подхватил его за плечи и пихнул к машине. По правде говоря, мы все волновались.

- Поехали уже, - сказал Рома в нетерпении.

- Сейчас, сейчас, - высвободился от него Толик, - сейчас.

Толик отошел от нас в сторону на несколько метров, постоял там немного – причем, никто не понял, что все это значило – и вернулся быстрыми решительными шагами.

- Ну, все, поехали, ребята, - сказал он и улыбнулся.

Мы и все остальные, то есть родственники, стали рассаживаться по машинам и в автобус. Медленная, но важная колонна двинулась на выкуп.

- Все, что мы видим вокруг, это всего лишь пленка, скрывающая суть вещей и явлений, - сказал мне однажды Толик, сидя в кресле и листая какой-то толстый журнал, а теперь он громко хлопнул дверью, войдя в курилку ресторана, где собралась наша компания из трех курящих и пяти некурящих.

Вытяжка работала отлично, но все равно я стоял у самой двери, то есть подальше от форточки.

-Ну, как все прошло, пацаны? – спросил Толик растерянно и с боязнью в голосе.

- Нормально все прошло, - сказал Андрей.

- Нормально все прошло, - сказал Алишер.

- Нормально все прошло, - добавили остальные.

- Сань, ты что думаешь? – спросил меня Толик, хлопнув по плечу.

- Стильно, - ответил я, - как у Тарантино.

- Вот и славно, - вроде бы успокоился Толик, - сигарету дай-те мне.

- К невесте иди, - пригрозил Рашид, - одну там оставил.

- Не убежит же, - в волнении махнул рукой Толик и тут же потянулся за сигаретой.

Ему дали сигарету.

- Было бы здорово уехать подальше отсюда, - сказал мне однажды Толик, стоя на балконе и смотря непонятно куда, но явно над крышами домов.

- Откуда? – не понял я.

- Отсюда вообще, - пояснил Толик, - уехать, разорвав пленку иллюзорности. На черном «Кадиллаке».

- Почему на «Кадиллаке»? – спросил я.

- Потому что мне нравятся «Кадиллаки», - ответил Толик.

- И когда ты уедешь? – спросил я, почему-то глянув вниз, мы были на пятом этаже.

- Когда заработаю на «Кадиллак».

Я ничего не понял тогда.

А теперь Толик танцевал первый танец молодоженов с уже супругой, и после этого танца волнение в его глазах исчезло. После первого танца он перестал бегать в курилку. Я сидел через три стола от них и пил коньяк под рыбные блюда.

В общем, всем вдруг стало спокойно, а потом по-настоящему весело.

- Пить коньяк под рыбные блюда это как у Тарантино? – спросил Рома, наливая водочки под говядину.

- Нет, - покачал головой я, - это как у Линча.

- Мне кажется, они будут счастливы, - сказал Рома, закусив салатом из зелени и говядиной и кивнув в сторону стола молодых.

- Все дело в границах и пограничниках, - сказал мне однажды Толик, сжигая во дворе какую-то книгу, а теперь мы столкнулись парами в медленном танце и он крикнул мне что-то про счастье. Он выглядел счастливым человеком, и мы все от души радовались за него.

Потом мы с Ромой решили подышать свежим воздухом, и вышли из ресторана, пройдя в фойе мимо искусственного водопада, который так мило и успокаивающе шумел. На улице было уже темно, но горели фонари и звезды. Настроение от выпитого было замечательным во всех отношениях и мне даже показалось, что все те вопросы, которыми была так забита моя голова, совсем ничего не стоят, что можно замечательно жить и без поиска ответов на них. По крайней мере, так собирался поступить Толик и выглядел он куда счастливее меня.

- По-моему что-то кончается, - все же сказал я.

- Но что-то начинается следом, - сказал Рома, - и это важнее. Каждый новый этап важнее предыдущего.

- Почему?

- Потому что предыдущий этап уже пройден, - сказал Рома и посмотрел на меня серьезными, трезвыми глазами, - пора и тебе понять это, Саша.

Я повел плечами.

- Нигде ждет нас, и мы рано или поздно попадем туда, если, конечно, на застрянем в Городе Печальных Людей, - сказал однажды Толик, стоя на мосту и смотря на стремительный бурлящий поток реки, а теперь крепко пожал мне руку, когда мы с ребятами, прощаясь, покидали ресторан. И еще сказал: - Как же мы глупы, пока молоды. Столько тараканов в голове. Пора их выводить.

Конечно, пора.

Всего хорошего!

Мечь

- Ты можешь пойти на другую крышу, а то я с этой прыгнуть хочу? - попросил меня неизвестный молодой человек, стоявший недалеко от края, когда я известно зачем залез на крышу своего любимого девятиэтажного дома.

Было уже за полночь, и я никак не рассчитывал встретить в своем убежище от мира живую, пусть и отчаявшуюся душу. Конечно, я немного опешил. Во-первых, от неожиданности встречи, во-вторых молодой человек в лунном свете казался зловещим и совсем нереальным, словно галлюцинация. Со мною такое вполне могло произойти, я даже ждал этого с опаской, как признак необратимости. И вдруг дождался.

Он смотрел на меня, застыв на ветру. Странное ощущение испытываешь, когда кто-то смотрит на тебя при лунном свете, застыв в полуметре от края. Однако, уже загруженный до этой встречи, я отреагировал не так бурно, как ожидал от себя: просто вылез из проема и отряхнул джинсы. Потому что они были почти новые. Потому что это была моя крыша. И вообще, сегодня у меня как-то странно и быстро не стало настроения, чтобы говорить о том, кто на крыше лишний. Он смотрел на меня, и непонятно было, что там у него в глазах: бездна отчаяния или пламя гнева. А хотелось узнать, так, для себя. Шмыгнув носом, я ото-

шел немного в сторону и посмотрел на галлюцинацию с другой точки зрения, дабы убедиться, трехмерная она или нет. Оказалась трехмерной. Трехмерная галлюцинация лучше двухмерной, подумалось мне и сделалось от этого весело.

- Слушай, я серьезно, - сказал молодой человек, - ты мне тут мешаешь. У меня тут очень важное и срочное дело, в котором не нужны ни соучастники, ни свидетели.

- Это как никак моя крыша, - с упреком сказал я.

- Это еще почему? – удивился молодой человек, и окончательно повернулся ко мне.

- Потому что я живу в этом доме, - объяснил я и показал пальцем на крышу, под которой находился дом, в котором я действительно жил.

Данная новость ввела молодого человека в небольшое замешательство, он вдруг замолчал и едва заметно затряс головой. Потом сомкнул ладони, прижал их друг к другу и начал быстро и нервно шевелить пальцами.

- Ну, я тебя прошу, - жалостливо, почти женским голосом попросил он, - я очень тебя прошу уйти. Уйди, пожалуйста.

- Ага, сейчас, - начал иронизировать я и постучал каблуками туфель, - не для того я сюда поднимался.

- Ну, может, ты спустишься ненадолго, а потом снова поднимешься?

- Нет, - я покачал головой, - если я и спущусь, то все равно стану подглядывать.

- Ну, что за подлость такая, - распсиховался молодой человек, - гадство, гадство!

И заходил взад-вперед, тряся руками над головой. Он был старше меня на несколько лет, но по его воле разницы в возрасте совсем не чувствовалось.

- Слушай, - резко остановился он и в надежде протянул ко мне руки, - слушай, может, я тебе заплачу.

- Не опошляй ситуацию, - грозно сказал я, - дело не в деньгах. Если бы дело было в деньгах, то меня тут никогда бы не возникло.

Молодой человек весь задергался и снова начал ходить взад-вперед, тщетно пытаясь успокоить свои расшатанные нервы неврастеника со стажем.

- Вся эта чертова жизнь – всего лишь пошлая оперетка, - пробормотал молодой человек, - пошлая оперетка. Мелкая пошлая оперетка. Никчемная, безвкусная пошлая оперетка. О, как же она мне надоела.

- Почему так? – спросил я с неожиданным пониманием и сел на только что случайно найденный ногой раскладной стульчик, которой валялся тут уже полгода. Я и вспомнил о нем только когда наткнулся, потому что неврастеник своей болтавней совсем вышиб из моей головы воспоминания о нем.

- Потому что все мелко, пошло и ужасно, - ответил неврастеник, - мне все надоело. На-до-е-ло!

- Слушай, - резко сказал я, потому что голову посетила одна интересная, прогрессивная мысль, - хочешь пойти со мной в Никуда?

- Что? – спросил он и с недоумением посмотрел на меня.

- В Никуда, - повторил я.

- Это как? – спросил неврастеник, скорее настороженно, чем заинтересованно.

- Там и узнаешь.

- Что-то я не понимаю...

- Мы пойдем в Никуда, чтобы раствориться в Нигде, - пояснил я, - мы будем в Нигде, то есть перестанем... Если в общих чертах, то как-то так.

- Что значит «перестанем»?

- А то и значит. Перестанем существовать в мире и для мира. Это здорово.

- А откуда ты знаешь?

- Я не знаю, но чувствую. Просто чувствую.

- Бред какой-то, - сказал он и замотал головой.

- А то, что ты тут...

Вдруг у него в кармане зазвонил мобильник, прервав меня на половине предложения мелодией группы «Сплин». Неврастеник растерялся и сразу не смог решить для себя, что ему делать. Видимо, в голове не имелось никаких инструкций о том, как вести себя в подобных ситуациях. Я помог ему, сделав жест, означающий ответ на звонок, то есть, приложив кулак с разжатыми мизинцем и большим пальцем к щеке. Неврастеник, поколебавшись пару секунд, все-таки послушал меня и достал мобильник из кармана брюк.

- Алло, - сказал он в телефон и с неприязнью посмотрел на меня, - да, еще стою.

Похоже на него кричали, так как он изменился в лице и сделался совсем убогим.

Он подошел к краю вплотную и посмотрел куда-то вниз.

- Вот он я, видишь? – спросил он и помахал рукой туда, куда смотрел. – Вот он я, стою.

- Что такое? – спросил я, подойдя поближе, чтобы услышать голос из телефона.

Конечно, это было не мое дело, но раз я оказался замешан в данной истории, мне из бытового любопытства захотелось выяснить, что происходит.

- Подожди, не подходи, - сказал молодой человек мне и отмахнулся от меня как от назойливой обеденной мухи во время ленивой трапезы под виноградником, и потом сказал в телефон, - нет, я не тебе, милая моя, не тебе.

Мне стало интересно вдвойне, когда понял, что там девушка говорит, и я подошел еще ближе.

- Тут тип какой-то, дорогая моя, он мешает мне, - сказал молодой человек, куда-то вглядываясь, - все дело в нем. Так бы уже давно, честное слово...

- Не тип, а незнакомый молодой человек, - поправил я неврастеника.

- Да какая разница! – выпалил он, убрав телефон от губ, чтобы не услышали его слов.

- Большая разница, существенная, - назидательным тоном произнес я, - скажи, что незнакомый молодой человек, и я отстану.

- Хорошо, хорошо, - примиряющим тоном произнес неврастеник и сделал мне жест рукой, чтобы остановился. Я остановился, а он продолжил по телефону: - Здесь, хорошая моя, незнакомый молодой человек и он... в общем, он немного меня задержал.

Сказав так, неврастеник глянул на меня, чтобы узнать, насколько я оказался доволен его новой формулировкой проблемы. Моя рука сделала жест одобрения. Он кивнул.

- Вот, - сказал он и послушал, что отвечают, - не знаю. При чем тут невежественное отродье? Пожалуйста, не надо опять оскорблять меня.

- Почему она так бранится? – спросил я, подойдя еще ближе. Я оказался уже в двух метрах от края крыши.

- Ну, что ты за человек! – завопил он, - ну, какая тебе разница? Почему ты мне жизнь портишь, почему?

- Я тебе жизнь порчу? – удивился почти искренне я, хотя меня весь этот спектакль уже начинал доставать своей бесперспективностью.

- Да, черт возьми, портишь!

- Ну, во-первых, не возьмет, а подавится, а во-вторых, тебе твою жизнь, похоже, испортили еще до меня.

В телефоне истошно закричали, и неврастеник отшатнулся от меня и от телефона одновременно. Он начал скрипеть зубами.

- А? что ты говоришь? – это он опять в телефон. – Почему я с ним разговариваю? Да это не я, ангел мой, это он со мной разговаривает. Скажу тебе честно, очень странные люди обитают в твоём микрорайоне. Что? Не разговаривать с ним? Ладно, ладно, не буду. Я не буду больше с ним разговаривать, только не кричи. Не кричи, прошу тебя. Какой еще сатанинский промысел. Боже, как я не люблю, когда ты так выражаешься. Ну, вот опять.

Туман непонятности немного рассеялся передо мной после пары ключевых фраз неврастеника, и я посмотрел туда же, куда и он. На балконе пятого этажа соседнего дома я увидел девушку специфической наружности, которая была различима на любых расстояниях и при любом освещении. Похоже, она тоже меня увидела, поскольку силуэт ее на фоне серых, освещенных изнутри электрическим светом занавесок дрогнул, и телефон в руках моего теперь уже приятеля внезапно замолчал.

Стало как-то жутко неприятно после того, как события приняли такой оборот. Их соль слишком горька, чтобы объяснять суть дела.

- Почему ты вдруг замолчала? – спросил молодой человек. – Милый мой чертенок, не молчи, пожалуйста. Скажи мне хоть что-нибудь.

- Давай прыгай, тварь, - отчетливо услышал я в ответ на мольбу, - прыгай, проклятая твоя душа! Немедленно.

- Чего она так? Вот чего? – обратился молодой человек ко мне. Я даже не ожидал и поэтому малость растерялся.

- Как бы тебе объяснить, чтобы не травмировать, - протянул я.

- Объясняй как есть, - сказал решительно молодой человек, - я и так весь одна большая травма. Одна сплошная ущербность.

- Мир, в котором мы находимся сейчас, действительно пошлая оперетка, - сказал я, - слишком пошлая для таких, как ты и я. Переключи сотку на режим громкой связи.

- Зачем?

- Тебе все сразу станет ясно.

Он переключил телефон на режим громкой связи.

- Ну, что ты там? Опять болтаешь с ним? – зазвучал молодой женский голос, исполненный гнева и ненависти.

- Болтает, Света, болтает, - ответил я.

- Ты? – последовал всхлип.

- Я.

- Женя, Женя, - судорожно забормотал голос, - не слушай его. Слушай меня. Ты же любишь меня, скажи, любишь?

- Очень люблю, милая, очень, - сказал Женя.

- Женя, давай прыгай, Женя ради меня, - говорила она, - давай. Мы встретимся в пекле и будем там вместе. Женя, прыгай. И не слушай этого поддонка, не слушай эту сволочь.

- Мир делится на сатанистов и сволочей. Хм, интересная теория, - сказала я.

- Да заткнись ты там! – закричала Света, - заткнись! Женя, давай. Пусть он знает, какая я стала тварь из-за него. А вскроюсь сейчас. Только посмотри как ты... и вскроюсь. Ты слышишь меня?

Но Женя уже плохо слышал, плохо соображал и еле держался на ногах от нервного напряжения. Оно вытянуло из бедняги все силы.

Я подхватил его под руки и отвел метров на пять от края. Потом посадил. Вид потерянного человека всегда действует на меня угнетающе. Женя не стал исключением – заболела голова. Ночь выдалась еще отвратней дня, и некуда было деться от мира.

Я взял из обмякшей руки Жени телефон и поднес его к уху, в телефон плакали навзрыд, очень громко и очень искренне.

- Зачем ты так? - спросил я печально и тихо.

- А ты со мной, зачем так? – рыдали в телефон.
- Я с тобой никак, совсем никак.
- Но я ведь хочу по-другому. Хочешь, я стану твоим чучелом? Будешь делать со мной все, что хочешь. А?
- Иди спать, чучело, в Никогда поговорим.
- Хорошо.
Я вызвал такси и благополучно отправил на нем Женю домой.
В Никуда мне пришлось идти одному.

Владимир МЕДВЕДЕВ

ЗАХХОК

Роман*

Содержание предыдущих глав.

События происходят двадцать лет назад в Таджикистане в конце кровопролитной гражданской войны. В маленьком районном центре при неизвестных обстоятельствах убивают врача, и его младший брат Джоруб увозит “городскую” семью покойного — жену Веру, сына Андрея и дочь Зарину — в Талхак, глухое селение в горах Дарваза, обещая им безопасность. Однако “сельская” жена убитого — Бахшанда встречает беглецов весьма враждебно. Без согласия Зарины и ее матери, она обещает отдать девушку в жены местному пареньку Кариму по прозвищу Тыква. В итоге “городская” семья не выдерживает постоянных придирок и попреков Бахшанды и решает уехать из кишлака. На дороге Веру с детьми перехватывают боевики полевого командира Зухуршо, отряд которого стоит в соседнем селении. Они избивают Андрея и силком тащат Зарину в фургон, на котором приехали.

* Продолжение. Начало в №2, 3 за 2012 год.

Глава 10

Зарина

Теперь она задумала раскопать папину могилу.

Утром вошла на летнюю кухню и встала эдакой Царицей ночи в синем вдовьем платье. Мама, сидя на корточках на земляном полу у очага, мыла посуду после завтрака. Была она в своей обычной красной рубаше до пят, платке, изорах и босиком. Я сидела поодаль и перебирала горох.

Бахшанда, не глядя на маму, обратилась к Мухитдину. Обычно я перевожу, но она почему-то привела его, собственного толмача.

— Тетя Вера, оча говорит, идите отца посмотреть.

Мама подняла голову.

— Какого отца?

Мухитдин смутился.

— Моего... И вот её тоже, — он кивнул на меня.

— Ваш отец теперь в своем раю, развлекается с гуриями, — сказала мама. — Любимое его занятие. Мне в этой компании делать нечего.

Не хочет простить, что меня просватали за этого парнишку, Карима. Смешно! Пусть только кто-нибудь попробует меня заставить... Но мама сильно переживает и тревожится. Надеюсь, Мухитдин, мой юный братец, не понял, что она сказала. Во всяком случае, не подал вида.

— Оча говорит, если хотите остудить сердце, идите посмотрите.

— У меня сердце и так холодное, — сказала мама и принялась споласкивать теплой водой деревянные блюда и голубые китайские пиалы.

Бахшанда молча вышла. Я спросила Мухитдина:

— О чем это она?

— У нас обычай есть. Если очень о мертвом сильно горюют, говорят: “Позовите Хатти-момо, пусть она пойдет, вскроет могилу”. Приходит Хатти-момо, открывает могилу, люди еще раз смотрят на покойного.

— Слушай, а зачем раскапывать? Остались же фотографии.

— Я не знаю. Обычай такой. Оча так захотела.

— А ты пойдешь?

Мухитдин приосанился:

— Это не для мужчин. Так только женщины делают. И то тайком. Если мужчины узнают, будут ругаться. Обязательно помешают. Мусульманская вера запрещает.

Шкет, малявка, а туда же! Представитель сильного пола. Младше меня, а нос задирает.

— Ну, раз ты мужчина, то и запрети ей.

Мухиддин тут же сник, из джигита превратился в испуганного мальчишку.

— Что, не можешь?! Тогда наябедничай настоящим мужчинам, что женщины хотят могилу раскопать.

Он еще больше перепугался:

— Ты что! Меня оча убьет. Заринка, пожалуйста, ей не рассказывай...

Он тётю Бахшанду как огня боится. Я видела, как она его по какому-то делу посылала. На солнцепеке плюнула за землю — чтоб обернулся прежде, чем плевков высохнет. Таймер поставила. Его будто ветром сдуло. Знал, каково придется, если не уложится в срок.

— Иди, иди, мужчина. Не расскажу.

Он бочком, бочком и — подальше от греха. Когда он ушел, я сказала маме:

— Раз ты отказалась, я пойду.

Она возмутилась:

— Даже думать не смей! Ты не какая-нибудь дикарка.

— Мамочка, ты разве не поняла? Она с тобой примириться хотела.

— Оставь, пожалуйста! — отрезала мама. — Ей просто вздумалось вывести меня на поводке и показать соседкам, как она выдрессировала русскую жену. Меня это не задевает, я с радостью налажу с ней нормальные отношения... Но не таким же варварским способом.

— Мамочка, не отказывайся. Представь, как будет трогательно. Две вдовы примиряются на кладбище, — я чуть не расхохоталась, вообразив, как мама с Бахшандой держатся за руки над папиной могилой и дают обещание никогда не ссориться:

“Миришь, миришь, миришь и больше не дерись”. — Папа был бы очень доволен.

— Вот уж верно. У твоего отца всегда были своеобразные представления.

Иногда у меня на маму зла не хватает. Тетя Бахшанда только виду не показывает, а на самом деле — оттаяла. После нашего злополучного бегства...

Даже вспомнить страшно. Когда этот придурочный Рембо — тот, что в бронезилете, — стал избивать Андрюшку, я кинулась на защиту, а другой схватил меня и потащил в машину. В этот момент я ни о чем не думала, сопротивлялась изо всех сил. Такое меня бешенство охватило. Убила бы, если б могла. Но он обхватил меня сзади, прижал руки, и я могла только кричать и брыкаться. Он подволок к машине и заорал третьему: “Открой дверь”. Стал засовывать меня вовнутрь, и в это время кто-то со стороны крикнул: “Эй, орел, отпусти девочку!” Он сразу отпустил. Я тут же обернулась и вцепилась ему в рожу. Жаль, что не знаю каких-нибудь приемов. Изничтожила бы, но удалось только засадить коленом меж ног — Андрей научил — и располосовать мерзкую харю. Он отбросил меня в сторону. Я вскочила и увидела: какой-то военный — откуда он вдруг появился? — без замаха влепил кулаком в рожу ублюдку. Раз и другой. Ублюдок не защищался. Потом военный приказал: “В машину. Потом разберемся”. Ублюдок — харя в крови — уполз в фургончик, а за ним — Рембо и тот, третий. Я побежала к Андрею. Он лежал без сознания, мама хлопотала над ним и не знала, что делать. Я услышала, как военный крикнул: “Шухи, принеси фляжку”. Оглянулась — напротив стояла ещё одна машина, открытая, без верха, из нее выскочил шофер и подошел к нам. Отвинтил крышку фляги и побрызгал Андрюшке на лицо. Военный тоже подошел. “Откуда вы?”. Я сказала: “Мы из Талхака”. Одним словом, познакомились. Даврон — так звали того военного — отвез нас обратно. По дороге мы ему все о себе рассказали, хотя его, кажется, наши приключения совсем не интересовали. Он молча сидел на переднем сидении, рядом с шофером, и даже не поворачивался. А я все болтала и болтала. Вообще-то я не балаболка, но тогда трещала как сумасшедшая и почему-то не могла остановиться. Андрей уже немного оправился. Остановились около мечети. Даврон

спросил: “Дойдёте?” Мама сказала: “Не знаю, как вас благодарить. Страшно представить, что было бы, если бы не вы...” Даврон отвернулся и уехал, не попрощавшись. Наверное, сердился, что потерял из-за нас много времени...

Мама и за этот случай винит тётю Бахшанду. А я на нее зла не держу. Теперь сразу к ней отправилась.

— Тетушка, я хочу пойти. На кладбище.

— Зачем?

— Я его дочь.

Она долго смотрела на меня, потом подняла глаза к потолку и провела ладонями по лицу.

— О, худоё! Боже, зачем, ты так все запутал.

Потом кивнула головой:

— Хорошо, иди... Подожди. Ты молиться умеешь?

— Не знаю. Наверное, умею.

— Смотри, что делают другие женщины и делай то же самое. Скажешь вместе со всеми: «Бисмилохи рахмони рагим» и проведёшь руками по лицу. Вот так.

Это мне, конечно, было известно. Это каждый знает. Я думала, она научит меня чему-нибудь более сложному. Продемонстрировала ей, как произвожу это самое умывание без воды, а она всё-таки не утерпела и обычным своим приказным тоном:

— Не забудь. Сделай все правильно. Семью нашу не опозорь.

Но я не обиделась и даже не рассердилась.

В середине дня в нашей мехмонхоне собралось десятка полтора соседок. Кого-то ждали и тихо переговаривались, как на поминках. Потом две женщины ввели под руки крохотную старушку в белом платье до пят. Все встали. Оказалась, это и была та самая знаменитая Хатти-момо. Ей лет сто или даже больше. Сухонькая, почерневшая — душа в теле едва держится, но казалось, есть в ней что-то такое, чего словами не выразить. Волшебная старушонка. Как фея из сказки, только очень ветхая...

Потом все начали молиться. Я мельком заметила, что тётя Бахшанда строго и внимательно следит за мной, но больше в её сторону не смотрела. Мне хотелось остаться одной. Никого не видеть. Никого не слышать. Я крепилась весь день, а тут вдруг

почувствовала, что у меня начала трястись голова, потом задрожало все тело, и я с трудом удержалась, чтоб не зарыдать во весь голос. Захлестывала невыносимая жалость к моему бедному папочке — еще миг, и я бы рухнула на пол и завывала бы, забилась в припадке скорби.

Видимо, тётя Дильбар, которая молилась рядом, почувствовала, что со мной творится. Она положила руку мне на плечо и прошептала:

— Доченька...

Только одно слово. Будто я тонула, а она мне в черную глубину канат бросила, а я по нему кое-как вылезла наружу. Овладела собой. Несколько раз вздохнула прерывисто, со всхлипами... И окаменела, ничего не чувствуя, ни о чем не думая. И когда произнесли заключительное: “Омин”, провела, как и все, ладонями по лицу. Руки не дрожали, но были словно чьи-то чужие, не мои.

— Пора идти, — сказала Хатти-момо. — Солнце опустилось к западу, свет будет в могилу падать.

Все вышли из мехмонхоны на задний двор и задворками выбрались на тропу, ведущую к кладбищу. Здесь, на просторе, на солнечном свете, мне немного полегчало. Наши соседки шли впереди меня и вели странный разговор.

Тётушка Лепешка:

— Дай Бог, чтобы его тело оказалось хоким.

Тётушка Кубышка:

— Наверное, так. Умар был мужчиной крепким, сильным...

Я догнала их и спросила:

— Тётушки, о чем вы говорите?

Тётушка Кубышка сказала:

— Не знаешь разве, доченька? Покойники бывают двух родов: хоким и бодим.

— Как это? Земляные и ветряные?

— Да, — сказала тётушка Лепешка. — Которые хоким, земляные, — те сохраняются долго, не разлагаются

— Которые бодим, ветряные, те свойство ветра имеют, — дополнила тётушка Кубышка. — Истлевают быстро, становятся страшными. Если так, то Хатти-момо вас отговаривать станет. “Нет нужды смотреть на него. Зачем это?” — скажет.

Мне стало очень страшно. Я боялась даже вообразить, что увижу...

Кладбище было окружено невысокой каменной стеной — как обычное поле. Но росли на нём лишь палки, воткнутые возле низких могильных холмиков. К концам палок привязаны белые лоскуты, рога, а к одной — даже расписной фарфоровый чайник...

Хатти-момо остановила женщин:

— Стойте здесь. Я открою могилу и посмотрю на лицо покойной. Если страшное, вам лучше не глядеть.

Женщины заохали, запричитали.

— Дайте мне кетмень, — приказала Хатти-момо.

Тётушка Кубышка подала ей и сказала:

— Бабушка, я помогу.

— Сама!

Хатти-момо ухватила за древко и поволокла кетмень за собой как муравей соломину. “У неё сил нету, чтобы и такую-то лёгкую железку поднять, — тупо подумалось мне. — Как она сумеет копать?”

Хатти-момо доковыляла до одного из холмиков, ничем не отличного от соседних, и я поняла, что это папина могила. Мой папочка зарыт под этой земляной кучкой? Нет, представить невозможно...

Хатти-момо остановилась, шепча молитву. Женщины разом затихли и молча следили за ней с пугливым любопытством. Старушка откинула длинные рукава и взмахнула кетменём. Она разгребла рыхлую землю, прокопала в ней небольшую яму — смотровое окошко, отбросила кетмень и отошла в сторону.

Женщины зашептались:

— Пережидает, пока пар покойника выйдет...

— Очень для человека вреден...

Хатти-момо постояла немного, потом вернулась к могиле, взгляделась, протянула руку и что-то там внизу, в дыре, обтёрла концом рукава. Мне даже думать было страшно, что она обтирает...

— Можно посмотреть, — сказала Хатти-момо. — Подойди ты, вдова.

Тётя Бахшанда подошла и присела рядом с отверстием. По

её лицу невозможно было догадаться, что она видит и что чувствует. Потом Хатти-момо сказала:

— Теперь пусть дочь посмотрит.

Не помня себя, я пошла к могиле. Я решила, что не буду смотреть. Но когда опустилась рядом с тётей Бахшандой и краем глаза увидела, как солнечный свет уходит в земляную дыру словно в какую-то воронку, то, хотя я и не хотела, что-то заставило меня заглянуть туда. Я слышала, как одна из женщин сказала: “Уведите девочку”, но не могла тронуться с места и оторвать взгляда от незнакомого мёртвого лица в дыре...

Бахшанда обняла меня.

— Пойдем, дочка.

Я почувствовала её живое сильное тело и прижалась к нему.

И в это время внизу, в отдалении — в кишлаке? — внезапно раздались выстрелы.

— Дети! Там дети остались! — закричала тетя Бахшанда.

Женщины закричали и, спотыкаясь о могильные холмики, побежали вниз по склону к ограде кладбища. Я побежала вместе со всеми. Потом остановилась, оглянулась и увидела, что Хатти-момо кетменём забрасывает сухой землей дыру в папиной могиле.

Глава 11

Карим Тыква

У хлеба — вкус Зарины. У похлебки тоже. Сажусь похлебку есть, сразу Зарину вспоминаю. Чай пью, а Зарина будто рядом. У чая — аромат, как у Зарины. Утром в тени продрогну, и от счастья дрожь берёт — скоро на Зарине женюсь. Днем на солнцепёке согреюсь, в жар бросает — Зарину обнимать, целовать буду... Коровью лепешку на земле увижу — радуюсь, вспоминаю: Зарина в нашем доме корову доить будет. Автомат чищу, запах масла напоминает: “Как еще долго ждать”. Потом думаю: “За делом время быстрее пройдёт”. Три раза автомат разбираю-собираю. Пусть Зарина узнает, какой я умелый, ловкий... Куда ни иду — к Зарине иду. Все дороги к ней ведут. В любую сторону иди,

обязательно к Зарине придешь, но очень долго идти. Печалюсь: “Почему так далеко?”

Утром Даврон говорит: “В Талхак едем”. Я радуюсь. Наконец с Зариной встречусь...

Едем. Шухи-шутник рядом сидит. Спрашиваю:

— У тебя жена есть?

По-хорошему, по-дружески спрашиваю, а он:

— Зачем интересуешься? — отвечает. — Не сам ли жениться задумал? Нет, братишка, тебе нельзя.

— Почему?

— Такой кер, как у тебя, нельзя на бабу зря изводить. Тебе, братишка, в Америку поехать надо. Там американцы большой олимпийский керодром построят — твой кер за деньги показывать. Тебя рядом поселят, в каморке. Будешь кер охранять, травой натирать... Знаменитым человеком станешь.

— В Америке плохо, — Дилшод перебивает. — Мафия кер украдёт. Тыкве в колхоз Жданова ехать надо. Там в земле глубокая яма есть. Если кер в неё сунуть, залупа как раз в Америке выйдет.

— А деньги Тыква как получит? — Шухи-шутник спрашивает.

— Э, американцы знают... Деньги как-нибудь по почте перешлют. А мафия залупу увидит, украсть захочет, грузовик подгонит, крюком зацепит, потянет... Тыкву наружу вытянет. Тыква рассердится, мафию кером насмерть перебьёт. Американский президент ему орден даст.

Смеются. Они меня после того дразнить стали, как я совету Шириншо поверил, свой кер травой талхуган с курдючным салом натёр... Оха!.. Распух, смотреть страшно. Никому не рассказал, но как-то прознали. Ребята смотреть приходили.

— Эй, Тыква, покажи.

Я не показывал — грех показывать, — но они всё равно смеялись. Другое прозвище мне дали — Кери-хар, Ослиный кер. Так и звали. Даврон услышал, сказал: “Если кто этого бойца ещё раз “кери-хар” назовёт, тому голову оторву”. Испугались, перестали. Потом опухоль ушла, а кер, каким прежде был, таким и остался...

В Талхак приезжаем, возле нижнего моста останавливаем-

ся, к мечети поднимаемся. На площади совсем мало народа. Из наших соседей — только Алишер, Кутбеддин, дед Додихудо, Мирзо, Мирсаид-кривой, Кутби Киром.

Даврон приказывает: “Здесь стоять. По кишлаку не шастать. Никого не обижать. Тронете кого — голову сниму!” Я думаю: “Жаль, что такой приказ. Пока народ собирается, я бы сбежать успел... До нашего дома далеко, а до деда Мирбобо — близко...”

Потом этот шакал приходит. Кричу ему:

— Эй, Шириншо!

Подходить к нему не хочу. Хоть он и старший, приказываю:

— Сюда иди!

Думаю: сейчас как-нибудь его перед ребятами опозорю. За нос дёрну или ещё как-нибудь. Он к нам ковыляет. Мы, пять наших ребят, кружком стоим. Шириншо со всеми за руку здоровается.

— А, Карим, как дела, солдат? Кер вырос?

Шухи-шутник говорит:

— Тыква теперь его в казарме оставляет. Такой большой стал, что в машину не влезает.

— Ничего, — Шириншо ухмыляется, — куда надо влезет...

А вот вы, ребята, скажите, — на грузовики с мешками кивает, — сколько муки на одного человека положено?

Мы не знаем, нам не сказали, но Шухи-шутник серьёзное лицо делает:

— Дадут, сколько кто на плечи поднимет. Вы, муаллим, я вижу, человек очень сильный. Так что вам и три мешка достанутся...

Ребята исподтишка перемигиваются — хорошо Шухи слабосильного калеку поддел, а я стою, будто рот толоком набил. Не получилось. Разговор так повернулся, что теперь Шириншо ни с того, ни с сего за нос не дёрнешь. Может, ещё что-нибудь придумаю... В это время за рекой, на нашей стороне, в нашем гузаре — выстрелы. Автоматные. Та-та-та. Та-та.

Даврон кричит, командует:

— Гург, разберись! Возьми людей. Карима прихвати, он местный. И смотри: действуй осторожно! Ты понял?!

— Яволь! — Гург-волк отвечает, меня спрашивает: — Тыква, присёк, откуда выстрелы?

— На этой стороне стреляли, — говорю.

— Ты чё, пацан, глухой? — Гург-волк сердится. — Почему на “этой”? За речкой шмаляли, я слышал.

Объяснить хочу:

— Там, за рекой, — наша сторона, на которой мы живём. Потому она и называется “эта”. Здесь же — где ты сейчас стоишь, где мечеть, — здесь люди с другой стороны живут. Потому её и называем — “та” сторона.

Не понимает.

— Мудаки талхакские. Как здесь может быть та сторона, если мы на ней находимся?

Ещё раз объясняю:

— Это которые здесь живут называют свою сторону этой, а нашу — той. Мы-то про здешнюю всегда говорим “та сторона”.

Гург-волк сердится, железные зубы скалит:

— Ты, кери-хар, голову мне не морочь! Та, эта — какая разница?! Вперёд, пацан! Шевели коленями. Беги, дорогу показывай.

Бежим. По мосту проносимся. Наверх, к нашему гузару, подниматься начинаем.

— Где искать?! — Гург сердится. — Ни хрена тут у вас не поймёшь...

— Эй, смотри, вон Рембо идёт! — Дилшод кричит.

Действительно, навстречу по улице Рембо спускается.

— Брат-джон, что такое? — Гург спрашивает.

— Э, билять... — Рембо говорит, на землю сплёвывает.

— Покажи, — Гург приказывает.

Идём, мне страшно. Не к нашему ли дому ведёт? Прошу: “Дедушка Абдукарим, отведите беду. Сделайте так, чтобы наши не пострадали”. Сам думаю, если что плохое случилось, поздно уже просить. Раньше надо было умолять. Заранее. Но заранее как попросишь? Никогда не знаешь, что будет. Конечно, мы наших дедов-духов всегда почитали, никогда не забывали, всегда им уважение оказывали, вечером накануне пятницы вместе собирались — для них молитвы читали, их имена вспоминали... Мы повода не давали, чтоб на нас гневаться. Неужели нас оставят, в помощи откажут?

Рембо ребят к дому Салима, соседа, что ниже нас живёт,

приводит. Когда подходим, сразу замечаю — там, выше салимова двора, на крыше нашего дома отец стоит. Будто камень с души падает. Я радуюсь. Спасибо дедам-духам! Богу тоже спасибо... Потом через калитку к Салиму во двор входим, мне опять страшно становится. Во дворе убитые Салим и Зухро на земле лежат.

Рембо говорит:

— Эти горцы совсем дикие. Как звери. Никакой культуры у них нет. Их женщины не понимают, как с мужчиной себя вести.

Гург-волк говорит:

— Кончай философию. Скажи, что делать будешь?

Рембо говорит:

— Раз баба не дала, ослицу поймаю.

Ребята смеются. Шухи-шутник говорит:

— Тебе только ослиц и охаживать.

Рембо злится:

— Ослицу для тебя приведу. Себе другую бабу найду.

Ребята опять смеются. Гург опять говорит:

— Даврон шутить не любит. Приказал никого не обижать.

— Э, Даврон кто такой?! — Рембо говорит. — Что он сделает?

Потом говорит:

— Я сам Даврон.

Говорит:

— Обиженных нет. Был один, — на мёртвого Салима, нашего соседа, кивает, — уже не обижается.

Ребята смеются.

— Ладно, — Рембо говорит, — что-нибудь придумаем. Скажу, он первым начал стрелять — я защищался.

— Где автомат лишний возьмёшь?

— Пистолет ему положим.

— Выстрелы все слышали. Пистолетных не было. Лучше кетмень подложить. Ну, а бабёнка?

— Она на меня с ножом бросилась.

— А где нож? — Дилшод спрашивает.

Рембо на веранду-кухню идёт — там большой нож, каким овощи крошат, берёт.

— Вот нож, — говорит и рядом с мёртвой Зухро кладёт.

Потом Шухи-шутник говорит:

— Там на крыше какой-то мужик стоит... На нас смотрит.

Все ребята разом головы вверх поднимают.

— Эх, бильяты! — Рембо ругается.

Гург ко мне поворачивается:

— Кто такой?

— Мой отец.

— Скажи, пусть сюда придёт.

Страшно мне стало. Очень страшно. Ничего придумать не могу. Спрашиваю:

— Зачем?

— Э-э, не бойся, пацан. Просто поговорить... Что стоишь, мнётся? Давай, давай, кричи ему.

Я кричу:

— Отец, пожалуйста, сюда спуститесь.

Отец с крыши спускается, из нашего двора выходит, к Салиму во двор калитку распахивает. Лицо — как мука белое. Никогда я отца таким бледным не видел. Но шагом твёрдым идёт.

Гург-волк ему обе руки с уважением протягивает.

— А, отец, ас-салому... Как ваше здоровье? Как семья?

У отца руки дрожат, но как должно здоровается. С достоинством.

Гург говорит — вежливо говорит, уважительно:

— Отец, вы сами видели, что произошло... Вот этот человек, Рембо, пить захотел, во двор к вашим соседям зашёл, воды попросил. А эти ваши соседи, наверное, что-нибудь плохое подумали и на Рембо с ножом, с кетменём бросились, убить хотели. Рембо что было делать? Рембо защищался. Свою жизнь спасал. Пришлось их застрелить... Таких людей убивать надо. Хорошо, что вы свидетелем были. Всё своими глазами видели. Можете всем сказать, что Рембо не виноват. Соседи ваши виноваты...

Отец говорит:

— Я другое видел. Этот ваш человек, Рембо...

Гург-волк сердится, железные зубы скалит:

— Вы, отец, наверное, плохо разглядели. Сосед на Рембо первым напал.

Шухи-шутник смеётся:

— Покойник-бедняга, наверное, кетмень где-то по дороге потерял.

— Шухи, найди, — Гург приказывает.

— Рембо пусть ищет. Он здесь всё знает.

Гург сердится:

— Э, падарналат, не огрызайся. Иди выполняй!

Шухи на задний двор кетмень искать уходит. Гург-волк отцу говорит:

— Уважаемый, вас, оказывается, ещё учить надо. Рядом с такими злыми соседями живёте, наверное, сами от них заразились. Разве не знаете пословицу: “С дурным поведёшься — дурным станешь, с добрым — сам расцветёшь”? Зачем плохих людей выгораживаете? Надо всегда честно поступать. Надо правду говорить! Если неправду скажете... Ваш сын у нас служит. Сына пожалейте. Вот тут рядом его товарищи стоят. Если вы обманывать станете, ему перед ними стыдно за вас будет. Как потом с товарищами жить? Не сможет он жить...

Отец стоит, молчит. Вниз, на землю смотрит, даже на меня глаза не поднимает. Я будто на две половины разрываюсь: отцу помочь хочу — что сделать, что сказать, не знаю.

Гург-волк отцу:

— Ну, всё! — говорит. — Короче, мужик, ты понял. Здесь стой. Командир придёт, правду ему скажешь. Ребята подтвердят.

Отец, голову опустив, молчит. Даврон приходит. Спрашивает:

— Кто?

Ребята молчат. Отец тоже молчит. Гург говорит:

— Даврон, мы пришли, они уже мёртвые были. Вот этот мужик, — на отца указывает, — всё видел. Мужик говорит, Рембо во двор зашёл, воды попросить, а эти, — на мёртвых Салиму и Салима указывает, — наверное, что-нибудь нехорошее подумали и на него с ножом, с кетменём набросились... Мужик говорит, Рембо убивать не хотел. Рембо жизнь свою защищал...

Даврон отца спрашивает:

— Так было?

Отец головы не поднимает.

— Да. Так было, — с трудом, едва слышно выговаривает.

Даврон:

— Пон-я-я-я-я-тно, — говорит.

В это время Шухи-шутник с заднего двора выскакивает, кетмень тащит, ухмыляется.

— Вот оружие, — кричит, — с которым убитый мужик на Рембо напал!

Ребята смеются.

Рембо:

— Э, Шухи, пидарас! Я твою маму таскал! — кричит. — Даврон, пусть меня Бог убьёт, я просто воды попросить зашёл. Ничего плохого не хотел. Так получилось...

Даврон кивает.

— Ладно, — говорит. — Бывает... Автомат ему отдай, — говорит, на Шухи кивает.

Пистолет на ремне поправляет, говорит:

— Иди за мной.

Уходит. Ребята за ним следом со двора выходят. Я чуть не плачу, отцу говорю:

— Дадо...

Он головы не поднимает.

— Уходи, Карим... Здесь не задерживайся... Иди...

Глава 12

Даврон

16:34. Вывожу Рембо на край здешней площади.

Площадь — небольшая продолговатая терраса на окраине кишлака. С северо-восточной, длинной стороны — крутой обрыв к реке. С юго-запада — отвесный горный склон. Почти вертикальная стена. У подножия стены — мечеть из грубого камня.

Троим бойцам приказываю :

— Вы — туда.

То есть, к северной стене мечети, где кучкуется охрана Зухура, десять человек. Охранять пока не от кого. Далее — поглядим. Сейчас Зухур таскает “гвардию” с собой ради престижа.

Останавливаю Рембо:

— Стой здесь.

Гургу:

— Останешься с ним.

Перед началом митинга поставлю обоих перед строем и прикажу Гургу расстрелять Рембо. За нарушение приказа. Пусть выбирает: или завязывает мутить воду, или — пуля... Пора кончать с бардаком в отряде — блатной контингент наглеет с каждым днем. Не факт, но Гург, возможно, откажется. Корчить из себя пахана не позволю. Охотников уложить его заодно с Рембо — немало. А если прогнётся и расстреляет, его авторитету среди блатных конец. Даст малый повод — ликвидирую. Без Гурга блатные притихнут как зайчики.

Зухур стоит у северо-восточного угла мечети. Красуется при полном параде: в камуфляже и со змеей. Позади — амбалы-телохранители, Гафур и Занбур. У стенки жмутся местные власти: раис и какой-то старик. Гадо, младший Зухуров братец, — как всегда, в стороне. Слева. Демонстрирует, что он сам по себе.

Подхожу к Зухуру, информирую:

— Соберётся народ — расстреляю. Вон того, в бронежилетке. Он, недовольно:

— Этого?! Не надо. Зачем? Солдат и так мало. Зачем людей тратить?

Объясняю:

— Нарушил приказ. Убил двоих местных.

Он, важно:

— Не спеши, Даврон. Разобраться надо.

Кричит Рембо:

— Иди сюда!

Рембо подходит по-блатному развязно.

— Что такое? — спрашивает Зухур. — Что там у тебя было?

Рембо усмехается нагло:

— Ничего не было. Всё нормально. Пусть Даврон скажет.

Он тоже видел...

Разворачиваюсь, засаживаю ему в рыло. Он:

— За что?!

— За всё. Это аванс. Распишись. А пулю получишь... — сверяюсь с часами, — ровно через двадцать минут. В 16:56.

Рембо вопит:

— Почему через двадцать? Почему пулю?! Я в тот двор просто так зашёл. Зухур, скажи ему, да...

Зухур:

— Зачем в людей стрелял? Если дехкан убивать, кто работать будет?

— Кого я убил?! Не убивал я никого!

— Даврон сказал, ты двоих застрелил.

— Они первыми напали. Что мне делать?! Ждать, пока убьют? Ребят спроси. Все знают, как было...

Зухур задумывается. Я не вмешиваюсь. Хочет в судью играть, пусть поиграет. В любом случае, Рембо — не жилец.

— Ладно, на первый раз прощаю, — решает Зухур. — Иди. Провинишься — больше не прощу.

Рембо отходит. По направлению к мечети. Я ему вслед:

— Не туда! Стой с Гургом, в стороне.

— Понимаешь, — говорит Зухур — это политика. Расстреляем его — наши люди обидятся...

— Хочешь сказать, *твои* люди...

— Почему так говоришь? Никаких “твоих” — “моих” нет. Все одинаковые.

Врёт, как обычно. Он сам упросил меня взять в отряд его личную “гвардию”. Я поставил условие: будут подчиняться мне как прочие бойцы. Позже обнаружилось, что половина его гвардейцев — блатные. Мне плевать, кто они. Но соблюдать дисциплину заставлю всех. Говорю спокойно, без нажима:

— Значит, так, Зухур. Твои дела — это твои дела. Но в командование отрядом не лезь. За меня не решай. Будет, как я сказал...

Он скидывается:

— В этом ущелье я хозяин.

Соглашаюсь:

— Хорошо, бери командование на себя. Следи только, чтоб твои басмачи друг друга не сожрали. И тебя заодно...

Он, недоверчиво:

— А ты?

— Заберу своих бойцов и вернусь в Курган.

— Э, нет! Сангак тебе приказал меня охранять.

— Не было такого приказа. Сангак не приказывал. Сангак попросил меня охранять и поддерживать порядок. Заметь: *попросил*. И еще: охранять, но не тебя лично...

На самом деле, вернуться в Курган-тюбе я не могу, потому что дал Сангаку обещание оставаться здесь, пока он сам меня не отзовет. Зухуру это знать ни к чему, но сегодня вечером я кое-что ему объясню. Практически. Он меня достал. Рембо — последняя капля. Таких, как Зухур, надо учить. На людях — нельзя, а наедине, в укромном уголке, разобью морду в кровь. И так теперь будет всегда. Днем рыпнулся — вечером урок.

Он пытается маневрировать:

— Даврон, я шутил...

— Я не шучу.

Зухур размышляет. И дает задний ход:

— Даврон, знаешь, как я тебя уважаю. Пусть будет, как ты сказал. Ты военный человек, командир...

Улыбается льстиво:

— Нам враждовать нельзя. Надо консенсуса добиваться. Я, чтобы тебе приятное сделать, готов сам его расстрелять...

Консенсус так консенсус. До вечера.

— Ладно, — говорю, — мир и дружба. А расстрелять поручи лучше Гургу.

Он опять заводится с полоборота. Зухур любой глагол в повелительном наклонении воспринимает как приказание. Приказов не терпит. Для такой важной персоны это оскорбление.

— Учить не надо! Сказал — сделаю.

Козел упертый, весь сценарий мне ломает! Надо не только Рембо ликвидировать, но и Гурга к расстрелу припахать. Но ему не объяснишь. Придется как с ребенком...

— Какой тебе смысл марать руки?

— Сам рас-стре-ля-ю...

На морде — мечтательное выражение. Нашел новую игрушку. Новый способ ловить кайф от власти. Крови захотелось. Царь-дракон, мать его... Спрашиваю:

— Ты убивал когда-нибудь человека? Это не так просто, как думаешь.

Он, оскорбленно:

— Ты меня еще не знаешь...

Упёрся. Теперь затаит обиду и постарается отыгаться. Мне плевать. На худой конец и Зухур в палачи сгодится. Сверяюсь с часами. 17:00. Пора начинать. Население в сборе.

Толпа выстроилась на противоположном краю площадки. Вдоль обрыва к реке. Впереди — мужчины. Женщины сгрудились позади. Слева — каменная глыба высотой метра три. На глыбе — девушки и дети. Забрались повыше. Иначе из-за спин взрослых ничего не увидят.

Зарина наверняка среди них, факт. Приказываю себе не смотреть. Я постоянно о ней думаю после того случая... Умом понимаю, что это не *она*. Просто девчонка до смерти на *нее* похожа. Сходство почти полное. Если не всматриваться слишком пристально. Но Зарина — не *она*. Мертвые не возвращаются.

Голова поворачивается сама собой. Как стрелка компаса в магнитном поле. В сторону камня с девушками. Сразу же распознаю Зарину. Среди других. Усилием воли заставляю себя отвернуться. Слишком опасно. Для *нее* опасно. Я заражаю несчастьем каждого, с кем меня связывает хоть что-то личное. Почти каждого. Не хочу вспоминать, скольких погубил помимо своей воли... Навлечь беду еще и на эту девчонку — катастрофа. Оттого и Рембо тогда же, на дороге, не ликвидировал. Руки чесались, но отпустил. Будь голова и сердце холодными, застрелил бы, не раздумывая. Но внутри все кипело. И я остерегся. Надо держаться как можно дальше. Не вмешиваться. Фактически вмешательство было бы побочным. Косвенным. Напрямую девчонку не затронуло бы. Связь могла и не возникнуть. Рисковать я не хотел. Слишком много бурлило эмоций. Порой даже один пристальный взгляд способен проложить силовые линии. Определить заранее невозможно... Не знаю, как это срабатывает. Что-то, вроде резонанса. С одними — да, с другими — нет. Чаще всего резонирует. Не хочу, чтобы резонировало и на этот раз...

— Нравится девчонка?

Зухур. Смотрит хитро: застучал, мол. Отбрехиваюсь:

— Тебе что, повсюду бабы мерещатся?

— Меня не обманешь. Ты на ту, беленькую, глаз положил.

— Вот я и говорю: кто о чем, а ты о бабах.

Поглаживает змея, величественно:

— Ты меня еще не знаешь. Я все вижу. Та девушка, на камне...

— Ну, стоит девушка... И что?

— Хочь тебе её подарить. Приятное тебе сделать.

— Зухур, уймись. Женский контингент меня не интересует.

— Э-э-э, погляди, какая... Ромашка.

— Обойдусь без цветов.

Вздыхает притворно:

— Жаль. От подарка отказываешься...

— Завязывай. С Рембо пора решать.

Он приосанивается, гладит змея:

— Чего волнуешься? Сейчас решу.

Рембо, скот, опять нарушил приказ. Отошел к мечети. К зухуровой охране. Забрал у Шухи свой автомат. Гург там же. Чешут языки с бойцами. Факт, обсуждают, как Рембо обул командира. Идиот Зухур! Нельзя подчиненным такие поводы давать.

— Эй, ты! Иди сюда, — кричит Зухур.

Рембо оглядывается, бросает какую-то фразу — бойцы хочут — отчаливает. Неспешно, вразвалку. Строит из себя киношного спецназовца в бронезилете на голое тело. Насмотрелся видео. Броник носит, как Зухур змею, — из пижонства. Приказываю:

— Оружие оставь.

Рембо перебрасывает автомат Гургу. Подваливает.

— Чё такое?

Зухур резко берет его в оборот:

— Приказ почему не слушаешь?

— Какой приказ? Ты чё, Зухур?!

— Тебе где велено было стоять? Ты где встал?

— Э, какая разница...

— Помнишь, я сказал: еще раз нарушишь — больше не прощу.

Рембо озирается. Бросает косяка на своих. Наглеет, с ухмылкой:

— Меня уже Бог простил... Вон у ребят спроси.

Зухуршо звереет:

— Я здесь Бог! А ты кто?! Отребье безродное! Как со мной говоришь? Кто тебе право дал?!.. Эй, Гафур, туда его отведи, — машет на место метрах в пяти перед собой, — на колени поставь.

Рембо отскакивает от Гафура.

— Отвали, обезьян! Зухур, бля буду, прости. Я же не все-ръем. Чё, пошутить нельзя?!

Гафур ловит его за руку, тащит, куда приказано. Поворачивает лицом к Зухуру. Рембо хорохорится:

— Ну, чё? Может, еще раком встать?

Гафур хватает его за плечи, силой опускает на колени. Рембо вскакивает:

— Зухур! Скажи обезьяну, чтоб не борзел!

Гафур бьет его в морду. Рембо падает, возится, поднимаясь на ноги. Бледный, с разбитой харей кричит:

— Гург, братан, скажи ему! Чё он творит?!

Гург воровской развинченной походочкой подгребает к Зухуру.

— Зухур, что за канкаты? Хорошего человека на карачки ставят. Рожу ему чистят...

— Твоя ли забота?

— Моя не моя, а люди в непонятках, беспокоятся.

— Пусть не беспокоятся. Лучше пусть готовятся по нему джанозу читать.

Гург скалит стальные клыки:

— Каюм узнает, ему не понравится...

— С Каюмом сам разберусь.

— Ребятам тоже не понравится.

— А с ними ты разберись. Понял?!

Сильно Зухура заклинило, факт. Аж на самого Гурга голос повысил... И что там еще за Каюм? Впервые о нем слышу.

Гург в ответ, задушевым, хриплым шопотом:

— Я понял, а ты-то въезжаешь? Кто тебя защищать будет? Думаешь, Даврон? Это мы защищаем. Сам знаешь, в горах опасно...

— Угрожаешь?

Гург не отвечает. Отваливает. На ходу полуоборачивается:

— Короче, жизнь покажет.

Зухур смотрит вслед. Вроде, с беспокойством. Говорю:

— Зухур, я прикажу: он и расстреляет.

— Я сам!

Сам так сам, пускай тешится. Советую:

— Скажи Гафуру, чтоб снял с Рембо бронезилет.

— Зачем? Голова есть...

— В голову можно промазать. На твоём месте, я бы целил наверняка. В грудь.

— Я попаду куда надо.

Комедия! Неуклюже тащит пистолет из кобуры. Стрелял он не часто — это факт. Если вообще когда-нибудь стрелял.

— Зухур, заходи к нему со стороны. Слева или справа...

— Зачем?

— Если отсюда, то на линии выстрела — люди. Мало ли чего...

— Неважно. Я попаду.

Опять уперся. Иду на хитрость:

— Кто б сомневался! Попадешь. Но так тебя Рембо заслонит. А станешь сбоку — целая панорама. Как в кино. На широком экране.

Хлопает меня по спине.

— Молодец! Хорошо предложил. Слушай, а если пуля в жилет угодит — пробьет?

— Покажи пистолет.

Протягивает какой-то изукрашенный дамский пистолетик.

Пожимаю плечами:

— Смотря с какой дистанции стрелять. А тебе-то что?

— Интересно.

— По ГОСТу броник должен останавливать пулю из “макарова” с пяти метров. Знал я двух орлов, которые затеяли дуэль в жилетах. Не знаю, из лихости или на спор — проверить, пробьет или не пробьет. Стрелялись метров с двадцати. Один попал. Пуля бронепластину не пробил.

— Двадцать метров... Далеко.

— У того орла, что принял пулю, были сломаны четыре ребра. И легкие ему разможило. Короче, умер на третьи сутки... Но то был “макаров”. Насчет твоей пукалки ничего сказать не могу. Пуля легкая, скорость маленькая... Вернее всего, броник не пробьет и ребра не сломает.

— Пукалка! Слова выбирай.

— Ладно: твое благородное оружие. А ты что, хочешь в броник выстрелить?

— Нет! Зачем?!

— В любом случае, бей с близкой дистанции. Метров с двух. Еще лучше — в упор.

— Сам знаю.

Я, безразлично, в пустоту:

— Некоторые еще пистолет с предохранителя снимают...

— Где?! Покажи, как.

Показываю. Он поглаживает змея, шепчет: «бисмилло».

— Гафур, опусти его!

Телохранитель с силой давит Рембо на плечи. Рембо бухается на колени. Вскрикивает от боли. Разбил коленные чашечки, факт. Не беда, ему теперь не в футбол играть.

Зухур подходит, встает рядом с Рембо, лицом к толпе.

— Люди Талхака! Я приехал не затем, чтобы вас притеснять. Не затем, чтобы нарушать обычаи. Я ваш земляк. Всех вас знаю. А вы все меня знаете...

Из толпы кричат:

— Знаем! Гиёза зачем убил?!

— Пастбище почему отнял? Все овцы погибли.

Смелые ребята, эти горцы. Или еще не осознали, что к чему?

— Этих двух несчастных почему застрелили?!

Зухур:

— Да, товарищи, произошел такой инцидент. Сейчас решим этот вопрос...

Кладет на макушку Рембо руку. Левую. В правой — пистолет.

— Вот этот человек... Его обвиняют, говорят: он убил ваших односельчан. Он говорит, что защищался. Говорит, что ваши люди на него напали. Правда или не правда, пусть Бог судит. Если этот человек виновен в смерти тех несчастных, он погибнет. Если не виновен, пуля не причинит ему вреда...

Поня-я-я-ятно. Решил всех ублажить — и блатных, и местных. Затем и расспрашивал про бронезилет. Напугали-таки его басмачи. Ладно, пусть целит куда хочет. Мне без разницы. В любом случае выйдет по-моему. Зухур схитрит, так Гург дострелит.

Зухур отходит на пять метров вправо. Гафур разворачивает Рембо к нему грудью. Зухур озирается:

— Антон, ты где?!..

Корреспондент с фотоаппаратом выныривает из толпы.

— Почему не снимаешь?

Антон подходит ближе, поднимает к глазам камеру. Гафур

отходит от Рембо. Зухур топчется на месте. Шаг назад, вперед. Сначала не понимаю, к чему эти танцы с бубном. Потом доходит: он сам еще не знает, как поступит. И крови хочется, и боязно. Да и вообще страшно: Рембо смотрит в упор. Трудно убить человека, глядя ему в глаза.

В детстве я видел в газете снимок: во Вьетнаме какой-то узкоплечный генерал расстреливает вьетконговца. Генерал, лысый, сухой, тощий, — руку наотлет и прислонил ствол к самому виску партизана. Зухуру такое не под силу. Злости и бесчувственности у него хватает, но самолично убивать еще не прилаhdился.

Зухур наконец решается. Становится в стойку. Вытягивает руку с пистолетом. Застывает. Позирует. Растягивает удовольствие. Змей изгибается, кладет голову ему на предплечье. Плакат...

Зухур высвобождает руку. Вытягивает вновь. Целится. Судя по углу — в грудь. Значит, пошел на поводу у блатных. Струсил. Выстрел.

Отдача подбрасывает ствол вверх. У Рембо выносит затылок. Порядок! Гург может отдыхать. До поры... Фиксирую время. 17:15.

Басмачи гомонят. Наблюдаю. Нет, не посмеют. Однако подзывают своего бойца:

— Ахадов, сюда! Что там у вас?

— Блатные обижаются...

— Знаешь, что делать в случае чего?

— Знаю.

— Вас там семеро. Ты — за главного. Если что — не раздумывай. Командуй. Бейте на поражение.

Ко мне подходит Зухур. Тычет стволом в кобуру, не попадает — руки трясутся. Реакция. Адреналин. Наконец кое-как прилаhdивает свою пиццаль.

— Ты видел?!

Глаза светятся как у кота.

— Нет, скажи, ты видел?! Как я...

Чего ждет? Поздравлений?

— Для первого раза неплохо, — говорю. — Промазал всего сантиметров на тридцать.

— Почему обижаешь? Вон, смотри — лежит. Мертвый...

— Ты целил в грудь. В следующий раз держи рукоятку крепче. И пистолет пристреляй.

Вижу по роже: опять оскорбил. Испортил праздник. Но мне обрыдло щадить его нежную натуру. Взгляд Зухура уходит в глубину... По опыту знаю — это признак: что-то замышляет... И в ту же секунду выдает мне:

— Спасибо, Даврон. Ты помог, хорошие советы давал. Я тебе тоже что-нибудь хорошее сделать хочу. Та девочка, что тебе понравилась... Ромашка. Скажу Занбуру, чтоб сюда привел. Себе её возьмешь. Хочешь — женись, хочешь — так...

Грубо подкальывает. Слишком грубо. Считает, что нащупал слабое место. Рублю напрямую:

— Кончай докапываться. Все! Закрывай тему.

Он кивает: ставлю точку. Фактически, я уверен, приберегает тему на будущее... Неужто резонанс?! Черт, как я ни берегся, а затаял девочку в хреновую ситуацию. Самое паскудное — защитить не могу. Боюсь еще больше навредить.

Зухур идет к труп. Достает из кармана и обмакивает в кровь белый платок. Кричит:

— Есть здесь родичи убитых?

Население волнуется:

— Икром выходи.

Из задних рядов вперед пробивается старик. За ним — заплаканная пожилая женщина. Сбоку выходит мужик средних лет.

— Подойдите, — командует Зухур.

Приближаются. Зухур протягивает платок старику:

— Возвращаю кровь за вашу кровь

Старик принимает осторожно, чтоб не замараться. Явно не знает, что делать с окровавленной тряпкой.

Зухур, величаво:

— Положишь на могилу своей дочери.

— Сын. Мой сын был убит, — по лицу старика катятся слезы.

— Я за него отомстил.

Зухур идет назад. Раздувается от гордости:

— Вот как надо! Это справедливо. А ты надо мной смеялся. Совсем меня не уважаешь?

Надоел. Вечером объясню, что такое уважение.

— Зухур, ты своих гвардейцев, басмачей спроси. Эти тебя почитают, сильнее некуда. Каюмом грозят...

Он осекается. Потом:

— Каюм! Плевал я на него.

— Ну-ну... А кто он таков?

— Один мой родич, ничтожный человек. Маленький человек...

— Поня-я-я-тно.

Зухур мрачнеет. Смотрит на меня, будто прицеливается.

— Ты не думай, я про уважение просто так говорил. Проверял. Я знаю, ты меня уважаешь. Я тебя тоже уважаю. Потому про ту беленькую девочку спрашивал. Думал, может, она тебе понравилась. Не хотел у тебя женщину отнимать. Но ты сказал, тебе не нужна. Хорошо, тебе не нужна — себе возьму.

— Уточни: как это — “возьмешь”?

— А-а-а, как-нибудь...

Я почти чувствую, как вспыхивают силовые линии, тянутся от меня к девушке на камне. Линии множатся, переплетаются, окутывают её невидимым раскаленным клубком. Боюсь шевельнуться, ляпнуть что-нибудь не то, иначе разразится какая-то немыслимая беда. Надо успокоиться. Делаю глубокий вдох, медленный выдох. Порядок! Говорю абсолютно спокойно:

— Как-нибудь не выйдет. Я не позволю. Нравится — женись... Только так. Если она согласится.

Это самое большее, на что я решился. Зухур на моё “не позволю” — ноль внимания. Ему не до того. Нашупал уязвимую точку, расковырял и с наслаждением копается в ране:

— Ты меня не знаешь. Если согласится?! Побегит. Я только позову — все эти девушки меж собой драться будут. Как думаешь, эта беленькая, ромашка, — она побегит или не побегит? Я тебя как друга попросить хочу...

Замолкает. Всматривается: как реагирую? Усиливает нажим:

— Ты сказал, мне на ней жениться надо. Спасибо, хорошо посоветовал. Я немного сомневался, теперь не сомневаюсь... Еще одну услугу окажи — сватом моим будь. Поговори с ней. Не захочет, уговори, чтоб согласилась. Ты сам сказал: надо, чтоб согласилась.

Приказываю себе успокоиться. Глубокий вдох, выдох. Порядок! Говорю холодно:

— Найди кого другого.

Пытаюсь перебороть чувство вины. Я бессилен что-либо изменить. Зухура отныне не могу тронуть и пальцем. Чужая беда стала для него броней. Любое вмешательство умножает отдачу. Повезло засранцу...

Он удовлетворен. Отворачивается, зовет:

— Гадо!

Зухуров младший братец ошивается рядом. В полуметре позади. Наблюдает. Маскируется безразличием. Подвалил мину-ту назад. Засек напряженность меж мной и Зухуром и тут же — поближе к очагу конфликта. Разведка не дремлет.

Зухур указывает:

— Девчонка на камне. Беленькая...

Гадо, с готовностью:

— Сюда привести?

— Нет, узнай, кто родители, и посватайся. Жениться хочу. Засакаю время. 17:21.

Глава 13

Джоруб

Вчера к нам прибыл курьер от Зухуршо. Вошел в кишлак, остановил первого встречного — простодушного Зирака — и приказал привести к нему главного. Зирак побежал к раису, по дороге разнося новость по кишлаку.

В тот час я осматривал больную козу Хилола, но, не закончив, наскоро вымыл руки и вместе с Хилолом поспешил вниз на площадь. Посланца уже окружили мужики, живущие по соседству с мечетью. А сам посланец... Вот тебе на! Оказалось, что это всего лишь прыщавый и худосочный мальчишка из Верхнего селения — Теша, сын немого Малаха. Того самого Малаха, что убил моего племянника Ибода. Тьфу! В ветхой, застиранной гимнастерке, с автоматом на плече, мальчишка походил на тощего теленка, который лениво отмахивается хвостом от облепивших его мух. Едва слушал, паршивец, расспросы старших:

— Эй, парень, Зухуршо зачем тебя послал? Какой приказ ты принес?

Отвечал небрежно:

— Главный придет, ему скажу.

Наконец прибыл раис, Теша развязно протянул ему руку. Не две с почтением, как старшему или равному, а одну — как низшему. Мужики заворчали неодобрительно, раис потемнел от гнева, но сдержался и руку пожал.

— Ну, рассказывай.

Теша осведомился высокомерно:

— Где? Здесь что ли?

Наш грозный раис впервые в жизни настолько растерялся, что не нашел достойного ответа. Промолчать — зазорно, а рыкнуть — опасно: мальчишка-то ничтожный, но ведь сам Зухуршо его прислал...

— Важное сообщение, — соизволил вымолвить Теша. — При народе нельзя... Где у вас тут укромное место?

Понятно было и без слов, что малец желает высосать из своего поручения, как из бараньей кости, весь сладкий мозг. Выручил раиса мудрый Додихудо:

— Ко мне, пожалуйста. Тут рядом совсем...

И повел, старый лис, Тешу-наглеца с почтением в свою мехмонхону. Раис и уважаемые люди — следом за ними. Я с места не тронулся, хотя мне, как и всем, не терпелось услышать, какое распоряжение прислал нам Зухуршо. Никогда в жизни не сяду за дастархон ни с немым, ни с его отродьем!

Зоир потом рассказал, что мальчишка наелся, напился, насладился почтением старейшин и затем лишь сообщил, с чем прибыл. Завтра нас посетит Зухуршо. Весь народ должен собраться и ждать. Ничего больше Теша не знал...

Слушала я о том, как он важничал, и было мне жалко глупого мальчишку и тревожно. Неуважение к старшим — это только симптом, и говорит он, что ослаб костяк, на котором держится общество. Испокон веков мы выживали только потому, что твердо держались дедовских заветов. Старшие учили младших тому, что сами получили от дедов. Но те, кто не уважают старших, глухи к их поучениям и тем рвут свою связь с прежними поколениями. Они теряют стыд, ибо теряют страх и перестают бояться осужде-

ния старших. Вместе со стыдом они теряют совесть, а лишившись совести, забывают об ответственности перед людьми и заботятся только о своём благополучии. Что тогда будет?! Люди перестанут помогать друг другу. Богатые и сильные перестанут поддерживать бедных и слабых, а те — питать к ним благодарность. Станут думать только о том, как завладеть их достоянием. Рухнет весь стройный порядок, благодаря которому мы выживаем в суровых горах. И это только начало...

Страшно представить, как будет развиваться болезнь. Теша пробыл в отряде Зухуршо совсем недолго и уже успел заразиться. Там же служат и талхакские мальчишки. Какими они вернутся в кишлак? Надеюсь лишь, что у общины хватит иммунитета, чтобы справиться с инфекцией...

Как бы то ни было, проводили Тешу с почестями и принялись гадать, зачем едет к нам Зухуршо.

Простодушный Зирак ляпнул:

— Муку раздавать.

Шириншо сказал загадочно:

— Шмон наводить.

Смысла мы не поняли, однако расспрашивать Гороха не решились, никому не хотелось выказать незнание. Лишь Зирак, простая душа, не утерпел:

— Это что же такое?

Шириншо ухмыльнулся:

— Шмон это когда тебе в задний проход палец суют — ищут, не прячешь ли чего. А потом, чтоб руки не мыть, палец тебе же облизать дают.

Поморщились мы, но Шириншо выговора за непристойное слово не сделали, только переглянулись — что, мол, с него, Гороха, взять? Не зря сказано: “Из дурного рта — дурной запах”. Но по правде говоря, я давно заметил, что даже умные и уважаемые люди слушают Шириншо внимательно и на ус мотают. Словно он, Горох, знает что-то такое, что им неведомо...

Как ни удивительно, верно угадал Зирак. Муку и сахар привез нам Зухуршо, однако продукты оказались осквернены кровью. Вместе с ними пришло зло и уже лишило жизни несчастных Салима и Зухро.

Мрачные и угрюмые, собрались мы на площади. Никого

не радовали мешки с мукой на грузовиках, выставленные напоказ. Каждый думал о том, какую еще страшную цену потребует Зухуршо за свою “гуманитарную помощь”.

Говорят: “Тонешь — на Бога уповай, а за куст держись”. Крестьянин постоянно держится за куст смертельной хваткой — боится голодной смерти и всегда рассчитывает только на себя. Может, я, конечно, ошибаюсь, но в предыдущие десятилетия мы словно бы чуть-чуть разжали пальцы. Поверили: утонуть нам не дадут, спасут. Советская власть изнежила людей, начали осторожно надеяться на её поддержку. Теперь, когда той власти не стало, мы вцепились в ветки ожесточенней прежнего. Вновь остались наедине со скудной землей и суровым климатом, и государство уже не придет на выручку. Никто не поможет. Во всяком случае, не Зухуршо, что бы он нам ни сулил.

Никто ему не верил. Да и как поверить человеку, таскающему на себе огромного удава...

— Змея, — тихо проговорил мой зять Сангин, стоявший рядом. — Он что, клоун? Зачем людей смешит?

Старый Бехбуд, отец Бахшанды, негромко отозвался:

— Чем уродливей обезьяна, тем игры её затейливей, — но в голосе его прозвучало больше страха, чем насмешки.

Тем временем Зухуршо поставил убийцу на колени и достал пистолет.

— В грудь целит! — воскликнул Шер, смело, не таясь. — При чем тут Божий суд?! У мужика бронезилет. Кого обмануть хотят?! Я служил, я знаю...

Зухуршо отошел на несколько шагов и поднял пистолет. Все замерли. Наши люди обожают зрелища как дети. Они словно на миг забыли о гибели односельчан и о тех несчастьях, что сулил приезд Зухуршо. Представление увлекло их до самозабвения. Народ гудел, тихо переговариваясь:

— Навыка стрельбы не имеет...

— Оружие нетвердо держит.

— Лучше бы свою змею на него пустил.

Вдруг, как по приказу, все замолчали, ожидая... Выстрел грянул в тишине. И тут же я услышал, как негромко и глухо ударилось о каменистую землю тело убийцы.

— О-ха! — воскликнули мужики разом. Не от удивления или

неожиданности, а как бы подтверждая состоявшуюся казнь. Женщины, стоящие позади, вскрикнули и забормотали:

— Товба, товба...

Так говорят, отводя порчу или преодолевая страх. Мужчины молчали. Не обрадовала нас казнь, поскольку творилось что-то нам непонятное. Только Зирак, простая душа, воскликнул:

— Справедливость! Кровь кровью смывается.

Тем временем они — Зухуршо, Гадо и Даврон — совещались. Что еще замышляли? Мы с тревогой ожидали, что будет. Солнце уже пересекло небо над ущельем и опускалось к вершинам хребта Хазрати-Хусейн, отвесная стена которой высилась перед нами. Уже легла у подножия склона узкая тень, перекрыла крышу мечети и медленно поползла к нам.

Народ затих, и внезапно я услышал, как сзади, внизу под обывом, ревёт и грохочет вода Оби-Талх. Я с ранних лет привык к вечному шуму реки и перестал различать его среди прочих звуков. Сейчас поток гремел оглушительно словно камнедробилка. Рокот, прежде родной, был страшен, звучал как грозное пророчество и словно вещал: ждите беды.

Беда не заставила ждать. Гадо, брат Зухуршо, отбрасывая влево длинную косую тень, двинулся к нам. Тень пересекала площадь и вонзалась в толпу, словно стрелка солнечных часов, возвещающая приближение страшного времени. По пути Гадо перешагнул через труп убийцы, ступив ногой в лужу крови, и за ним потянулся кровавый след. Гадо словно бы шагал в одиночестве по безлюдной дороге. Люди расступались, теснились, а он хмуρο шествовал по живому коридору, направляясь к камню, на котором сбились в кучку девушки. Оттуда, с возвышения, как с театрального балкона, глупые девчонки с восторженным любопытством следили за статным красавцем, перешептывались и пересмеивались. Когда он приблизился, девушки притихли и уставились на него сверху.

— Эй, ты! — закричал Гадо и указал на какую-то из них пальцем. — Кто твой отец?

Сердце мое сжалось от тревоги. Не к Зарине ли он обращается? Кто, как не она, выделяется в девичьей стайке! Бахшанда велела ей повязать платок, но Зарина наперекор мачехе даже от тубетейки отказалась, и теперь ее золотистая головка светилась

в пестрой девичьей толпе. Стоя на краю каменной глыбы, она дерзко и смело глядела на Гадо с высоты. Затем отвернулась и устремила взгляд на противоположную сторону реки, на вершину Хазрати-Хасан.

— Эй, ты, беленькая! Я тебя спрашиваю...

Андрей бросился к камню, но я схватил его за рукав:

— Куда?! Он просто спрашивает... Стой здесь, с дедом.

А сам поспешил туда, где, заглушая одна другую, галдели женщины:

— Сирота она. Нет отца...

— Отец умер...

Гадо бесстрастно обводил их взглядом. Я раздвинул женщин и встал с ним рядом:

— Ассалом...

Он, не повернув головы, прервал:

— Ты кто?

— Дядя этой девушки, брат её покойного отца.

Гадо перевел на меня невыразительный взгляд:

— Ладно, сойдешь и ты. Значит, слушай, дядя: Зухуршо пожелал взять... Как её имя? А, неважно... Пожелал в жены. Как это у вас, по обычаю, говорят: "Я пришел, чтобы ты взял нас в родственники...". Или вроде того...

— Вах! — восторженно ахнули женщины.

— Счастлива ты, девочка, да буду я жертвой за тебя...

— Командир-красавчик, меня замуж не позовешь? — крикнула вдова Шашамо, разбитная бабенка.

Глупые бабы! Они словно забыли, что это неприлично свататься при народе. Наедине должны сваты беседовать с родителями, чтоб при отказе не потерять лица. Гадо отказа не опасался. И в моем согласии не нуждался. На словах соблюдая обычай, силком забирал девушку. Будто на колхозной ферме, да простится мне грубое сравнение. Когда корову ведут на случку к быку, зоотехнику в голову не приходит расспрашивать, хочет она или не хочет...

Зарина с высоты камня смотрела на меня в упор. Взгляд говорил: "Ну что, дядюшка, опять струсил?".

Я опустил глаза и сказал:

— Большая честь для нас... Мы очень сожалеем...

— Что ты бормочешь?! — холодно осведомился Гадо. — О чем сожалеете?

— Она просватана. Обещана одной почтенной семье. Мы бы и рады отменить сговор, но невозможно...

В этот момент из-за женского круга вдруг вынырнул Шириншо, словно таракан в кувшине с шербетом всплыл:

— Что-то не слышали мы о каком-нибудь сговоре. А, Джоруб? Поделись с нами — кто жених?

Будь он проклят, Горох! Я растерялся. Скажу, не таясь, — испугался. Однако Гадо неожиданно для меня отрезал:

— Если этот человек, брат покойного отца, говорит, что обещана, значит, так и есть. Кому, как не ему, знать.

Он повернулся ко мне:

— А ты, брат покойного, коли столь крепок в слове, обещай, что пригласишь на свадьбу.

Я забормотал приглашения, но Гадо хлопнул меня по плечу и пошел словно в пустоте сквозь расступавшийся народ. По пути аккуратно, как и прежде, перешагнул через труп... Только тогда я осознал, как тихо вокруг. Люди молчали и смотрели на меня. А я не мог опомниться, пораженный, что все разрешилось так быстро и просто.

Шириншо громко сказал:

— Подносят девоне-дурачку сахарную халву, а он просит: “Дайте редьку”.

Глупой этой насмешкой он словно какой-то сигнал подал — мужчины, оттеснивши женщин, разразились упреками:

— Что случилось, Джоруб?! Умный человек, а и впрямь как девона...

— О себе не печёшься, почему об обществе не подумал?

— Сто лет такой удачи ждали, а ты её по ветеру развеял.

— На весь кишлак беду навлек...

Один Шер меня поддержал:

— Молодец, Джоруб. Смелый человек.

— Молчи! — прикрикнули на него. — Что ты, неженатый, бездетный, понимать можешь?

— Зато Джоруб — многодетный отец, — съязвил Шириншо.

Не часто я слышу от односельчан попреки моей бездетностью, но в эту минуту издевка Гороха почти меня не задела, я был

горд и доволен. Сделал, что мог, а будет так, как решит Аллах...

Слух “Джоруб отказал Зухуршо” в один миг охватил толпу как огонь заросли сухой травы. Когда я вернулся к своим, старый Бехбуд, отец Бахшанды, злобно зашипел:

— Почему прежде старших выскочил? Почему самолично решил? Почему меня не спросил? Зачем отказал?..

Мой отец молчал сочувственно и только кивнул: правильно поступил. Но меня одолевали сомнения. Сердце говорило, что Зухуршо не отступится. Я лишь отсрочил неизбежное. Разумно ли было противиться тому, чего не можешь изменить? О чем они — Зухуршо и Гадо — теперь совещаются?

Потом, поздним вечером этого дня, раис пересказал нам их разговор.

“Вижу, — повествовал он важно, — этот мужик, младший брат товарища Хушкадамова, назад идет. Я очень удивился. Как он так быстро договорился? Я товарищу Хушкадмову говорю:

‘Вот это сватовство! — говорю. — Два слова, и дело сделано. Такой уж в нашем кишлаке коллектив. Очень вас в Талхаке уважают».

Товарищ Хушкадамов ничего не ответил, но я понял, что мои слова ему понравились. Потом этот мужик, младший брат товарища Хушкадамова, к нам подошел и сказал:

«Ничего не получится, брат. Эту девушку, оказывается, уже просватали. Скоро свадьба».

Товарищ Хушкадамов очень рассердился.

«Я тебя зачем посылал?! — закричал. — Деревенские новости собирать? Почему девчонку ко мне не привел?».

«Брат, — ответил этот мужик, Гадо, младший брат товарища Хушкадамова, — я не хотел народ обижать».

«При чем здесь народ?! Ты меня оскорбил! Меня опозорил!» — закричал товарищ Хушкадамов.

А этот мужик, его младший брат, будто совсем глупый.

«Извините, брат... Ваша справедливость всей Талх-даре известна. Думал, если я стану силой действовать, то и на ваш авторитет тень упадет...».

Товарищ Хушкадамов ещё пуще разгневался:

«Тебе самое простое дело поручить нельзя. Ты...»

Но другой мужик, Даврон, командир, сказал:

«Кончай разборки, Зухур. Пора митинг начинать. Время уходит».

Удивительно мне: как это он товарища Хушкадамова безо всякого почтения перебил. Но товарищ Хушкадамов к нему даже не обернулся. Однако свой гнев унял. Меня спросил: «Что думаете, раис? Что посоветуете?»

Я, конечно, всегда только об одном думаю — об общественной пользе. Думаю: если товарищ Хушкадамов именно из нашего кишлака девушку возьмёт, очень большая выгода всем выйдет. Говорю:

«Товарищ Хушкадамов, вы сами из местных, вы наши традиции знаете... Но сейчас новое время, новая власть. Сегодня старые пережитки никому не нужны. Если вы главу семейства к себе призовете и с ним это дело решите, очень правильно будет».

Товарищу Хушкадамову мои речи понравились.

«Очень дельный совет», — сказал. Потом этому мужику, пятнистому палвону-силачу, приказал: «Приведи».

Этот мужик, палвон-силач, отправился приказ исполнять. Но товарищ Хушкадамов все еще сердился, оказалось.

«Эй, Занбур, — приказал, — девчонку тоже сюда тащи».

Так что мои опасения сбылись очень скоро.

— Гафур идет, Гафур... — зашептались вокруг.

К нам шагал человек-гора со следами витиллиго на лице и могучих предплечьях. Одет он был в камуфляж, и это, впридачу к белым пятнам на темной коже, делало его похожим на огромного пегого быка. Гафур остановился перед толпой, широко расставив ноги, и проревел:

— Кто?!

Бедные мои односельчане! По единому слову поняли, о чем он спрашивает, все как один повернулись в нашу сторону и закричали:

— Здесь они! Здесь!

Гафур надвинулся на нас.

— Кто?!

Старый Бехбуд, отец Бахшанды, указал:

— Он. Вот этот человек. Джоруб...

Мой отец — старший в нашем кауне, но он скуп на слова,

говорить на людях от имени семьи обычно высылают Бехбуда. Правда, и тот не слишком речист, а сейчас вовсе заробел.

— Идем, — сказал Гафур. — Зухуршо к себе требует.

В этот миг я заметил краем глаза, что к народу направляется второй Зухуров телохранитель, Занбур. Мысленно продолжив линию его движения, я с ужасом вычислил, куда он идет. К Зарине!

Гафур схватил меня за руку.

— погоди минутку, — взмолился я.

Он обернулся, увидел товарища и неожиданно отпустил меня. Усмехнулся:

— Ладно. Поглядим...

Занбур, пробуравив народ, остановился у высокого камня и пробурчал:

— Эй! Сюда, вниз, слезай.

Я услышал сзади себя пыхтение и звуки борьбы. Обернулся: Сангин и Курбон держали Андрея, а он отчаянно вырывался. Я отвернулся. Что я мог ему сказать?..

Тем временем Занбур повторил:

— слезай! Чего смотришь?

Зарина ответила насмешливо:

— Сам поднимись!

Он в раздумье почесал шею.

— Как?!

— Лестницу возьми.

Занбур сообразил, что наверх взбираются где-то сзади, и пошел в обход глыбы. Как только он скрылся из виду, Зарина легко прыгнула на землю. Будто пушинка полетела, подхваченная ветром.

— О-ха! — одобрительно вскричали мужики.

В это время наверху возник, растолкав девушек, Занбур.

— Где она?

Зарина — ему:

— Я слезла. Теперь — ты. Прыгай! Что, трусил?

И пока он раздумывал, скрылась в толпе.

Гафур вновь дернул меня за руку и проревел:

— Нагледелся? Идем.

Сопротивляться было бесполезно. Я произнес: «Йо бисмил-

ло...” и пошел за ним. Мысленно я умолял о помощи наших арвохов, дедов-покойников, и собирался с силами, чтобы достойно выдержать новый экзамен судьбы. Оглянулся на народ и с ужасом увидел, что Зарина вышла из толпы и, наискосок пересекая площадь, тоже направляется к мечети. Я махнул рукой, приказывая повернуть назад. Зарина подмигнула мне и отвернулась. Проходя рядом с мертвецом, она покосилась на труп, вздернула подбородок и остановилась в трех шагах от Зухуршо. Я встал с ней рядом...

Удав на плечах Зухуршо изогнулся, поднял голову и уставился на меня мертвым взглядом. Змеи видят плохо, днем они почти слепы. Но удавы имеют удивительный орган чувств — тепловое зрение, и обоняние у них неплохое. Рептилия чуяла запах моего страха.

Как ни удивительно, Зухуршо благодушно усмехался.

— Вы, значит, жених? — требовательно спросила Зарина. — Давайте я вам сразу объясню: я выходить замуж не собираюсь.

Зухуршо изумился:

— Эь! Даврон, гляди, какая решительная...

Даврон отвернулся и не сказал ни слова. Зарина немного смешалась:

— Это, наверное, обидно выглядит. Но не обижайтесь, пожалуйста, и на свой счет не принимайте. Я вообще ни за кого выходить не хочу.

Зухуршо смотрел на нее как на какую-то диковину.

— Смелая девочка. Только очень некультурная. Как думаешь, Даврон? Наверное, отец плохо воспитал. Девочка грубо разговаривает, а отец стоит и молчит...

— Дядюшка Джоруб мне не отец, — сказала Зарина. — Мой папа умер.

— Ц-ц-ц-ц, сирота, — притворно посочувствовал Зухуршо. — Это еще хуже. Сироте тем более надо вести себя скромнее.

Даврон сказал небрежно:

— Кончай издеваться, Зухур. Отпусти девчонку.

— От-пус-тить? Шутить?! Опозорить её хочешь? Зухуршо посватался, а потом отказался... Ты людей из кишлака спроси. Что они скажут?

— Никак нельзя отказаться, товарищ Хушкадамов, — подтвердил раис.

В это время кто-то отчаянно вскрикнул у меня за спиной. Я обернулся: в нескольких шагах поодаль Андрей вырывался из рук Занбура.

— Что?! — спросил Зухуршо.

— К тебе бежал, — буркнул Занбур.

— Террорист? Разберись.

— Не обижайте его, пожалуйста, — быстро сказала Зарина. — Это мой брат.

— Брат? Ин-те-рес-но... Эй, веди сюда брата!

Занбур подтащил Андрея поближе.

— Зачем спешил? — спросил Зухуршо. — Вместо сестры себя в жены предложить?

Я услышал, как резко выдохнул Андрей, и меня охватил страх, что мальчик ответит каким-нибудь оскорблением. Я помнил, как ужасно наказал Зухуршо покойного Гиёза всего лишь за дружескую шутку, и попытался переключить гнев Андрея на себя.

— Эй, щенок, что себе позволяешь?! — крикнул я. — Кто тебя звал?! Зачем в дела старших лезешь?!

Андрей уставился мне в глаза бешеным взглядом, говорившим без слов: “Трус! Предатель...” Слава Богу, я достиг своей цели.

Зухуршо захохотал:

— Теперь и наш дядюшка заговорил... Поздно, дядюшка. Раньше следовало воспитывать. Ты его, наверное, не наказывал, теперь исправлять придется. Придется мне наказать...

— Не надо. Не наказывайте, — прошептала Зарина.

— Занбур, уведи, — приказал Зухуршо. — Эй, Даврон, чего молчишь? Как его наказать? Знаю, ты расстреливать любишь, но сейчас хочется что-нибудь хорошее придумать. Я только старинные способы знаю, простые. Голову отрубить. Сжечь на костре. Утопить. Привязать к конскому хвосту... Раис, лошади в кишлаке есть? — крикнул он, не оборачиваясь.

Наш раис, который скромно топтался позади, у стены мечети, вышел вперед и отрапортовал:

— Лошади есть, товарищ Хушкадамов!

— Хоть что-то имеете, — насмешливо произнес Зухуршо.

— И лошади, наверное, полудохлые. Лучше уж со скалы его сбросить. Все равно при вашей убогости ничего интересного не придумаешь.

Наш раис почтительно оскорбился.

— Товарищ Хушкадамов, у нас все есть...

— Что?! Что у вас есть? Камни?.. Камнями побить предлагаешь? Нищета! В масле сварить — у вас масла не хватит. Глотку свинцом залить — у вас свинца нет.

— Ваша правда, товарищ Хушкадамов, — подхватил раис. — Мы народ бедный, с нас нечего взять...

— Ошибаешься, — сказал Зухуршо. — У каждого есть что взять. А у вас в особенности. Но не о том сейчас разговор. Что делать будем? Подскажи, раис.

К чести раиса, на этот раз он промолчал. Хоть и забавлялся Зухуршо, шутил, играл с Зариной и нашим бедным раисом как кот с мышами, но мог в любой миг перекинуться от притворного благодушия к подлинной ярости.

Однако Зухуршо и не ждал от раиса ответа. Он погладил удава.

— Был в древности царь, который своих змей человеческим мозгом кормил... Даврон, как думаешь, Мор захочет мозг кушать?

— Не дури! — сказал Даврон.

— Я согласна! — отчаянно закричала Зарина.

— Есть еще один способ... — проговорил Зухуршо и внешне замолчал. По его лицу я понял, что он всерьез замечтался: а не испытать ли на деле какую-то страшную казнь.

— Вы слышите?! Я согласна!

Зухуршо будто очнулся, заморгал и спросил рассеяно:

— Чего кричишь?.. С чем ты согласна? Сжечь или голову отрубить?

— Я замуж за вас выйти согласна. Только брата отпустите.

Зухуршо словно окончательно проснулся.

— Как? Что ты сказала?

— Я согласна выйти за вас замуж, если вы не тронете моего брата, — раздельно и отчетливо проговорила Зарина.

Зухуршо усмехнулся:

— Просишь?

Зарина, поколебавшись, отчеканила:

— Прошу.

— Даврон, будь свидетелем, — сказал Зухуршо. — Девушка просит, чтобы я на ней женился.

Мое сердце замерло... Что ответит Даврон? Вмешается ли? Защитит ли? Тогда, в Ворухе, он не захотел спасти Гиёза, плюнул и ушел... Заступится ли сейчас за Зарину?

Даврон молчал, и Зухуршо повернулся к Зарине:

— Так ты обещаешь?

На этот раз Зарина не колебалась.

— Обещаю.

Я шагнул вперед и сказал:

— Она не имеет права обещать. Её слово ничего не значит. Непорядок, если любая девчонка начнет выбирать, за кого ей выйти замуж... Дедовские обычаи нельзя нарушать. Вы таджик, мусульманин, вы знаете. Старшие в семье решают. Так по нашему закону...

С каждым моим словом лицо Зухуршо мрачнело. Добродушная усмешка сменилась злобным оскалом. Еще миг и...

Но тут наконец вмешался Даврон:

— Мужик прав, Зухур. У них свой устав, а уставы не обсуждаются. Пусть он решает.

Зухуршо обернулся к нему, медленно ослабил:

— Даврон! Это приказ или совет?

— Совет, — отрезал Даврон.

— Ху-у-ш, ладно. Пусть это будет совет... Значит, Даврон свататься советует. Одна беда — где сватов найти, не знаю. Гадо уже один раз испортил дело. Неприлично его вновь назначать. Опять отказ получит. Может, Даврон согласится? Он мне не родня, но порой и чужих в сваты приглашают. Достойных людей...

Он прикидывался, будто рассуждает вслух, но я догадался: все же опасается обратиться прямо к Даврону. Знает, что получит резкий и оскорбительный ответ. Соблюдает границу. Он помолчал немного и продолжил:

— На Даврона, оказалось, тоже надеяться нельзя. Наверное, потому что дедовских обычаев не знает. Городской человек... Придется кишлячных спрашивать.

Возвысив голос, он закричал:

— Эй, люди! Хочу взять в жены девушку из вашего селения. Кого в сваты посоветуете? Кто у вас самый почтенный?

Толпа заволновалась. Но не успели мужчины выкрикнуть несколько имен, как откуда-то из задних рядов, растолкав всех, выскочил Горох и заковылял к Зухуршо, на ходу выкрикивая:

— Меня возьмите, меня! Я сватом быть готов!

Прошкандыбал несколько шагов, остановился. Смекнул, наверное, что слишком зарываться не стоит.

Раис крякнул:

— Э, скотина! — и к Зухуршо обратился: — Товарищ Хушкадамов, извините...

Но Зухуршо от него отмахнулся и скомандовал:

— Подойди сюда, почтенный.

Горох приблизился, встал навтыжку почтительно, но вместе с тем и шутовски, с какой-то издевкой.

— Обычаи знаешь? — спросил Зухуршо.

Шириншо потупил бесстыжие глаза:

— Под дождем побывал...

— Товарищ Хушкадамов, — осторожно вмешался раис, — это у нас, извините, один такой человек, знаете... Его у нас не слишком уважают. Совсем не годится, чтоб вашим сватом стать. Вам бы, извините, лучше какого-нибудь достойного старика пригласить.

— И этот сойдет, — отрезал Зухуршо. — Не царевну сватом. Какова невеста — таков и сват.

— Это всему нашему селению обида, — сказал старый Додихудо. — Соседи смеяться станут — в Талхаке, мол, ни одного уважаемого человека не нашлось. А главное — вам такого человека в сваты брать зазорно.

— Обо мне, старик, не печалься. Пословицу слышал: “Солнце глиной не замажешь”?

Шириншо спросил:

— Как прикажете свататься? На городской манер или по нашему, по-деревенски? Мы, горцы, — люди простые, некультурные, обычаи у нас грубые. Вам могут не понравиться...

— Сватай по-вашему, — приказал Зухуршо.

Шириншо медленно потер руки, словно готовился к работе. Отошел немного назад, переступил с ноги на ногу и мелкими ко-

выляющими шажками двинулся ко мне. Перекошенный, с тощей шеей, торчащей из воротника изношенного черного костюма, он походил на грифа, облезлого стервятника с обрубленными крыльями, который топчется в брачном танце. Подошел, открыл рот и...

В этот миг у стены мечети раздались крики. Дрались между собой боевики, которых привез с собой Зухуршо. Кучка дерущихся, как клубок собак, покатилась в сторону и скрылась за дальним углом. И почти сразу же там грянул выстрел.

— Всем остаться здесь! — приказал Даврон и побежал к мечети.

Вопли и брань, доносящиеся из-за угла, усилились, затем внезапно смолкли. Зухуршо бросил Гороху:

— Эй, почтенный, чего ждешь? Приступай.

Шириншо вновь потер руки и изготовился к своему нелепому брачному танцу. Я не сомневался, что он замыслил какой-то длинный издевательский ритуал, однако Зухуршо не позволил ему разгуляться.

— Не тяни. Достаточно и двух слов.

Шириншо, насколько мог, вытянулся в струнку:

— Итоат! Слушаюсь!

От шутовства опять не удержался, но приказ выполнил буквально — оставил на меня палец и каркнул:

— Отдашь девушку?

Мне для ответа хватило одного слова. Я собрал все свое мужество, отбросил приличия и ответил:

— Нет.

— О-ха-а! — едва слышно ахнули раис и старый Додихудо.

В глазах Гороха вспыхнуло удовольствие, столь яркое, какого я никогда прежде не видел ни в чьем взгляде. Он заговорил внятно, ласково, словно убеждал ребенка:

— Эх, Джоруб, Джоруб... Наверное, я тебя не понял. Или правильнее сказать, ты меня, наверное, не понял. Вот они, — тут Шириншо подобострастно перекосялся в сторону Зухуршо, — в твоё семейство войти желают. Или правильнее сказать, они желают девушку в их собственное семейство принять. В жены её желают взять. Понимаешь? И они, по обычаю, спрашивают: согласен ли ты?

Я ответил твердо:

— Нет, не согласен.

Правда, признаюсь, смотрел я при этом в землю — опасался, что не хватит сил стерпеть гневный взор Зухуршо, но с изумлением услышал, как он произнес спокойно:

— Хорошо. Дело сделано. А вы, уважаемые, — в это время я поднял глаза и увидел, что он обернулся к раису и старому Додихудо, — вы будете свидетелями. Вы слышали, как этот человек дал согласие отдать эту девушку мне в жены. Готовы подтвердить?

Я не таю зла на моих боязливых и расчетливых односельчан.

— Да, товарищ Хушкадамов, мы это слышали, — сказал раис. — Джоруб согласен.

— Мы подтвердим, — сказал старый Додихудо.

Гнев, возмущение, отчаяние разрывали мне сердце, но что я мог поделать?! Зарина шагнула к Зухуршо и потребовала:

— Теперь отпустите брата.

— Зачем? — удивился Зухуршо.

— Вы обещали!

— Э, нет, девочка. Ты просила брата не наказывать. Отпустить ты не просила, я не обещал. В солдаты его беру.

— Нет! Обещали!

— Опять грубо говоришь?! Ты, оказывается, не понимаешь... Наш уговор ничего не стоит. Своего дядюшку благодари — он тебя замуж выдает.

— Дядя Джоруб, зачем вы вмешались! — сквозь слезы выкрикнула Зарина. — Зачем?!

Зухуршо спросил с притворным сочувствием:

— Почему плачешь? Радоваться надо. Твоему брату повезло — солдатом станет, Даврон у него командиром будет... А, Даврон?! Что молчишь? Хоть спасибо мне скажи, тебя я тоже не обидел. Смелого бойца тебе нашел...

Глава 14

Антон

Меня поразило, насколько реальный расстрел оказался не похож на то, чего я ожидал. Я-то воображал, что выстрел, как

показывают в кино, отбросит Рембо назад. Ну, если не на пару шагов, то хотя бы опрокинет на спину... Ничего подобного. И вообще казнь произошла как-то ужасающе просто. Зухуршо подошел, наставил пистолет. Бух! Рембо словно бы осел и повалился наземь. Мертвый. И все дела.

Нет, я не жалею Рембо. Общался с ним и отлично представляю, что за мразь. Но то была не казнь, а... не знаю даже, как назвать... что-то убийственно техническое. Единственное, что придало расстрелу хоть намек на человечность, — это удовольствие, с каким Зухуршо провел экзекуцию. Думаю, он потому и тянул время перед выстрелом, что ощущал себя Богом, держащим в руке жизнь человека, и страшно смаковал это чувство...

Да нет, вздор! Так высоко он не взлетает. Его потолок — роль грозного падишаха, которую он исполняет с упоением. Разыгрывает её, конечно, для себя и перед самим собой, но... Хотел бы я знать, сознает Зухуршо, насколько он зависим от своей аудитории? От крестьян, которых презирает. И опять-таки не совсем верно... Не презирает. Для него они не люди, а нечто вроде сельскохозяйственной культуры. Он сказал мне как-то на днях: "Крестьяне как трава. Ты, конечно, не знаешь — есть у нас одна травка девзабон, спорыш. Повсюду растет. Незаметная, жилистая, низкая, по земле стелется. Но живучая. Чем больше ее топчешь, тем шире разрастается..."

Забавно, что эта самая трава диктует ему технику актерской игры, костюм, декорации... Именно ради того, чтобы заворочить крестьян, чтобы предстать перед ними страшным, мифическим владыкой, он и таскает на плечах тяжеленого удава... Кто-то — не помню, кто, — сказал, что короля играет свита. Однако попробуй-ка король вести себя или выглядеть не по-королевски. Кто ж ему даст? Нет, братцы, уточняю: свита *вынуждает* короля играть короля. И не одна только свита, но и плебс, толпа.

Хотя предполагаю, что *эта* толпа — угрюмый крестьянский партер — тихо бурчит про себя, как Станиславский: "Не верю". Потому что ни удав, ни автоматы Калашникова не заменят главного — фарна правителя. А с фарном у Зухуршо большая напряжёнка. И здешние горцы, потомки древних ариев, наполовину оставшиеся в древности, чувствуют это печенками.

Похоже, Зухуршо одержим синдромом голодавшего. Он,

так сказать, жрёт власть в три горла. Обжирается. Представляю, как он в бытность свою партийным инструктором подчинялся, терпел, сдерживался, откладывал и теперь, когда дорвался до “настоящей”, абсолютной, никем не ограниченной власти, не желает себя сдерживать и хоть на секунду откладывать получение того, что захотелось. Он как ребенок... Только что пришло в голову, что не только Зухуршо, но и любой вообще психопат — это субъект, психика которого застряла где-то в раннем детстве. Остановившееся развитие. У психопата — ум, навыки взрослого и душевный склад младенца. Потому-то он так капризен, бесчувственен, жесток... И абсолютно неспособен повзрослеть. Увидел игрушку — дай! Во что бы то ни стало. Никаких “потом”. Только сейчас. Сию же минуту. Загорелось попробовать, каково это — убивать. Тут же убил.

Он всегда действует импульсивно, поддавшись моменту, и чаще всего себе во вред. Сейчас ублажил себя и аудиторию — пейзаюне жаждали справедливой мести, — зато оскорбил и возстановил против себя ту часть боевиков, которую Даврон именует басмачами. Эти не простят убийства их сотоварища, наверняка попытаются отомстить. Забыл он, что ли, про них, увлекся? Или надеется на Даврона, который пока держит боевиков в узде...

Не могу понять, что связывает Даврона и Зухуршо. Даврон всячески демонстрирует свою независимость, и вместе с тем, служит Зухуршо. Без него Зухуршо — ноль. Вся его власть держится на угрозе применения насилия, а насилием заведует Даврон. И тем не менее, Зухуршо частенько его задирает, так что они постоянно грызутся. Несколько дней назад я взял и без затей спросил Даврона напрямую, в чем тут дело. Он прикинулся валенком — бросил равнодушно, со скучающим видом:

— Разве? Тебе просто чудится...

Загадочная личность, этот Даврон. Мне он скорее нравится, хотя никак не разберу, кто он на самом деле таков. То ли банальный циник, то ли по какой-то непонятной причине притворяется безразличным, сдерживает себя и спускает Зухуршо все его выходки.

Собственно, благодаря ему-то меня сюда и занесло. Познакомились в Курган-Тюбе, куда я приехал по заданию редакции. Однажды вечером сидели мы в гостинице с местными коллегам-

ми, таджикскими телевизионщиками, за бутылкой водки обсуждали последние события — возвращение из-за Пянджа группы таджикских беженцев, отход с боями полевых командиров оппозиции на Памир и Дарваз, успехи правительственных войск... В разгар вечера пришел Даврон, давний приятель — еще по Афганистану — одного из телевизионщиков. Среди прочего разговора Даврон упомянул, что едет на Дарваз для сопровождения каравана с продовольствием в какое-то глухое селение. Мои дела в Курган-Тюбе были в общем закончены, и я неожиданно для самого себя попросил:

— Слушай, а давай-ка я тоже поеду. Возьмешь?

— И чего тебе там?

Я и себе-то толком не мог объяснить. Может, это водка осветила всё волшебным светом, и что-то такое вдруг почудилось. Словно приоткрылась какая-то дверца, и я сунулся в нее, не рассуждая и толком не зная, зачем. Захотелось ещё раз окунуться в атмосферу горного селения... Запах дыма и навоза. Ледяной ветер и жаркое солнце. Близкие вершины в разреженном воздухе. Может, дверь открывается в волшебный сад, а может, ведет на задний двор крестьянского дома, где — ничего, кроме сарая, загончика для овец да нужника, у которого вместо двери занавеска из мешковины... Ну, что ж, и такой вариант неплох. А может, сработала репортерская интуиция. Словно запищал тонкий зуммер металлоискателя или сама собой повернулась в руке лоза водознатца.

— Хочу заглянуть в глубину.

Он понял буквально:

— Глубину ищешь? На море езжай. В горах — только высота.

— Если снизу смотреть... А заберись на вершину — вот под тобой и глубина.

Глупый был этот диспут под хмельком, но в итоге Даврон согласился взять меня с собой. Когда он ушел, его афганский приятель рассказал о нем кое-что. В раннем детстве Даврон пережил страшную катастрофу — на кишлак, где он жил, обрушилась сель. Погибли все люди до единого, в живых непонятно как остался только один мальчик, лет, наверное, четырех. Сам он ничего ни рассказать, ни объяснить не мог — должно быть, сра-

ботал механизм психической защиты, он словно напрочь забыл, что случилось с ним, его семьей, кишлаком... Такой вот мальчик ниоткуда. Воспитывался в детском доме, закончил военное училище, стал образцовым советским офицером, а после того, как наши войска были выведены из Афганистана, служил в двести первой дивизии, к Курган-Тюбе. В начале гражданской войны произошла с ним какая-то темная история — телевизионщик подробностей не знал, — Даврона “подставили”, он ушел из армии и прибился к Народному фронту. Глава Фронта, бывший уголовник Сангак, к нему благоволит, хотя я до сих пор не могу выяснить, какое он на самом деле задание дал Даврону, и почему тот задерживается здесь, а не отбыл сразу же восвосяси, проводив до места караван с мукой.

Вместе с ним застрял на Дарвазе и я. Выбираться отсюда в одиночку довольно опасно, да и Зухуршо задерживает меня под разными предлогами. Оказалось, что почудившаяся мне дверца ведет не в волшебный сад, а во дворец с золотыми, а точнее, выкрашенными бронзовой краской под золото воротами. Меня произвели в придворные фотографы местного князька, в прошлом — инструктора райкома партии, что дало мне замечательную возможность наблюдать изнутри картину становления патриархальной власти в полном соответствии с идеей Чарльза Тилли о рождении государства из организованной преступности. Зухуршо создает в ущелье не что иное как примитивное микрогосударство. Хорошо бы убраться отсюда прежде, чем начнутся массовые репрессии...

Вряд ли стоит рассчитывать на защиту Даврона — он подчеркнуто держится в стороне. Даже за русскую девочку не вступился, а ведь она ему безразлична. Я заметил, как он тайком на нее поглядывал. Жаль бедную девочку. Меня она заинтересовала чрезвычайно. Кто она? Каким ветром её занесло в глухой кишлак?... Черт возьми, как было гадко на душе, как противно... Словно Зухуршо насильно сватал не девочку, а меня самого. Я должен был, обязан был вмешаться. Но чем я мог помочь? Ну, ладно! Я — посторонний. У меня имеется позорная отговорка: я, мол, — наблюдатель, я — всего лишь свидетель... Журналисты не имеют права вмешиваться... Да-да-да, именно так: наблюдать, фиксировать и оставаться в стороне... Профессия такая. Неглас-

ный договор: мы не встречаем, вы нас не убиваете... Но Даврон?! Он почему смолчал? Почему не вступился?

Может, напрасно я себя казню? Девочка-то решительная. И очень даже. Возьмет да скрутит Зухуршо в бараний рог. Такие решительные чаще всего забирают полную власть над мужем. Так что станет наш грозный Зухуршо обычным подкаблучником. Задатки-то для этого у него имеются... Да и вообще, расхожие представления о забитости и полной покорности восточных женщин верны лишь отчасти. Я знаю немало таджикских семей, в которых верховодят жены, а мужья лишь на людях притворяются всевластными самодержцами... Вот и сделается златоволосая красавица Шамаханской царицей и будет из опочивальни править Талх-дарой...

А тем временем Зухуршо прошествовал в центральную точку очередной мизансцены — к трупу Рембо — и спросил:

— Кто у вас староста, асакол?

Из толпы неспешно вышел человек. Плотный, кряжистый — такого хоть сейчас помещай в музей с табличкой “Сельский руководитель нижнего звена”. Экспонат был выполнен с идеальной точностью, которую подчеркивал даже незначительный изъян: староста сильно косил на один глаз, что не мешало ему держаться с большим достоинством.

— Я асакол.

Но в тот же миг из-за кулис на сцену выскочил, как чертик из табакерки, кривой нескладный мужичонка — давешний сват Зухуршо. Я еще прежде наблюдал, как он, завершив свою миссию, юркнул к углу мечети, возле которого маялись представители кишлачного руководства, и примостился с ними рядом. Оба возмущенно воззрились на наглеца, но отогнать не осмелились. Сейчас он, прихрамывая, вылетел вперед и закричал во весь голос:

— Я асакол!!!

— Эй, Горох, куда лезешь?! — взволновался народ. — У нас уже есть асакол.

— Он не асакол, — возразил Горох. — Он сельсовет.

— Асакол — сельсовет, какая разница?

Горох пояснил:

— Сельсовета советская власть поставила. Умерли Сове-

ты, пропал и Сельсовет. Сейчас ихняя власть, — он скособочился в сторону Зухуршо. — Новые люди нужны. Теперь я старостой буду...

Зухуршо осклабился:

— Еще кто-нибудь есть? Кто еще староста? Выходи! У вас, талхаццев, все не по-людски. Даже старосты у вас толпами ходят. Асаколов в кишлаке больше чем людей. Может быть, вы все асаколы? Выходите, не бойтесь.

— Сами старосту выберем! — крикнули из толпы.

— Чем Гороха, лучше Милисэ!

На сцену выпихнули из массовки новое действующее лицо — дауна, будто грубо слепленного из необожженной глины. Лицо — кое-как сглаженный ком с дырами, обозначающими глаза, рот и ноздри. На голове у дурачка — измятая, насквозь пыльная милицейская фуражка. Из рта торчал большой глиняный свисток. Даун поправил фуражку, строго оглянулся на толпу и засвистал.

Зухуршо усмехнулся:

— Вот достойный вас асакол. Его и назначу. Хотите?.. Ладно, люди Талхака... Научу, как надо выбирать. Я на вас зла не таю. — Он махнул рукой Сельсовету: — Иди сюда, косой... И ты, хромой, подойди. Станьте один напротив другого... Драться будете. Кто победит, тот — староста.

Они, кряжистый Сельсовет и щуплый Горох, медленно и неохотно потащились на боевые позиции, а я отчетливо увидел, что немощный на вид хромец — опасный противник. Затаенная ярость отщепенца — против физической силы... Я не взялся бы предсказывать, кто одержит верх.

Аудитория взбурлила.

— Эй, Зухуршо, мужика не унижай! — кричали старики.

— Гулома сельсоветом оставь!

— Гулома хотим!..

Молодежь вопила радостно:

— Пусть дерутся!

— Эй, Гулом-сельсовет! Докажи, что мужик!..

— Гулом, вылуци его как горох!

— Берегись, сзади к Гороху не подходи...

— Бокс!!!

Горох косо глянул на зрителей и неуклюже запрыгал на месте, подражая боксеру перед поединком. Молодежь еще пуще возликовала:

— Горох чемпион!

Зухуршо величаво взмахнул рукой:

— Бой!

Горох согнулся в карикатурную боксерскую стойку и закрутил перед собой кулаками, предусмотрительно держась подальше от противника. Конечно, он работал на публику, но я невольно восхитился: по сути дела, убогий калека контролировал крайне невыгодную для него ситуацию, превращал будущую драку с минимальными для него шансами на победу в представление, в котором он до конца останется главным героем, центром внимания при любом финале. Противнику придется довольствоваться ролью второстепенного персонажа и лишь подыгрывать протагонисту, к чему Сельсовет, впрочем, вовсе не стремился. Он лишь повел широкими плечами и мрачно произнес:

— Нет, драться не буду. Это позор.

Я оглянулся на Зухуршо, ожидая, что тот придет в ярость. Но и у него на темной физиономии читалось то же простодушное любопытство, с каким следили за зрелищем поселяне. Он явно не желал вмешиваться — вероятно, решил, что разворачивающийся сюжет интересней обычной грубой потасовки.

Однако деревенская молодежь жаждала именно мордобоя.

— Чего ждете?! Деритесь!

Горох повернулся к публике и картинно развел руками: я был, мол, рад, но что поделать, если противник отказывается... Громко, чтоб все слышали, он произнес:

— Ладно. Не хочешь, я тоже не хочу.

Кто-то из молодых крикнул:

— Эй, Шириншо! Что, очко жим-жим делает?!

Горох ответил невозмутимо:

— А ты проверь. Длинным своим языком...

Он порылся в кармане потрепанного пиджака, извлек небольшой полиэтиленовый пакетик и потряс им в воздухе:

— Гулом, может, миром разберемся? Давай пока насвай покурим, все обсудим.

Если кто не знает, насвай — это табак, истертый в пыль и

смешанный с известью, куриным пометом и еще какой-то дрянью. Его не курят. Щепоть этой гадости забрасывают под язык, и забирает она почище махорки.

Горох раскрыл пакетик, начал сосредоточенно сыпать темно-зеленый порошок себе на правую ладонь. Натрусив небольшую кучку, позвал:

— Эй, Гулом, желаешь? Тебя тоже угощу...

Сельсовет не снизошел до ответа. Тем не менее, Горох заковылял к нему, на ходу приговаривая:

— Зря отказываешься, попробуй. Хороший насвай, андижанский...

Подошел, скорчил сладостную мину, как бы предвкушая удовольствие, слегка запрокинул голову, разинул рот и уже было забросил зелье под язык, как вдруг застыл, остановив руку на полпути и с удивлением вытаращившись на Сельсовета.

Тот не утерпел и спросил:

— Что?

— Сапоги у тебя не блестят. Почему не надраил?

Обут был Сельсовет в серые парусиновые сапоги, какие здесь до сих пор еще в моде среди сельского начальства. Он машинально опустил взгляд.

— Зачем их...

Горох мгновенным движением вывалил из пакетика на ладонь всю, что была, зеленую дрянь и швырнул Сельсовету в глаза. Подлянка нехитрая, классическая... Меня однако удивило, как элегантно и технично Горох провел хлесткий выброс кисти.

— О-ха! — ахнули мужики.

Сельсовет схватился за глаза, а Горох, прихрамывая, забежал сзади, подпрыгнул и... неожиданно ловко дал ему пендаля. Когда-то, в стародавние времена, у нас в девятой школе такой пинок именовался "поджопником".

— Э! — неодобрительно вскричали мужики.

Сельсовет — лицо припорошено грязно-зеленой пылью, глаза зажмурены, слезы текут — крутнулся назад, раскинув руки. Конечно, не поймал. Горох уже зашел ему в тыл, вновь подскокил и отоварил соперника новым поджопником. Шансов изловить Гороха было у Сельсовета не больше, чем у пса, который крутит-

ся волчком и пытается выгрызть блоху, впившуюся в кончик обрубленного хвоста. А Горох, пнув беднягу раз пять, принял утомленный вид, отошел в сторону и театральным жестом утер со лба пот.

— Эх, Гулом, Гулом... Со мной тягаться захотел? Нет, брат, не умеешь дерьмо хлебать, ложку не пачкай.

Зухуршо милостиво одобрил:

— Офарин! Молодец. Ты — асакол.

Народ загудел. Охрана сняла автоматы с плеча, подтянулась поближе к Зухуршо и приготовилась наводить порядок. Но обошлось без того. Ослепленного и опозоренного Гулома увели, дурачок Милисб строго оглядел народ и засвиристел в свой свисток. Выборы состоялись.

Нелепая была затея, но я потом уже вспомнил, что Зухуршо невольно проговорился одной фразой: “зла на вас не таю”. Будто приоткрылась дверца, из шкафа вывалился один из его скелетов, и стало понятно, что, назначая старостой деревенского отщепенца, он попросту мстил кишлаку за какую-то давнюю обиду. Вероятно, в детстве один из здешних мужиков как-то его притеснил — надрал уши или что-нибудь в этом роде. Теперь он отыгрывается на всем селении.

Все же я спросил на вечерней аудиенции:

— Странный персонаж этот Горох. Почему вы выбрали именно его?

Он посмотрел на меня как на идиота.

— Не понимаешь? Он всех в кишлаке знает, про каждого полную информацию имеет. И всем чужой. В сговор ни с кем не войдет, никому поблажки не даст, никого не пожалеет. Мстить будет за то, что над смеялись.

Он явно рационализировал свой выбор, но и я продолжал играть в наивность:

— Судя по реакции односельчан, в кишлаке его не уважают. Ни малейшего авторитета. Наверняка, и навыка нет, опыта руководства.

— Зачем ему опыт? Приказ получит, следить будет, чтоб выполняли. Зачем авторитет? Ему авторитет не нужен. У меня — авторитет. В моей тени стоять будет.

Он помолчал и добавил:

— Ты не думай, потом настоящего человека поставлю.

Да, не позавидуешь Гороху. Не хочется загадывать, как Зухуршо отблагодарит разжалованного калеку. Ну а новоявленный администратор, еще не подозревая о своей судьбе калифа на час, сразу же поспешил использовать преимущества высокого положения. К Зухуршо он обратился с должным подобострастием:

— Я вам, товарищ... извините, господин Хушкадамов твердо обещаю: в кишлаке теперь полный порядок будет.

А толпу односельчан окинул хозяйским взглядом, на этот раз, как мне показалось, непритворным. Я подумал, что его обидчики еще пожалеют о своих издевках. Хотя могут, конечно, и пришибить потихоньку...

— Заползла вошь на царский трон, хвалится: “Я подшош”, — крикнул из задних рядов невидимый насмешник.

Зухуршо свирепо проорал, обрывая смех:

— Этот человек — мой глаз и моя рука в вашем кишлаке. Выполняйте все, что он прикажет. Может, кто-нибудь из вас на него зло или обиду затаил... Может быть, кто-нибудь из вас счеты с ним свести захочет... Помните: за это все наказаны будут. Весь кишлак.

Змей на его плечах выгнулся и поднял плоскую треугольную голову, словно подкрепляя угрозу. Похоже, Зухуршо каким-то образом насобачился управлять рептилией. Бред, конечно: змеи не поддаются дрессировке, а эмоциональный контакт между человеком и пресмыкающимся невозможен в принципе. И тем не менее, удав транслировал аудитории грозные послылы Зухуршо наподобие толмача для глухонемых — сурдопереводчика, сидящего в маленьком окошке на экране телевизора. Поводил башкой из стороны в сторону, будто озирает народ немигающими стеклянными глазами из-под нависших костяных бровей, и мельтешил языком.

— Но не бойтесь, — продолжал Зухуршо, — если будете дисциплину соблюдать, то...

Он замолчал, потому что Горох внезапно подскочил к нему и что-то зашептал, указывая на правое крыло толпы. Все обернулись туда, где собрались самые захудалые мужики. Чуть поодаль стоял какой-то человек, Прежде его не было, он словно материа-

лизовался из воздуха — во всяком случае, я не заметил, как он подошёл. И никто, вероятно, не заметил. Обнаружив его присутствие, поселяне радостно заволновались, загудели, зашушукались.

Первое, что мне подумалось, — этот человек болен. Лицо темное, изможденное, отрешенное. Казалось, он прислушивался к какой-то внутренней боли. Впечатление усиливал неподпоясанный серый чапан — пришелец будто сбежал из районной больницы в застиранном казенном халате. (Впрочем, позже, подойдя ближе, я разглядел, что одежда пошита из очень добротной и, вероятно, очень дорогой материи.)

— Святой человек! — возопил Горох и с показной поспешностью зашкандыбал к пришельцу. — Святой эшон Ваххоб!

Я обрадовался не меньше поселян. Прежде я лишь читал о суфийских шейхах — не о мудрецах и мистиках, что у всех на слуху — Руми, Саади, Джамии, — а о тех, кого можно назвать деревенскими шаманами. Во многих селениях Средней Азии, чуть ли не в каждом, есть свой шейх, живущий при мазаре, гробнице местного святого, обычно предка ишана, от которого передавались по наследству из поколения в поколение святость и способность совершать чудеса. Его влияние огромно, а слово — закон, ибо ишан — заступник за человека перед высшими силами. Практически все жители селения, а нередко и окрестных кишлаков являются его мюридами — учениками и последователями, — которыми он не только руководит, но и своим чудодейственным даром помогает им во всех заботах и бедах. И вот мне повезло: я лицезрел воочию одного из шейхов...

Тем временем Горох добрался до ишана.

— Просим, пожалуйста в президиум...

Ухватил за рукав и потащил к Зухуршо. Однако ишан оказался неслаб. Или же у Гороха силенок не хватало. Ишана он с места не сдвинул, тот уперся и — мало того — сумел в идиотском положении сохранить достойную осанку. Ближние мужики кинулись на выручку, но тут вдруг раздался пронзительный миллицейский свисток. Горох выпустил ишанов рукав и замер. Меня несколько удивила его реакция — он-то знал, кто свистит. Ближние мужики тоже углядели это странное замешательство:

— Эй, новый староста! Девона-то главнее тебя, оказывается.

— Давай, Милисб, наведи порядок!

Вряд ли деревенский дурачок хоть раз в жизни видел настоящего милиционера, однако каким-то непостижимым образом ухитрился точно копировать повадки своего прототипа. С внушительностью, достойной любого блюстителя порядка, Милисб приблизился к Гороху, остановился и... замахнулся корявым, грубо обструганным и кое-как раскрашенным черно-белым жезлом.

Ударит или нет? Психиатры утверждают, что дауны не агрессивны. Но вряд ли кто-нибудь из них наблюдал дауна “при исполнении”.

— Молодец, Милисб! — одобрили мужики. — Вдарь его. За непочтительность.

— Арестуй его...

— В зиндон посади.

Они развлекались от души. Радовались как дети приходу ишана и тому, что зрелище, *тамошо*, становится все более и более увлекательным.

Я наблюдал за физиономией Зухуршо — на ней крупным планом разворачивалась не менее драматическая картина. В первых кадрах всплыла досада, затем — резким монтажным стыком — вспыхнуло раздражение, которое постепенно, наплывом, трансформировалось в гнев. Понизу задергались субтитры, белые на черном: “Не сметь! На кого вылупились?! Всем на меня смотреть”.

Зухуршо нащупал кобуру, вытащил пистолет, поднял его над головой и выстрелил. Стереофоническое эхо заматалось между склонами ущелья, словно включились гигантские концертные колонки. Толпа застыла и уставилась на Зухуршо. Переключив на себя внимание зрителей, он скомандовал:

— Убрать девону! Асакола за самовольство — выпороть. А вы, святой эшон, сюда идите... Гадо, проводи их.

Гадо и один из телохранителей направилсь было к ишану, но тот поднял ладонь, приказывая остановиться:

— Не трогайте старосту. Я его прощаю.

Из толпы выскочили два парня и утащили дурачка от греха подальше. Горох — бочком-бочком и спрятался за спину ишана.

Гадо с телохранителем замялись в нерешительности. На темной физиономии Зухуршо замелькало начало новых субтитров: “Только я имею право...” и... пленка оборвалась. Он пересилил себя, сдержался и повторил:

— Прошу сюда.

Впервые, пожалуй, я видел, как Зухуршо подчинился разуму, а не эмоциям. Знать, очень ему нужен ишан в качестве союзника, а не противника. Однако святой человек в союзники не спешил.

— Я сяду здесь.

Из массовки, как рабочий сцены в синем халате, выскочил рыжий парень, сорвал с себя халатишко, расстелил на земле и, почтительно поддерживая ишана, помог ему угнездиться. Ишан сел, скрестил ноги и выпрямил спину. Н-да, картинно... Сразу видно — мудрец! Народ зашептался. Безмолвное послание было принято. Ишан как бы объявил, что остается заодно с массами, с бедными и сирыми. С первых же минут он выигрывал по очкам.

На прямое столкновение Зухуршо не решился. Изобразил хорошую мину при плохой игре — милостиво кивнул: “разрешаю остаться на месте” и, возвысив голос, то ли продолжил старую, то ли начал новую речь:

— Люди Талхака, оглянитесь назад...

Некоторые из толпы и впрямь обернулись, но позади себя они могли узреть лишь то, что я видел перед собой — крутой каменный склон, высящийся по ту сторону ущелья. Но сразу же выяснилось, что Зухуршо предлагал взглянуть назад абсолютно риторически.

— ... оглянитесь на свое прошлое, — продолжал он. — Если кто-нибудь из вас забыл, то ваши горы помнят, сколько веков вы терпели угнетение. Вас угнетали правители, вас угнетали наместники, присланные эмиром из Бухары, вас угнетала советская власть. Эти горы знают, сколько пришлось вам перенести горя и несправедливости... Но хвала Аллаху, эти тёмные времена остались позади. Теперь никто не будет указывать вам, как жить. Душанбе больше не указка. Калай-Хумб — не указка. Свободно жить будете...

Любопытно, с какой легкостью он сменил маску и перевоплотился из сказочного тирана в партийного оратора. Люди Талха-

ка угрюмо молчали, вероятно, предполагая, что всякий разговор о тёмном прошлом ведет к ещё более тёмному будущему. А Зухуршо вещал:

— Благо тем, кто живет внизу, в долинах. Там земли много, и тамошние люди выращивают хлеб и рис, картошку и помидоры... Всё выращивают. А вы? У вас, людей гор, земли мало. Какковы ваши земли? На поле ногу поставишь — для другой места не хватит. На одной ноге стоять приходится. А теперь скажите, что можно на таком малоземелье сажать? Что выращивать?

— Горох! — ответил невидимый насмешник из заднего ряда. — Горох надо сажать.

Народ захохотал. Горох выбежал из-за спины ишана и злобно прокричал:

— Это тебя надо! На кол сажать! В огонь сажать...

— Зато тебе-то огонь не страшен, — откликнулся невидимый. — Любое пламя выхлопом задуешь.

Зухуршо рассвирепел:

— Молчать! Всем молчать, когда я говорю! Вы, талхакцы, потому в нищете живете, что мудрых советов слушать не хотите. Но я добрый. Я зла не помню. Научу. По моим советам жить будете. А теперь еще раз спрошу: если земли мало, что сажать надо?

На сей раз насмешничать никто не решился.

— Золото, — сказал Зухуршо. — Когда земель мало, выход один — выращивать золото.

И замолчал, выжидающе глядя на неразумных талхакцев. Держал паузу.

— Вы спросите: как это сделать? Золото — не картошка, в земле не растет. Кто так скажет, тот не знает. Есть золото, которое растет в земле, — новый сорт. Вы скажете: нет, не получится. Скажете: благо тем, что живут за рекой, выращивают новый сорт и горя не знают. Наши условия, скажете, для него непригодны. Но Бог, оказывается, сделал вам подарок, о котором вы не знаете. Он одарил ваше ущелье климатом, в котором новый сорт расти может. Вам достаточно лишь моим приказам следовать и на полях трудиться. Об остальном я позабочусь, ваши земли новым сортом засею, и к вам золото рекой хлынет...

От стены мечети отделился один из двух местных руково-

дителей — статный старик — с достоинством прошествовал вперед и остановился рядом с Зухуршо.

— Я правильно ли понял — все наши земли собираетесь засеять?

— Да, старик, понял ты правильно, — кивнул Зухуршо. — Сказал неправильно. Не ваши они, эти земли... Мои. Были государственными, теперь моими стали. Потому что теперь я — государство.

Народ загудел, а автоматчики вновь выдвинулись вперед. Статный старик сказал:

— Прежде государство у нас сельхозпродукцию покупало, нам продукты завозило. Теперь с земли кормимся. Если поля отнимешь, как жить будем, чем питаться?

— О том, старик, не беспокойся, — сказал Зухуршо. — Все у вас будет. Все завезу: муку, сахар, крупы. Через несколько лет, на Оби-Барф электростанцию поставлю. По одной маленькой станции возле каждого кишлака. Электрический насос на вашей речушке установлю, чтобы воду наверх, в кишлак качать. В каждый двор водопровод проведу. Не хуже, чем в городе, жить будете. Ваши женщины как жены падишаха одеваться станут. В каждом дворе "нива" стоять будет. В самых бедных хозяйствах холодильники, стиральные машины появятся. А в каждом доме — пороги из золота...

— Новый сорт, это что такое? — осведомился старик. — Сорт чего?

— Новый сорт — это новый сорт. Вырастет, сами увидите. Радоваться будете...

— Однако... — начал старик, но, не закончив, воскликнул: — Святой эшон Ваххоб говорить желают!

Эшон, стоя лицом к толпе и, следовательно, спиной к Зухуршо, обратился к народу:

— Эй, люди Талхака, не холодно ли вам?

Народ, как ему и подобает, безмолвствовал, хотя слушал ишана с напряженным вниманием. Думаю, каждый старался сообразить, аллегорически вопрошает ишан или же буквально. Впрочем, при любом понимании ответ был один. В здешнем резко континентальном климате на солнцепеке — жарко, а шагни в тень — озябнешь. Солнце клонилось к западу, противоположная сто-

рона ущелья сверху донизу была залита горячим предвечерним светом. Нашу сторону уже полностью накрыла тень, так что на площади, признаться, и впрямь стало холодновато... В аллегорическом же смысле температура среды после речи Зухуршо быстро падала к абсолютному нулю.

— Ничего, терпеть можно! — крикнули из толпы. — Мы призывали.

— Хотите согреться, идите туда, — ишан указал на золотые, освещенные солнцем вершины.

— Пока до моста дойдем... — начал кто-то.

— Разве я упоминал мост? — прервал его ишан. — Я сказал “Идите”!

Край площади, на котором толпился народ, резко обрывался вниз к реке, текущей по дну ущелья. Глубина отвесного обрыва, по моим прикидкам, — метров тридцать; вполне достаточно, чтобы разбиться в лепешку. Народ встревожился. Оно, конечно, слово шейха — закон: хочешь не хочешь, а исполняй, но ведь повеление-то ни с чем не соотносимо. Бросаться в пропасть никто из мужиков и баб, разумеется, не собирался, но определенную психологическую сшибку они все-таки, наверное, переживали и с недоумением поглядывали то на ишана, то на край откоса.

Ишан все же решил подстраховаться на случай, если какой-нибудь особо безрассудный мюрид, рассчитывая на чудо, сорвется вниз:

— Стойте! — крикнул он, затем повернулся к Зухуршо: — Вот куда вы зовете этих людей — в пропасть, в преисподнюю. Может, ваш новый мир и хорош, но путь к нему преграждает бездна. Не толкайте их туда. Жизнь в горах и без того подобна переходу по мосту Сират, узкому как лезвие меча. Достаточно на миг потерять устойчивость, чтобы сорваться вниз и погибнуть. Потому-то эти люди так цепляются за старое и так страшатся нового. Старое — проверено столетиями. А новое... Вы сказали, что они нищи оттого, что глухи к вашим советам. Я говорю: они живы только потому, что не слушают ничьих советов. Но ведь вы не советуете, вы их принуждаете. Зачем?! Вы наверняка знаете, что крестьянский мир — это экологическая система, любое резкое вмешательство со стороны нарушит его равновесие, и тогда ему конец...

Вряд ли крестьяне поняли последние слова, да и насчет Зухуршо я не уверен. Меня речь ишана сразила наповал. Полунаучная лексика и ораторское красноречие в устах деревенского шамана! Да, непрост, непрост этот святой человек...

— Умоляю вас, — продолжал между тем ишан, — оставьте их в покое, пусть живут, как жили. Не тащите их в новую жизнь, не заставляйте выращивать “новый сорт”, что бы ни скрывалось под этим названием. Вы их погубите...

Зухуршо оторопел. Он тоже не ожидал от ишана подобных речей, переводивших спор на совершенно иной уровень, на который бывший инструктор райкома не сумел сразу переключиться. Если, конечно, вообще был на это способен. Выручил Горох. Выскользнул из своего укрытия в гуще массовки:

— Дозвольте и мне вопрос задать.

Ишон кивнул:

— Разрешаю.

Зухуршо гневно нахмурился и... промолчал. Полагаю, в душе был рад, что Горох безо всякого спросу перевел огонь на себя.

— Вы, святой эшон, много мудрых слов сказали. Конечно, люди здесь невежественные, но даже я, хоть в техникуме и учился, всей глубины не постиг... Вы сказать изволили, что власть не должна в эту самую крестьянскую жизнь вмешиваться. Кто я такой, чтоб с вами спорить! Но в темном прошлом, о котором они, — Горох, почтительно согнувшись, обеими руками указал на Зухуршо, — напомнили, как тогда было? В темном прошлом советская власть в эту самую крестьянскую жизнь очень сильно вмешивалась. Что сажать, и когда, и где — все колхозникам указывала. Что получилось? Погибли люди? Нет, хорошо жить стали...

В первом ряду безбородый старичок с простодушным лицом подтвердил:

— Хорошо жили!

— И вот я спросить хочу, — завершил Горох, — если они, товарищ... извините... господин Хушкадамов, будут в эту самую крестьянскую жизнь вмешиваться, может, у них еще лучше, чем у советской власти получится?

Ишан ответить не успел. Зухуршо прервал диспут в выгодной для себя момент. Он толкнул в бок Гафура, пятнистого телох-

ранителя, тот дал знак водителю одного из стоящих в стороне грузовиков, “КамАЗ” заскрежетал стартером, завелся, зачадил черной диоксиновой вонью, выполз на середину площади и остановился рядом с трупом Рембо. Народ молча следил за грузовиком. Только безбородый старичок из первого ряда торжественно воскликнул:

— А я что сказал?! Говорил я: Зухуршо муку раздавать будет!

Второй телохранитель, Занбур, ловко вскарабкался на борт, откинул брезент, запрыгнул в кузов на кладку мешков и швырнул один вниз. Мешок хлопнулся о землю и разодрался по шву. Словно взорвалась мягкая бомба, начиненная мукой. Тонкая пыль взлетела, осела и широко прикрыла мертвеца, как саваном, белой мучной пеленой. На краю, где землю едва припорошило, медленно проступило багровое пятно не успевшей еще застыть крови.

— Э, хайвон! — заорал Зухуршо. — Не бросай! Осторожно Гафуру подавай.

Второй мешок был опущен и уложен с должной бережностью. Зухуршо поставил на него ногу:

— Кому первый мешок?! — и сам же ответил: — Асаколу — первый мешок! Староста, иди сюда.

Горох приблизился.

— Ложись, — повелел Зухуршо. — Сначала — кнут, мешок получишь потом.

Если староста и растерялся, то лишь на мгновение. Сходу вписался в ситуацию и по-военному отрапортовал:

— Итоат! Слушаюсь!

Он достал из кармана цветастый носовой платочек, обшитый по краям бахромой с блестками, нагнулся, чтобы расстелить, но спохватился, искоса глянул на валяющийся рядом труп Рембо, присыпанный мукой, да так и застыл с вывернутой шеей.

— Извиняюсь... дозвольте вон там, поодаль, лечь... Я, извините, мертвецов боюсь... — и, не разгибаясь, боком, на крабьий манер, засеменял в сторону.

По самому краю ходил Горох, жизнью, возможно, рисковал, но удержаться не мог... А может, имел какой-то хитрый расчет. Я потом все думал, почему Зухуршо здесь же на месте не

разорвал его в ключья? Почему позволил эти ужимки и прыжки? Видимо, актерство Гороха каким-то образом резонировало с его собственной игрой. Кривляние шута как бы подчеркивало величие владыки наподобие ритуального поношения цезаря во время триумфа. А может, чем черт не шутит, талхдаринский цезарь просто засмотрелся на тамошо, в котором был режиссером, главным актером и одновременно зрителем, и увлекся спектаклем настолько, что начал даже подыгрывать Гороху, работать с ним в паре. А тот, хитрый манипулятор, ни разу не задел его прямой насмешкой.

Он отодвинулся шагов на пять, встряхнул платочек и разложил его на земле. Затем сделал ныряющее движение, как если бы собирался лечь. Оглянулся на зрителей и всем телом дал им понять, что платок слишком мал, чтоб на нем уместиться. Черт возьми, да у него талант!

Даврон шагнул к Зухуршо, на ходу поправляя кобуру. Я давно подметил у него этот жест, когда он сердит или раздражен.

— Зухур, кончай цирк.

Тот не сразу понял.

— А? Чего? — Потом включился: — Э, погоди минутку.

Горох тем временем принялся растягивать платок. Потянул. Не выходит. Он дернул что было сил и... разодрал надвое ветхую ткань. В руках остались два обрывка.

Мужики захохотали. Женщины захихикали. Оценили... Горох растерянно огляделся по сторонам, повернулся к Зухуршо:

— Товарищ... извиняюсь... господин Хушкадамов, мне бы брезент с машины... для подстилки...

Зухуршо поманил его пальчиком.

— Эй, артист, сюда иди. Мешок видишь? На него ложись.

Горох потупился:

— Я бы рад... Но извините... я один, без бабы, никогда не ложусь. Если бы мне бы, извините, какую-нибудь бабу сюда привели...

Из партера крикнули:

— Возмечтал Горох! Ты лучше задницу готовь. Тебе шмон делать будут.

Зухуршо кивнул телохранителю:

— Гафур, ремень.

Силач распахнул камуфляжную куртку, неторопливо расстегнул массивную пряжку брючного ремня и рывком выдернул его из шлевок. Так же неспешно растянул пояс во всю длину и с силой подергал, будто испытывая на прочность. Если б толстая кожаная лента лопнула, наверное, никто не удивился бы. А может, того и ждали, памятуя Горохов подвиг...

— Концом или пряжкой?

— Сам выбирай, — равнодушно бросил Зухуршо.

Гафур оглядел Гороха, оценивая. И что же? Пожалел убогого? Видимо, так. Зажал пряжку в кулаке и взмахнул могучей десницей, камуфлированной белесыми пятнами витиллиго. Ремень щелкнул. Конечно, не столь звонко, как бич, — шепотнул глухо, но весьма впечатляюще... Гафур проревел:

— Чего стоишь? Ложись!

И бесстрашный Горох наконец пал:

— За что?!!

— За самовольство.

— Но эшон Ваххоб... они простили... — Горох оглянулся на святого старца, ища защиты.

И все оглянулись. Ишана не было, он словно растворился в воздухе. На месте, где он сидел, остался лишь расстеленный на земле синий чапан. Хорошая старая школа. Эти люди всегда умели эффектно покидать сцену. В народе зашептались:

— Эшон исчезли...

— Разгневались.

— Не к добру это. Теперь возмездия ждите...

Гафур уложил Гороха поперек мешка и выпорол при злорадном одобрении аудитории и под свистки дурачка. Не стану описывать подробности этой безобразной сцены.

Не слишком-то дальновидно поступил Зухуршо, неизвестно еще, как ему это аукнется. Горох, даром что клоун и аутсайдер, но самолюбие у него, судя по всему, чудовищное. Он отныне ночами спать не будет, измышляя, как отблагодарить своего благодетеля. И ведь придумает, отблагодарит.

Глава 15

Эшон Ваххоб

Во имя Бога, милостивого, милосердного!

После бесплодной попытки образумить Зухуршо этот раб, вернувшись в свою обитель, поднялся на скалу, возвышавшуюся над мазором, и сел, чтобы, собравшись с мыслями, принять решение. После долгих и тягостных раздумий о событиях в Талхаке вспомнил он эпизод из книги “Избранные цветы из букета наставлений Салахаддина ал-Хисори в саду мудрости”, который до того перечитывал много раз, не в силах разгадать смысл.

Неизвестный автор “Избранных цветов” сообщает, что некий человек спросил однажды у ал-Хисори: “Как следует поступить тому, кто оказался заперт на самом верху высокой башни, охваченной пожаром? Должен ли он оставаться на месте и погибнуть в пламени, или же, спасаясь от огня, броситься вниз, чтобы неминуемо разбиться о камни у подножия?”.

В тот давний период жизни, когда ничтожный раб впервые прочитал эти строки, он был зачарован глубинной психологией, которую начал тогда изучать по бледным самиздатовским ксерокопиям и перепечаткам, а посему трактовал сей вопрос как аллереорию. До примитивных фрейдистских аналогий (башня — фаллический символ, а страх перед падением с неё — боязнь кастрации) сей раб, разумеется, не снисходил. Однако полагал, что горящая башня может олицетворять Эрос, огонь желанья, а её подножие — Танатос, бездну смерти. Он также отождествлял огонь в башне с пламенем сверх-Я, опаляющего психику, которому противостоит страх перед чёрными глубинами подсознания...

Ныне он отринул подобные бесплодные умствования, ибо понял, что послание, скрытое в беседе о башне, обращено к нему самому.

“Искренен ли ты? От всего ли сердца задан твой вопрос?” — спросил ал-Хисори вопрошавшего.

И тот человек ответил: “Да”.

Тогда шейх сказал: “Ступай и найди высокую башню, запришь в верхней её комнате, разожги пожар, и ты получишь ответ”.

Неизвестный автор умалчивает, был ли исполнен наказ. Но

если применить притчу к пишущему эти строки, то сей раб, сжигаемый сомнениями, не по своей воле оказался заточён в горную келью, которую можно уподобить комнате в башне. Однако здесь он постиг наконец истинный смысл древнего диалога и осознал, что ответ заключён самом вопросе. И он весьма прост — из безвыходных ситуаций выхода нет!

Такова горькая истина. Ничтожный пишущий не может смириться с насилием Зухуршо над народом Талх-дары, ответственность за которое лежит на сём рабе, ибо в этом мире устроено так, что никто иной, как шейх, обязан поддерживать в окружающей его среде гармонию и равновесие, связывая воедино человека и природу, живых людей и покойных предков, бедных и богатых, слабых и сильных...

Но что может сделать сей раб?!

Поднять на восстание жителей ущелья, как в давние времена минтюбинский Дукчи-эшон поднял андижанцев на мятеж против русской власти, означало бы залить Талх-дару кровью. Но нет нужды углубляться в старину. Всего лишь год назад эшоны из Вахъё восстали против засилья во власти ходжентцев, против коммунистов и закончилось это ужасной гражданской войной. Могут ли безоружные крестьяне противостоять вооружённым аскерам Зухуршо?

Призвать его к повиновению? Но ныне в мире царит зло, и слово эшона способно разжечь пожар, но не в силах его погасить.

Прошло то время, когда эшоны вершили судьбы сего мира, поднимали восстания, усмиряли мятежи и не делали различия между могучими князьями и жалкими нищими, сидевшими у их ног рядом как равные. Великие правители, духовные ученики эшонов, безропотно исполняли повеления шейхов, выполняя завет “Ученик в руках шейха словно труп в руках обмывальщика”.

Так некогда эшон Ходжа (да будет свята его могила), дед этого ничтожного раба, привёл к власти Саида-камбагала, наибеднейшего из жителей Талхака, и сделал его “ревкомом”, председателем Революционного комитета Дарваза. Причины такого возвышения ныне неведомы. Однако, получив власть, неблагодарный Саид-ревком позабыл о своём обете повиновения и множество раз поступал вопреки приказам устоза. Нахожу, впрочем,

объяснение его невольному своеволию в том, что им тогда поряжалась иная, мирская, но могучая сила, противоречить которой он был не в силах. И всё же шейх Ходжа (да будет свята его могила) жестоко покарал его за предательство. Проклятье эшона настигло Саида-ревкома на вершине могущества и славы. Судьба отвернула от него поток удачи, и он был арестован, брошен в тюрьму и расстрелян в тридцать шестом году. Таково было последнее проявление мистической силы и могущества эшона Ходжи, который вскоре поинул этот мир и передал джадизу, молитвенный коврик, старшему своему сыну Каххору (да святится его могила).

Каххор-эшон, отец ничтожного раба, обладал ещё большей силой творить чудеса, и в её подтверждение к нему являлись два тигра, склонялись перед шейхом и кричали: “Йо, хакк”, ибо были его мюридами. Впрочем, это известно пишущему только по рассказам других, и он не имел случая наблюдать появление тигров своими глазами, поскольку в раннем детстве по решению родителя был отлучён от отчего дома и направлен в столицу, на воспитание к своему дяде — младшему брату эшона Махсуму Ходжаевичу Эшонходжаеву, который преподавал в университете основы марксизма-ленинизма, ибо такова традиция: младший сын обязан получить светское образование и утвердиться на светском поприще, а старший сын, когда настанет время, — принять молитвенный коврик и продолжить линию передачи благодати. В Душанбе сей раб был записан в русскую школу, а по её окончании послан по разнарядке в Ленинград на философский факультет, а затем, прошедши там курс наук, определён в отдел философии Академии наук Таджикской ССР, где начал работу над кандидатской диссертацией “Шейх Багауддин Накшбанди и творческое наследие его мысли в Южном Таджикистане в XV-XVI веках”. Затем дядина супруга сосватала для ничтожного девушку из благородного и уважаемого семейства Нишонходжевых, Малику. Он успешно защитил диссертацию и начал работу над докторской, его имя приобретало известность в востоковедческих кругах, он прекрасно обставил полученную от Академии квартиру, приобрёл автомобиль “жигули”, и так они с молодой супругой продолжали жить приятнейшей жизнью, пока судьба не обманула их, поступив с ними как враг. Умер старший брат, которому отец, Ках-

хор-эшон, намеревался со временем передать садждада как своему первенцу. Это была горькая весть. Сей раб мало знал своего брата — круговорот судьбы и воля отца разлучили их в раннем детстве, да и в зрелом возрасте они встречались не слишком часто — лишь тогда, когда пишущий эти строки посещал родительский дом. И всё же он глубоко скорбел об этом юноше, который обещал со временем стать ещё более могучим эшоном, чем даже его отец Каххор-эшон. К тому же с безвременной смертью брата должна была прерваться линия наследственной передачи учения и благодати. И теперь отцу, когда настанет его срок, придётся отдать молитвенный коврик одному из своих ближайших мюридов и учеников — тому, кто готов и достоин принять кармат и духовную власть.

Однако колесо судьбы, неумолимое в своём вращении, вскоре послало Каххора-эшона вдогонку за сыном. Сей ничтожный раб получил известие о том, что отец тяжело болен. Он тут же вылетел на самолёте в Калаи-Хумб, добрался на машине до Талхака и застал родителя при смерти. А вместе с тяжестью предстоящей утраты на него внезапно обрушился совсем уж неподъёмный груз — отец, святой Каххор-эшон (да будет свята его могила) вручил ему свой молитвенный коврик.

Для сего ничтожного...

Для меня это было страшным ударом. Я не желал этого! Я не хотел... Это ломало всю мою жизнь... Рушило всё, чего я добился, чего мечтал достичь в будущем... Малика не поедет со мной... Не бросит работу. Диссертацию. Подруг. Городской комфорт... Эта княжна, горожанка, гордая красавица, учёная дама — кандидат химических наук, модница... Что она будет делать здесь — в убогом домишке рядом с кладбищем?! Я сам не мог этого представить... Что я буду здесь делать?! Как жить?.. Чем жить?.. Зачем?..

Отец взвалил на мои плечи тяжкую ответственность. Передал власть, которая мне не нужна. По его воле, я не распоряжаюсь собственной жизнью — как я могу властвовать над душами мюридов?

Но сын в руках отца подобен труп в руках обмывальщика. Прошло время, и я смирился с участью. Иногда утешаю себя мыслью о том, что больше жизни в том, чтобы самому быть су-

фийским шейхом, нежели изучать суфийское учение по мёртвым книгам.

Но это слабое утешение. Женщина, с которой я связан здесь семейными узами, не может заменить мне Малику. Порой я чувствую себя узником, запертым в огромной каменной темнице. Один, совсем один...

Отсюда, с вершины, мне представлялось, что моя тюрьма, накренилось перед мной, как опрокинутая набок чаша. Верхний край ущелья — крутой откос хребта Хазрати-Хасан — выгибался высоко в небо. Нижний — рассекала извилистая трещина, река. И далеко внизу по белой нитке тропы, проложенной вдоль реки, медленно ползла точка — одинокий путник на дне огромной каменной расщелины. Кто-то вновь направляется ко мне за помощью, советом или наставлением. Они убеждены, что я способен им помочь... И бесконечной вереницей идут ко мне со своими бедами, страхами, тревогами, заботами...

Тем временем точка увеличилась настолько, что я различил в ней крохотную фигурку женщины. которая шла по дороге от кишлака, направляясь к мазару. Яркое пятнышко живой жизни среди каменной мёртвой пустыни.

Женщина в красном платье поднялась к мазару. Отсюда, со скалы, я видел, как из дома вышла мать моих детей и заговорила с просительницей. Увидел я также, к великому своему удовольствию, что она указывает на скалу моего уединения. Женщина в красном платье вместо того, чтобы уйти восвояси, остановилась, словно раздумывая, а затем направилась к тропе, ведущей наверх, что окончательно привело меня в крайнее раздражение... Какое у крестьянки может быть дело, столь важное и срочное, что ради него она осмеливается нарушить уединение эшона?!

Я невольно отвлёкся от своих раздумий и лишь следил за тем, как она медленно поднимается вверх по склону. Женщина скрылась из виду за последним поворотом тропы и, казалось, исчезла. Я понял, что она остановилась под прикрытием скалы, чтобы отдышаться и достойно со мной заговорить... Наконец она поднялась на вершину. Я узнал в ней русскую женщину, дочь которой просватал сегодня Зухуршо.

— Здравствуйте, — сказала она по-русски и тут же, спохватившись, добавила: — Ас-салому алейкум.

В национальном платье и изорах, в неумело завязанном головном платке она походила на посредственную актрису, играющую роль таджички в каком-то спектакле.

Меня неприятно поразила вольность, с которой она ко мне обратилась. Она смотрела на меня прямо и требовательно, хотя я никогда ничего ей не обещал. Будь она в европейской одежде, её неучтивость ничуть бы меня не задела. У русских нет врождённого такта, истинная вежливость для них недоступна. Однако сейчас контраст между одеждой горянки и неизменной русской бесцеремонностью оскорбил меня, хотя я привычно скрыл свои чувства.

— Как мне к вам обращаться? — спросила она.

— Это неважно, — сказал я. — Все имена в этом мире условны и непостоянны. Истинны лишь имена Божьи.

Но она, вероятно, даже не слышала моих слов.

— Я знаю, вы — учёный. Работали в Академии наук. Вы должны меня понять. Я сейчас обращаюсь к вам как к образованному человеку... Мне здесь не с кем поговорить, не с кем посоветоваться... Не у кого искать защиты... Я в ужасе, отчаянии. Я не знаю, что мне делать... Мы попали в ужасную ситуацию...

Возможно, я даже посочувствовал бы ей, если б она не тащила меня назад, в мир, навсегда мной утерянный. Я сказал холодно:

— Вы обращаетесь ко мне как к учёному? Вот я здесь, перед вами. Кандидат философских наук, без пяти минут доктор. Что вы хотите, чтобы я сделал для вас? Объяснил действия Зухуршо в свете слома общественной формации в нашем независимом государстве? Или прочитал этому местному феодалу лекцию о несовместимости его волюнтаризма с принципами гуманистической этики? Или же обратился в ООН, ЮНЕСКО и Human Watch Rights с требованием призвать его к соблюдению прав человека?

Она проговорила растерянно:

— Но у вас такой огромный авторитет...

Я возразил:

— Вы преувеличиваете. Я разрабатывал слишком узкую тему. Меня знают очень немногие. Несколько специалистов в Москве и в Ленинграде. Кое-кто в Праге, Торонто... Пара человек в Кембридже. Стефан Дюдваньон в Париже... Вот, пожалуй, и всё. Даже здесь у нас, в Таджикистане, я известен не особенно широко...

— Ах, я не о том! — воскликнула она. — Эти люди в кишлаке... Они почитают вас как святого. Они послушаются, что бы вы ни приказали...

— Вы сама себе противоречите. Либо учёный, либо шейх. Вместе они не соединяются. В научном мировоззрении — насколько я понимаю, именно его вы придерживаетесь — отсутствует понятие “святость”.

Она растерялась, но тут же нашлась:

— Я прошу вас... как человек просит человека... Вы можете меня понять... У вас самого есть дети...

Дети! Меня возмутило, что она прибегла к этому старому, как мир, стандартному приёму манипуляции, но я сдержался:

— Человек не в силах изменить то, что предопределено. Сказано: “Не постигнет нас никогда ничто, кроме того, что начертал нам Аллах”.

— Да, конечно, я знаю... Здесь все это твердят... — сказала она с горечью. — И вы тоже... И всё же, умоляю вас, помогите! Мы в ловушке без выхода... Я уже ни на что не надеюсь... Только на какое-нибудь чудо...

Она запнулась, словно в голову ей пришла новая мысль.

— В кишлаке только и рассказывают, что о чудесах, которые вы творите. Я никогда в это не верила. По-моему, образованный человек не станет заниматься такими нелепостями... Совершенно бесполезными, от которых никому ни холодно, ни жарко... Простите, я сама не знаю, что говорю...

Я молча слушал её, окаменев от негодования.

— Но теперь я готова поверить в любое чудо! Сделайте что-нибудь с этим страшным человеком, чтобы он оставил нас в покое. Напугайте его... Превратите в лягушку, и пусть его мерзкая змея её проглотит. Я не знаю, просто не представляю, что ещё можно придумать... Но вы сами, наверное...

И тут самообладание оставило меня.

— Женщина, кто дал тебе право требовать чуда?! — спросил я грозно. — Кто ты такая? Ты пришла со стороны, ты презираешь наши обычаи, ты не веришь в Единого Бога, не производишь молитвы. Ты — чужая. Почему я должен творить для тебя чудеса?! Ты не отдала мне руку, и я не несу за тебя никакой ответственности...

Она попыталась что-то сказать, но я не позволил.

— Ты даже не удосужилась принести какое-нибудь подношение... Несколько лепёшек и горшочек масла... или что там ещё ты могла бы принести... Не думай, что мне нужны эти жалкие дары. Они необходимы тебе самой. Ты могла бы с их помощью выказать почтение. Прежде, чем требовать, ты должна была сама что-нибудь дать... Это не плата... Понимаешь? Это не та плата за услуги, к которой ты привыкла. Это выражение искренности... А ты... Ты жаждешь чуда, но не способна на искренность...

Она закричала отчаянно:

— Не говорите так! Я способна! Я готова сделать для вас всё, что угодно, только помогите нам! Хотите — буду целовать перед вам землю. Буду работать на вас как раба. Всё, что вы скажете... Всё, что прикажете...

— Я приказываю тебе уйти. Уходи.

Она смотрела на меня со страхом и недоумением, потом проговорила горько:

— Да, конечно. Да, да, да...

Повернулась и пошла, не попрощавшись.

Я отвернулся, чтобы не видеть, как она неловко спускается вниз по тропе.

О, мне, как никому, хорошо знаком этот тип женщин. Они требуют! Они всегда чего-нибудь требуют. Забывают, что они — женщины. Они не знают... не хотят знать своего места. Их неправильно воспитали. Они забыли, чему их учили. Почему они так яростно бьются за свою самостоятельность? Почему без конца твердят, как твердила моя жена: "Если бы ты знал, как я устала, как мне надоело поддакивать, соглашаться, прижимать руку к сердцу: Хуш, муаллим, хорошо муаллим... Как вы скажете, муаллим... Мерзко, глупо, противно! Эти наши профессора, научные светила, ничуть не лучше какого-нибудь колхозного раиса из захолустья. Баи, феодалы!". "Не обращай внимания, — гово-

рил я ей. — Ты же знаешь, здесь у нас так принято. Это традиция. Просто надо проявлять вежливость к старшим...”. “При чём тут вежливость?! Они женщину за человека не считают... Малика Хамракуловна, надо немножко спокойнее говорить... Надо немножко ещё поучиться.... Ненавижу! А ты?.. Ты никогда не хочешь меня понять. Ты даже не пытаешься... Почему ты защищаешь этих баев? Ты сам такой же, как они! Родился в кишлаке, кишлачным и остался... Если б не ты, мы давно бы уехали... Предлагали мне в Чернологовку, под Москву... Нет, ты не захотел! Ты не поехал... Тебе папочка твой не разрешил, маленькому мальчику... Отчего же ты у него разрешения не спрашиваешь, когда на меня залезаешь? Отец, позвольте мне немного поиграть с этой женщиной. И не стыдно тебе? Взрослый мужчина, как ребёнок, во всём отцу подчиняешься...”

Вот что я ненавижу в этих женщинах — непочтительность. Демонстративный отказ признавать авторитет, старшинство... Кто дал вам право на непочтительность?! Кто дал право требовать? Тем более — требовать чудес! Я не сотворил бы для вас самого малого, самого ничтожного чуда... даже если бы мог... Нет, сотворил бы, и вы бы пожалели, что молили меня... Я бы... Как отец... Он никогда не прощал непочтительности. Даже самой малой...

Все помнят, как наказал он Райисполкома. который пытался отнять у него маленький клочок земли. Тот участок на солнечной стороне склона горы Сорбиён возле большой арчи, который Салимхон — мурид Ходжи-эшона — преподнёс в дар устозу за исцеление своего ребёнка.

Потом, в хрущёвские времена, приехал этот человек с тетрадкой. Никто не помнит его имени. Просто Райисполком. Он был не наш, не местный, присланный... Из Конибодоба, но и там, говорят, он без роду без племени, в детдоме воспитывался. Наверное, так оно и было, потому что только человек без родительского воспитания может быть столь груб и нетактичен. Никто не внушил ему правил поведения.

Сказали Райисполкому:

“Земля эта не простому человеку принадлежит — эшону Каххору. Следует исключение сделать, надо это поле им оставить”.

Но он ответил:

“Эй, люди, разве ваш эшон до ветру не ходит? Разве по нужде не присаживается? Чем он лучше простого человека? Чем от простого человека отличается?”.

С этими грубыми словами сделал пометку в своей тетради и уехал.

Отец сказал:

“Не за то я его наказываю, что отнял у меня законную мою землю. Учение учит нас довольствоваться малым. Караю за грубое и оскорбительное слово. За непочтительность. Человек, лишённый почтительности, подобен свинье”.

Райисполком вернулся в Калаи-Хумб и должен был дать отчёт о проделанной работе на бюро, где собрались все руководители района. Вышел на трибуну и сказал:

“Уважаемые товарищи... гхрю-гхрю-ю...”.

Это были последние слова, которые он произнёс на человеческом языке. Теперь, как только он раскрывал рот, из него вырвалось только свиное хрюканье: гхрю-гхрю-ю... гхрю-гхрю-ю...

Несчастный ездил лечиться в Душанбе, и там с ним бился знаменитый психиатр Камол Бобоевич Резоев, но так и не вылечил, однако написал статью “Об одном случае истероидной афазии”, с которой потом в течение последующей своей научной карьеры выступал на всех симпозиумах по психиатрии, республиканских и всесоюзных, и даже стал академиком. А Райисполком так и хрюкал свиньёй до самой своей смерти...

Так рассказывают.

Отец передал мне свой дар. Когда я вошёл в комнату, где он лежал, то сразу понял, что он умирает. Он смотрел на меня безучастно, но я понял, что он видит меня и пытается что-то сказать. Я приник ухом к самому его рту. Отец едва слышно, хрипло и почти неразборчиво прошептал костенеющими губами:

“Возьми это...”.

Я едва понял — угадал — смысл его слов. Отец пытался вымолвить ещё, но не смог. Оцепенение уже сковало его язык.

Да, это теперь моё, но отец не успел объяснить, как им пользоваться. Словно я получил в наследство сложнейшую машину без описания и инструкции. Без единого рычажка или кнопки. Чёрный ящик. Хуже, чем чёрный ящик.

Всё, что я знаю, вычитал из книг. Единственное, чем я полагаю, это прямая линия передачи *каромат*. Можно ли считать, что у меня был учитель? Говорят, что Абу Йазид ал-Бистами сказал: “Тот, у кого нет учителя, получает в наставники сатану”.

Как свидетельствует Абу-л-Касима ал-Кушайри, его шейх Али ад-Даккак сказал: “Дерево, растущее само по себе, которое никто не сажал, приносит листья, но не плоды”. К этим словам наставника ал-Кушайри добавляет: “Это справедливо, хотя может случиться, что оно и принесёт плоды, подобно деревьям, растущим в долине и на холмах, но плоды эти не будут иметь вкуса садовых”.

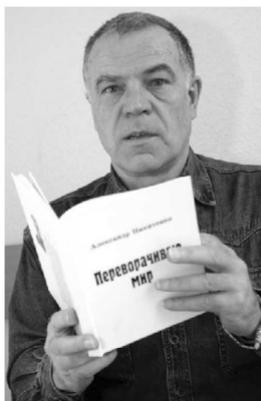
Каждый день я сажусь в уединении и, как предписывает Бахауддин ан-Накшбанд, практикую вукуфи калби — остановку на сердце. Создаю мысленно картину сердца с запечатлённым в нём именем Бога, и убеждаю себя, что в сердце нет другой цели, кроме Бога.

Но сердце моё молчит. Я не знаю, где искать Бога, чтобы спросить, что мне делать и как поступить. Знаю, что Он — повсюду, но не вижу Его. Вижу горы, высящиеся над ущельем, вижу узкую полосу неба между ними, каменные вершины, которые... но более ничего не вижу в пустом мире.

Это какой-то неизлечимый дефект внутреннего зрения. Сухо и пусто внутри. Гулко как в пещере. Я постоянно чувствую себя самозванцем. Обманщиком. Вынужден скрывать своё бессилие под маской строгого и надменного мудреца...

Но я не виноват! Я не хотел. Меня заставили. Бросили словно щенка в воду. Принудили насильно, как мальчика. Как слугу. Как раба... Наверное, именно потому я испытываю мстительное удовольствие, именуя себя по старинной персидской эпистолярной традиции “этим ничтожным рабом”. Не знаю только, кому я мщу...

ПОЭЗИЯ

Александр НИКИТЕНКО

КРАСНЫЕ ХОЛМЫ

Вдаль бреду, оглядываю высь я.
Тихо убывает свет дневной.
Ржавые платановые листья
жестью громяхают подо мной.

Ни врагу неведом я, ни другу.
Меркнет свет повсюду и во мне.
Господи, гремят на всю округу
листья под ногами в тишине!

Над пятном тишайшего заката
бездна высока и глубока,
перистою дымкой языката
с золотцем по кромке языка.

Ночь крадётся тихо, тише рыси,
к сердцу подбирается тайком.
И со мной темнеющие выси
говорят беззвучным языком.

Утопаю взглядом высоко я.
Сумерки души просквожены
редким откровением покоя
в сокровенной тайне тишины.

Вьётся рощей тусклая дорога,
вдалеке теряется во мгле.
Слушай тишину – услышишь Бога.
Он творит неслышно по земле.

МОЛИТВА

Средь гонений и непониманья,
средь истцов извечных и истиц
удели хоть чуточку вниманья
мне – частице всех твоих частиц.

В откровеньи отческого взгляда
васильков пронзительная синь.
Господи, мне ничего не надо,
только не оставь и не покинь.

Принял много мёда я и яда,
боль свою и соль дала мне явь.
Господи, мне ничего не надо,
только не покинь и не оставь.

Только не забудь в последней смете,
пребывая в сердце и вовне,
что, пока я жив на белом свете,
ты всегда со мною и во мне.

С нашим братом трудно тебе очень,
знаю, сам пожил я меж людьми.
Я не помышляю: «Дай мне, Отче!»
Без остатка всё моё возьми.

С очами, полными лазури,
он просветлел, как сам Господь...
Его раздели и разули,
прооперировали плоть.

Он чужероден был в палате
среди других болящих тел.
Стерильным ангелом
в халате
больничном
я
к нему
влетел.

Сел на казённую простынку
соседской койки. И завёл
традиционную пластинку
про золотой домашний стол.

Он белой мякоти куриной
поел. Бульончика хлебнул.
Шибало в воздухе уриной –
в застойной вони мир тонул.

Царил уклад больничный стойкий.
Но свет небес горел в глазах.
Он плотью был прикован к койке,
а дух держал на небесах.

В ДОЖДЬ

Парк
сумрачен,
лохмат,

Мальчик живёт под порогом подъезда
с рыжим брюшком и спиной смоляной.
Выбрал себе он укромное место
на неприютной планете земной.

Мальчик – собачья дворовая кличка.
Он осторожен, не дружен с людьми.
Самодостаточный пёс-невеличка
под проходными входными дверьми.

Мусорка рядом, жилище под боком,
косточка в баке, в арыке вода.
Очень разумно живёт он под Богом.
Даже завидую псу иногда.

Мальчик неласков, и много опаски
в жёстком прищуре коричневых глаз.
Он избегает общенья и ласки –
видимо, крепко обжёгся не раз.

Знает он: люди привадят сначала,
после взлютуют, три шкуры спустив.
Крепко собачья душа одичала,
людям предательства их не простив.

Видно, и я позабуду едва ли
сколько обидой дрожала щека,
сколько меня, как щенка, пригревали,
сколько пинали потом, как щенка.

Влез бы и я в волосатую шкурку,
шерстью повытенил морду лица,
тоже вот так же забился в конурку
и позабылся один до конца.

КРАСНЫЕ ХОЛМЫ

В жару мы ехали на бахчи.
Размяк асфальт, как пластилин.
Я, чтобы ехалось помягче,
соломки в кузов постелил.

Полуторка бежала ходко
сквозь яркий летний солнцепал.
Была отличная погодка,
вихры мне ветер растрепал.

Я то сидел, скругляя спину,
а то к стояню прибегал
лицом вперёд, и об кабину
ладони крепко припекал.

Я полон был каких-то планов.
Как вдруг из жаркой кутерьмы
густым огнём степных тюльпанов
хлестнули красные холмы.

Они, кровавые, как смута,
меня спалили в тот же миг,
и поворачивались круто,
пока мы ехали вдоль них.

Под высью с отсветом латуни
присев у заднего борта,
я долго вспять летел, где втуне
осталась эта красота.

И вдоль Васильевского тракта
мне было жалко от души,
что этих диких красок трата
безлюдно буйствует в глуши.

Сквозь много лет, надежд, обманов,

как сновидения из тьмы,
с тех пор во мне огнём тюльпанов
пылают красные холмы.

Мне хватало солнца и ненастья,
и случилось всё, что может быть,
потому что выпало мне счастье
жить на свете, женщину любить.

И ничем не успокоюсь всласть я
сверх всего, что выпало вдвойне.
Счастлив тем, что не ищу я счастья,
потому что свет его во мне.

В палящий зной и злые холода,
на небесах, на суше и на море,
и в день, и в ночь, и в радости, и в горе,
любимая, храни тебя звезда.

Где б ни был я, со мною ты всегда,
хотя и не всегда со мною рядом.
Улыбкой лечишь сердце мне и взглядом.
Любимая, храни тебя звезда.

Я б без тебя не выжил никогда.
Но сбылся, раз ты этого хотела.
Ты выстроила душу мне и тело.
Любимая, храни тебя звезда.

Тебя я огорчаю иногда

тем, что устало складываю крылья.
Но ты даёшь мне небо для веселья,
любимая, храни тебя звезда.

За то, что только мною ты горда,
хотя мизинца твоего не стою,
за то, что жизнь не выдалась пустою,
любимая, храни тебя звезда.

В моих стихах останься на года
простой и светлой, грешной и святою.
Как ты меня хранишь своей звездой,
любимая, храни тебя звезда.

ЗАКАТ

Тьма сгустилась втихомолку
там, где свет последний был.
Спать
ушёл

Господь
в светёлку,
за собою дверь прикрыл.

Дмитрий САГАЙДАК

ВРЕМЯ (философский диптих)

Часть 1

На тонкой границе меж тенью и светом
Живет вместе с нами большая планета
Той жизнью, в которой главенствует время,
В часах измеряя все наши стремленья.

Да, время все стерпит, оно так пластично,
Коварнейший враг, собеседник отличный,
Оно словно мед: и тягуче, и вязко,
Порою с ним сладко. Порой его краска

Чернеет, и людям становится горько.
Мы – капли дождя в океане, и только.
Но время, лишённое жалости, судит,
Не могут понять его логику люди.

Реальность проста и до боли условна,
А время спокойно глядит на законы.
Нам трудно постичь, что оно бесконечно,
Мы видим лишь то, что летит быстротечно.

Часть 2

Размеренно, тихо, почти заунывно
Мелодия жизни течет беспрерывно,
Никто не следит, не следит за часами,
Часами, что скрылись внутри, под сердцами.

И время проснулось, крадется неслышно,
Оно научилось стрелять, так уж вышло,
Оно научилось жалеть и молиться
О том, что, увы, нам уже не приснится.

Минуты внутри откликаются болью,
Стирающей всё, и надежду, и волю.
Один на один с угрожающим миром
Деремся за деньги, машины, квартиры...

И вверх, по гранитным мечтам бессознания,
Уходят все жертвы святого молчания,
И ветер, рожденный в дворцах предфевралья,
Людей за растрату секунд покарает.

Ведь мы знали все, даже черта простили,
Но сами себя занесли черной пылью,
Бежали, все время куда-то бежали,
И радостей жизни, увы, не познали.

Не время бежит, это мы убегаем,
Не время умрет, это мы умираем.
С надеждой в руках, в одиночку, по двое,
В погоне за временем выйдем из строя...

Мы/Никто.

Нас никто не придумал,
Мы сами такие, как есть,
Не сотрешь, мы как руны
На камнях, и нас невозможно прочесть.

Нам никто не прикажет,
Он попросту горло сорвет,
Мы – ослепшие стражи,
Не видим, не слышим, но чувствуем все наперед.

Нам ночные кошмары
Не снятся, мы сами страшней.
Пульса злые удары
Взрывают типичность истоптанных дней.

И дорога привычна
По мусорным кучам надежд
Среди матерных кличей,
Ревущих неистово: близок отъезд.

Наши крыши уедут,
А прочие – просто снесет
Весть о скорой победе,
Невыносимо тяжелой, как гнет.

Это будет победа
Слепого над глухонемым,
И величие света
Исчезнет, сокрытое черным покровом густым.

И тогда мы устанем
Сражаться с ветрами мечом,
И на дно молча канем,
Чтоб молиться о тех, кто страдать обречен.

Ни в любви, ни в смерти.

Ни в любви, ни в смерти
Нам не знать покоя.
И в любви, и в смерти
Дружим мы с тоскою.

От нее, не скрыться
В глубине молчаний,
Лишь в сомненьях биться
С грузом за плечами.

Лишь читать друг другу
Книги без сюжета
О неясных муках,
О чужих портретах.

Ни огонь, ни ветер
Не придут на помощь.
Ни огонь, ни ветер...
Прячем лица в полночь

И корим друг друга,
Правду не дослушав,
И бежим друг к другу,
Клятвы все нарушив.

Боже, кем мы стали?
Небеса, ответьте.
Лучше б мы не знали
Ни любви, ни смерти.

Там, куда мы идем...

Там, куда мы идем, лишь холмы и река,
И зеленое с черным совпало,
В этих странных краях так трава высока,
Что укроет нас как одеяло.

Ветер, еле заметный, верхушками трав
Шелестит, они тихо кивают,
Все лучи и все звуки, в то море попав,
Неизбежно исчезнут, растают.

А вверху, в небесах, только тучи и ночь,
Безразлично, беззвездно и дико,
И лишь светоч один прорезает как нож
Темноту своим призрачным ликом.

А вода там тиха и как деготь черна,
Еле движется, свет отражает.
Говорят, та река без истока и дна,
Вне пространства она протекает.

Как привольно дышать в том прекрасном краю,
Ветру сердцебиения вторят,
Мы найдем непременно любовь и приют,
В этом мирном и ласковом море.

Когда ты ждешь...

Когда ты ждешь и со злобной гримасой
Теряешь заветные дни,
Ты не узнаешь, насколько опасно
Уйти с головой в свои сны.

Ты не узнаешь, как просто исчезнуть,
Запутаться в темной глуши,
Уйти с тропы к закоулкам железным,
А дальше – ищи, не ищи.

Все прекратится, все станет бесцветным,
Ты думал, что просто привык,
Но не отыщешь дороги заветной,
Туда, где струился родник.

Почти смирившись в сознание с потерей,
Ты снова отправишься ждать,
И бросишь под ноги то, чему верил,
И станешь со злостью топтать.

А завтра – вновь раздраженные крики,
Игра в козлодранье с судьбой,
И только прошлого сонные блики
Напомнят о том, что живой.

Не жди, мой друг, не питайся обманом,
Уж лучше подайся вперед,
Все переменится поздно иль рано,
Для радости будет черед.

Разветвление чувств

Разветвление чувств,
Разрушение прежних легенд.
Я их знал наизусть,
Но приходит забвенья момент.
Что осталось от них?
Да теперь уж не все ли равно?
Отзвук мыслей слепых
Как пластинка заезжен давно.

Рассуждения, бред
И мечтанья в дороге ночной,
В даль заснеженных лет
Через город гротескный, смешной.
Улыбаюсь в глаза
Псевдо-вечным экранным страстям,
Но иначе нельзя
Воспротивиться вздорным гостям.

Эгоисты, лжецы,
Сколько можно играть в дурака?
Подожгите мосты,
А тела пусть подхватит река.
Но эмоций поток
Будет злее, чем тысяча рек,

Юрий ФАДЕЕВ

МАЛАЯ РОДИНА

В мир выхлопных благовоний,
Лжи и пластмассовых душ,
Детство протянет ладони,
К ним я губами прижмусь –
Живой водицы напьюсь...

РАВШАНОЙ

Однокласснице

О, Равшаной!
Одно лишь имя – снова Азия со мной.
Ташкент и Ош, зелёные поля,
От Согдианы благодатная земля!

О, Равшаной!
Рахмат России – небо предков надо мной,
Но где родился – та земля, она как мать,
Не позабыть, не изменить, не разменять.

О, Равшаной!
Там наше детство, белый хлопок, летний зной,

Там первая любовь и школьные года,
«Не повторяется такое никогда...»

О, Равшаной!
Воспоминания мне грудь теснят порой:
Тюльпаны, маки, пики снежных гор,
И Иссык-Куль, он манит до сих пор.

О, Равшаной!
Пускай Всевышний ниспошлёт душе покой,
Благополучия, любви твоей семье!
Мир так велик - мы две песчинки на земле...

ИССЫК-КУЛЬ

В серебре пики гор, голубая вода,
Ты меня принимал словно друга всегда.

Вот поля окропились в малиновый цвет,
Это лето пришло, и зацвёл эспарцет.

Терпкий запах полыни несёт ветерок.
Знойный пляж. Ступни ног обжигает песок.

Я с разбега бросаюсь в объятья твои,
Незаметно проходят счастливые дни!

Как мне было беспечно, как было легко!
Тихий голос с небес – «не плыви далеко...»

То ли Ангел-хранитель, то ли мама моя,
Но уносит порой нас в иные края.

Память крутит с волнением ретро-кино,
«Это было недавно, это было давно...»

О ГРУСТНОМ

Где родился,
Сегодня не помнят меня.
Те, кто помнит – покинули эти края.

Дом, где детство прошло,
Город стёр – вот беда!
Что поделывать, вверх всё растут города.

Моя старая школа,
Гляди веселей!
На другом языке в школе учат детей.

Память первой любви,
Как икона в ней ты!
Всё бывшее мираж – не отыщешь следы.

Соберёмся друзья,
Скинем груз прошлых лет!
Но одни далеко, а других уже нет...

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОДИНА

Исповедь мигранта

Распался Союз мы – ничейный народ,
Из Азии Средней начался исход.

Но Родина-мать не ждала сыновей,
Чело плащаницей укутали ей.

В Госдуме закон разработал мутант:
Русский в России – бесправный мигрант!

За паспорт, гражданство нас унижают,
Многих назад уезжать вынуждают.

Повсюду кавказцы с ухмылкой снуют,
«Двуглавых орлов» им, как кур, продают!
Нас там вытесняют, мы лишние тут,
Отечество предков, казённый приют...

РУСЬ

Демографы в панике,
Русь вымирает,
Что с внуками будет, что их ожидает?

Без малого век
Чередой испытанья,
Но нет осознанья, за что наказание?

Кто русский в России?
Мы всё вокруг губим,
Чужих привечаем, друг друга не любим!

Духовность теряем,
Кто предки – не знаем,
Что Богом дано нам, на «зелень» меняем!

Мы – предали Русь?
Нас Всевышний карает?
На Русской равнине народ вымирает...

Встанешь пораньше в деревне,
Господи, как хорошо!
Дождик пролился намедни,
Звон колокольный к обедне,
День проживёшь не последний,
Что тебе надо ещё...

Не жалею я белые цветы,
Что а ргіогі нежны и чисты,
Мне в Подмосковье
Солнца не хватает ласки,
А белое не добавляет
Яркой краски,
И даже куст
Прекрасной белой розы
Напоминает зиму и морозы.

Сооронбай ЖУСУЕВ

«СУДЬБА РАЗЗАКОВА»¹

Фрагмент
из романа в стихах

Поучительная судьба выдающегося политического деятеля Кыргызстана Искака Раззакова занимает центральное место в большом поэтическом полотне Народного поэта, Героя Кыргызской республики Сооронбая Жусуева. В этом романе читатель увидит срез политической жизни родной страны, начиная с образования Кыргызской ССР и почти до наших дней, а также познакомится с выдающимися деятелями культуры, науки Кыргызстана, героями труда, глазами автора увидит Сталина, Хрущева, других известных политических лидеров, ближе узнает всю Среднюю Азию и особенно Кыргызстан с его неповторимыми обычаями и традициями, а также с головой окунется в борьбу Добра и Зла, Чести и Зависти, Лжи и Правды... Увы, в этой борьбе нередко высокое и низкое меняется местами, - чему примером судьба Раззакова, который так много сделал для Кыргызстана и умер в изгнании...

В конце жизни, не дождавшись приглашения от руководства республики, он сам приезжает на свою Родину.

Роман написан и был издан на кыргызском языке в 1997 году и переиздан в 2010 г. Впервые переведен на русский язык в 2013 г. поэтессой Светланой СУСЛОВОЙ.

¹ Публикуется с сокращениями внутри текста – (...)

(...) Он думал, что забыл его народ
За время то, что он в Москве живет,
И он забыл земли родимой запах...
В России небо в облачных накрапах
Ему казалось низким, как живот.

Был счастьем – гость, из дома человек.
К примеру, как поэт *Кубанычбек*²,
Что близок был Раззакову душою –
Высокой, поэтической, большою, –
В Москву частенько он свершал набег,

И каждый раз спешил на встречу к ним,
Как к самым близким родичам своим,
В подарок вез кумыс и боорсоки,
*Чучук*³, ягненка мясо, даже соки,
И, если б смог, привез кизячный дым! (...)

Раззаков жаден был до новостей –
Еще бы! – с каждым месяцем гостей
Все меньше было в их московском доме.
Кого винить? – заботами ведомы
Друзья все были плюс надзор властей...

Порою даже Маликов не мог
Прийти к ним без оглядки на порог,
Хоть выше всех ценил Искака-друга.
Не отпускал, прощаясь, долго руку,
Он все читал ему наплывы строк...

Рос Кыргызстан, и рос со всех сторон:
Дорогой прежней шел спокойно он,
Что проложил Раззаков в годы власти;
Но не делил, увы, с Искаком счастья –
Искак ни разу не был приглашен. (...)

² Кубанычбек Маликов – Народный поэт Кыргызстана.

³ Чучук – домашняя конская колбаса.

Его задумки дали рост стране.
Так почему же был он в стороне?
Как заключенный, хоть не арестован,
Как осужденный – без суда... Со стоном
Он думал так, оторван от корней (...)

Выходит, знанья, опыт, сердца жар
Его сгубили... Слишком щедрый дар
Дала судьба в довесок к испытаньям;
И здесь, в Москве, держа свой опыт в тайне,
Он, выделяясь, зависть возбуждал.

Вот почему он не был приглашен
На *той*⁴ любой, что там, в Отчизне, шел:
Проста разгадка: вдруг опять народу
Понравится Раззаков, ведь природа
Ему дала и ум, и речи шелк;

Притянет обаянием своим
Людей, и ложь развеет, словно дым,
И место вновь займет свое по праву...
Устроить лучше памяти потраву!
Прервать навеки связь любую с ним!..

Так десять лет тоски его прошли.
Он шестьдесят отпраздновал вдали
От дома, от родных своих просторов...
Махнув рукой, решил, что Ала-Тоо
Сам навестит, как сын своей земли.

Уже спустилась осень на поля.
Его встречала Чуйская земля
Высоким небом, солнечной улыбкой.
Не встречен властью, он в сомненьях зыбких
Не думал, впрочем, что приехал зря. (...)

⁴ Той - пир, пиршество; празднество.

Его встречали люди – кто как мог,
Заполучить спеша на свой порог
И в хлебосольстве щедром соревнуясь;
Сиял Раззаков, лишь за то волнуясь,
Что посетит не всех за краткий срок. (...).

НА ИССЫК-КУЛЕ

Искак решил проделать длинный путь,
Чтоб память освежить, да отдохнуть.
Он сам маршрут поездки выбрал долгий,
Чтоб жизнь народа всю увидеть с толком
И сладкий воздух родины вдохнуть.

На Иссык-Куль, конечно, он, спеша,
Направился – туда звала душа
Вперед всего – к озерной чистой глади,
Где иссыккульцы носят синь во взгляде,
С рожденья синью озера дыша.

Он побродил неспешно по песку.
Гасил прибор привычную тоску,
К ногам ласкаясь, обдавая пеной
В своей любви и вере неизменной,
И к другу обращенной, и к врагу;

В селе с названьем *Крупный-Сары-Ой*⁵,
Где *Жоомарт*⁶ окончил путь земной,
Перешагнув едва за тридцать в жизни
И посвятив весь жар души Отчизне,
Погиб в пути в аварии шальной.

⁵ Чон – крупный, большой.

Сары – желтый, рыжий; знаток общественных событий.

Ой - мысль, помысел; совет, обсуждение; низина, впадина, котловина.

⁶ Жоомарт Боконбаев – Народный поэт Кыргызстана.

Он другу *Темиркулу*⁷ за три дня
Сказал: «Увидишь вряд ли ты меня:
Тебя, меня судьбы достанет пуля –
Так чую... Дай, прощаясь, поцелую!...»
Близки друг к другу – больше чем родня, –

Они обнялись: Темиркул опять
На фронт спешил, чтоб дальше воевать,
Закончив краткий отпуск по раненью;
А Жоомарт спешил в служебном рвенье
Статью очередную написать:

Корреспондентом был он в дни войны...
В Чон-Сары-Ой светило с вышины
Такое солнце, полное цветенья!
Тянулись ввысь весенние растения,
И соловей рассказывал про сны;

Пылали по обочинам дорог
Сплошные маки – алый их покров,
Как будто кровь, залил Прииссыкулье.
Что ж, у судьбы свои отлиты пули.
Поэта смерть вела в его исток.

Чон-Сары-Ой – погост и колыбель
Поэта, что огромной из потерь
Стал для всего кыргызского народа:
Он здесь погиб, где так щедра природа,
Своей судьбы захлопнув в завтра дверь...

Искак об этом думал здесь, в селе,
Шагая тихо в предвечерней мгле:
Он Жоомарта был чуть-чуть моложе –
Лишь на полгода, – но вдвойне он прожил
Ту жизнь, что тот увидел на земле.

⁷ Темиркул Уметалиев – Народный поэт Кыргызстана.

В Ташкенте с ним не встретился Искак,
Не удалось и после им никак
Найти друг друга в дружеской беседе.
Осталось только строк его наследье
И придорожный буйный алый мак (...).

Назавтра путь лежал в Чолпон-Ата.
Курортный город – спешка, суета
Стоят все лето; но порой осенней
Переживает город потрясенье:
Не зря в названье *первая звезда*⁸; (...)

Здесь нет двора без яблок, без цветов.
Из школ несутся сотни голосов...
Он вспомнил иссыккульского поэта,
Которым это время так воспето! –
Он, *Алымкул Осмонов*⁹, был готов

Назвать детьми стихи свои, и в путь
Их отправлять, опустошая грудь
От сильных чувств, порой идущих кровью...
Он Иссык-Куль любил такой любовью!
Его любовь пребудет вечно пусть.

В Чолпон-Ате прославился поэт,
Где он прожил не так уж много лет –
Сгорел в своей любви и страсти рано.
В литературе он всегда, как рана,
Кровоточит, но эта кровь – лишь свет. (...)

Искак всегда поэта восхвалял,
Он наизусть стихов немало знал,
Перебирая их, как самоцветы;
Мечтал он сделать памятник поэту
В Чолпон-Ате, где часто сам бывал.

⁸ Чолпон – Венера.

⁹ Алымкул Осмонов – Народный поэт Кыргызстана.

Врагам в укор – среди насущных дел,
Что он, увы, закончить не успел,
Осталось это – и сейчас он грустно
Подумал, как без памятника пусто
В краю, что Алыкул в стихах воспел.

Тем временем уже промчался слух,
Что сам Раззаков здесь – не только дух,
Что иссыккульцы свято сберегали;
Его повсюду с радостью встречали:
Огонь любви в народе не потух.

О встрече с ним мечтал любой кыргыз.
На дасторконах мясо и кумыс
Сосеждествовали с грудой боорсоков,
Лежал *нават*¹⁰ окаменевшим соком
И абрикосы – солнечный каприз(...).

К Исаку вдруг приблизился старик.
Он говорить, как видно, не привык,
Но тут сказал с улыбкою щемящей:
«Горжусь рукопожатьем! – настоящий
Живой мудрец с небес сошел на миг!

Здоровы ли? Как там, в чужих краях?
Позвал домой отцовский сырый прах?..
Вы не смущайтесь – мудрецом прозвали
В народе Вас, и знает кто едва ли,
Как имя зарождается в устах:

Ни чин, ни пост, ни самый высший сан –
Скажу я, не указ людским устам,
Как должность Ваша бывшая – к примеру;
Вам – шестьдесят, и Вам, пенсионеру,
Как мудрецу я почести воздам!

¹⁰ Нават – колотый фруктовый сахар.

Как Вы – такие люди раз в сто лет
Рождаются на этот грешный свет...
Весь наш народ, рожденный в Ала-Тоо,
Гордясь, как прежде, мог бы с Вами снова
Идти вперед дорогою побед!..»

В одном селе, что рядом с кромкой вод,
Остановил машину пешеход:
Он калпаком махал им, суетился
И от улыбки радостной светился,
Вскричав, когда водитель сбавил ход:

– «Все слышали, что Вы у нас в гостях –
На Иссык-Куле, – видит сам аллах,
От этой вести все село на взводе,
Уже ягненок блеет в огороде,
И старики расселись на местах;

Побудьте в нашем доме, я прошу!..»
Село сбежалось радостно на шум.
Пришлось принять Исаку приглашенье.
Ломился в доме стол от угощенья:
Не яблоку – нельзя упасть ножу! (...)

Не счесть домов, в которых побывал
В поездке он; и в каждом восседал
Лишь на *тёре*¹¹ почетным самым гостем,
И много слов хвалебных в каждом тосте
Он о себе с волнением услышал:

В них не было ни лести и ни лжи:
Любой сельчанин думал так, как жил.
Один джигит с сердечностью простою,
С женою пошептавшись, после тоя
Коня привел Исаку от души:

¹¹ Тёре – почетное гостевое место во главе стола – напротив входа.

– «Отец Искак! Ведь столько добрых дел
Свершили Вы для нас, простых людей,
Заботой Вашей мы с тех пор богаты;
Примите дар – вот мой скакун крылатый,
Он будет Вам поддержкой каждый день!»

– «Сынок, спасибо – очень щедрый дар!
Прекрасный конь! Но я для скачек стар,
И тяжело его мне холить будет;
Душа моя о даре не забудет,
И сердце будет греть ваш добрый жар¹²!»

– « Хотя бы согласитесь, *атаке*¹³,
На скакуне промчатся налегке:
Вдвойне его я буду холить, зная,
Что атаке Искак – его хозяин,
Что этот повод был в его руке...»

Искак в седле размялся и потом
Таким довольным он покинул дом,
Как будто бы душа омолодилась,
Когда с конем горячим породнилась,
Глаза, и те, наполнились огнем.

Что ж, Иссык-Куль любил и прежде он.
Не раз один и тот же снился сон:
Он входит в воду, чистую, как слезы,
Ему с аллея кивают вслед березы
И горный кряж встает со всех сторон (...).

Два рода – *Сарбагыши* и *Бугу*¹⁴ –
Пришли к единству здесь, на берегу
Святого моря-озера, что вечно.
С тех пор, трудом свой край очеловечив,
Живут два рода, дружбу берегут.

¹² Жар – возлюбленный; тот, кто оказывает помощь, поддержку; крутой берег; оповещение, клич.

¹³ Атаке – отец, батюшка.

¹⁴ Сарбагыш и Бугу – названия кыргызских родов.

Озерный берег полон дичи, птиц.
Рождает Иссык-Куль певцов, певиц,
Великих музыкантов, комузистов...
Здесь *Саякбай*, сказитель, жил, неистов,
Ибрай Туманов – чудо-комузист;

Кыдыр аке, Садыр и Тилекмат,
Карамолдо... так длинен этот ряд
Богатырей искусства, славы рода,
Больших сынов кыргызского народа,
Кем Кыргызстан воистину богат (...).

Пришла дорога в город Каракол.
Восток страны, вершины снежных гор –
Приют зари, каких немного в мире.
Внизу синее озеро сапфиром,
Куда ни глянешь – стройных роц костер.

Здесь *Тыныстанов* жил, творил, страдал...
Своей судьбы *Касым* еще не знал,
Что обернется стороной жестокой;
Он рыцарь был без страха и упрека...
Здесь *Тугельбай* не раз, не два бывал;

Мукай и Абдрахмана сын – Жусуп
Здесь узнавали только жизни суть;
Здесь соль и хлеб едал и *Турусбеков*...
Для Розы этот край был краем предков:
Ее надежда, тыл, опора, суд...

Искак сюда нередко заезжал,
Родню жены он знал и уважал,
И этот город он любил – ведь Розу
Взрастил, как ветку хрупкую мимозы,
Ему далекий город этот дал (...).

Летели по обочинам луга:

Прошли Барскоон, Тосор, уже Тамга
За окнами мелькнула; Тон под вечер
Зазвал их в гости – что ж, обычай вечен,
И ночь уже пришла на берега.

Сказали тонцы: «Мы Вам в дар хотим
Кусок земли отличнейшей найти,
Где можно дом большой воздвигнуть, белый;
А сад посадим мы – такое дело,
Так вскоре будут яблони цвести;

Участок тополями обнесем,
Чтоб солнце, в них застряв, впадало в сон,
Чтоб озеро сквозь кроны голубело...
Покой в душе – такое, право, дело;
А воздух здесь! – ведь слаще меда он;

С женою Розой вместе без забот
Здесь отдыхать Вы будете весь год,
Зимой гуляя и купаясь летом...
Искак-ата, скажите нам: «Приеду!» –
И будет здесь Ваш тыл и Ваш оплот...»

Искак заколебался – не привык
Он принимать дары, но вот язык
Не повернулся на слова отказа;
Он дал понять, что не ответит сразу,
Благодаря за светлый этот миг (...).

МАСАЛИЕВ. НА БЕРЕГУ ВЕЛИКОГО НАРЫНА

Искак как будто крылья нарастил –
Теперь на юг он мысль свою пустил,
Чтоб вслед за ней лететь туда, где прежде
Бывал – в других чинах, с другой надеждой,
И что-то, может, даже упустил.

Река с ущельем носят здесь всегда

Название одно – Кара-Балта.
Здесь до Искака было бездорожье.
Он вспоминал не раз, как с шумной дрожью
Валились скалы, камни, глыбы льда...

Как много средств – припомнишь ли теперь, –
Ушло на то, чтоб здесь пробить тоннель,
Одеть в асфальт пробитые дороги...
Искак тогда, как ментор самый строгий,
Следил за тем, чтоб в Юг открылась дверь.

Теперь, поднявшись вновь на перевал –
*Тее-Ашуу*¹⁵ народ его прозвал, –
Он удивлялся: продырявить гору
Они сумели в ту былую пору,
Когда казался чудом самосвал;

Гора из камня – это вам не сыр!
Он о героях думал, в Суусамыр
Уже спускаясь – в райскую долину...
На Ала-Беле встретил их машину
Сам секретарь горкома Таш-Кумыр.

Он звался Масалиев Апсамат.
Они встречались много лет назад,
Один был молод, юн другой предельно,
Зато сегодня с гордостью о деле
Мог доложить, как верный младший брат.

Былые планы он продолжил так,
Что мог теперь гордиться им Искак:
Вот ГЭС – ей Токтогула имя дали, –
Плотина из бетона, камня, стали,
Над ней кыргызский гордо реет флаг;

К ней примыкает озеро, оно
Как море – два села ушло на дно;

¹⁵ Туу - знамя, стяг; всходить (о солнце, луне), ашуу – горный перевал.

Не скажешь – рукотворное, величаем
Оно пылает, схожее с обличьем
Озер природных, что живут давно. (...)

Большой Нарын ползет, как злой дракон,
Не до конца еще он укрощен,
Здесь много ГЭС появится, чтоб люди
Имели свет и в праздники, и в будни,
Чтоб звезд земных был полон каждый дом (...).

Вслед за ущельем глинистый *такыр*¹⁶
Привел в шахтерский город Таш-Кумыр.
Раскрытые ворота в сад тенистый
Их зазывали внутрь, шептали листья,
Что отдых ждет, обед, сосед-*бабыр*¹⁷ ...

Все вышли из машины: этот дом
Был Апсамата домом, и при том
К приезду гостя было все готово;
Осталось лишь приветственное слово
Сказать – и гость радушьем был ведом.

Жилище было скромным, но зато
Сияло все покоем, чистотой,
И достархон накрыт был честь по чести;
Супруги гостя потчевали вместе.
Их общим счастьем был Искак пленен (...).

Душа, и та, насытилась вполне.
Искак во дворик вышел, в стороне
Играл ребенок; «как зовут?» – спросил он.
– «Меня зовут Исхаком!» – что по силам
Ответил тот, румяным став вдвойне.

Большой Искак взял на руки мальчика,
Расцеловал – за маму, за отца,

¹⁶ Такыр – голый, без растительности (о земле, о крае).

¹⁷ Бабыр – собеседник-говорун.

Так благодарность выразив душевно;
Благословил их светлый дом волшебный,
И – в путь: опять дорога без конца (...).

СУЛТАН ИБРАИМОВ. ТАИНСТВЕННАЯ ОШСКАЯ НОЧЬ.

В Оше всю ночь не спал он – звезд игра
Мешала, как и речка Ак-Буура,
Что под окном звенела в лунном блеске,
Как посвист птиц в соседнем перелеске –
Хоть и была осенняя пора...

*Султан*¹⁸ главой в Оше был в те года.
Стремительно взошла его звезда,
Авторитет крепился год от года,
Был уважаем он, любим народом,
Не поступаясь честью никогда (...).

Он так мечтал хоть раз наедине
Поговорить с Искаком в тишине.
Прошли года – мечта осуществилась:
Судьба ему явила эту милость,
Раззакова встречал он как во сне;

Он руку подал с радостью ему,
Как брату по душе и по уму.
Искак подпал тотчас под обаянье
Его манер, речей и глаз сиянье;
Но жгла тревога сердце, – почему?

Казалось, кто-то рядышком следит
За каждым словом, жестом, – не бандит,
Скорее – подневольный соглядатай;
Увы, на откровенья небогатой
Была беседа даже и на вид.

¹⁸ Султан Ибраимов, видный государственный деятель Кыргызстана, Председатель Совета Министров в начале 80-х годов.

Султан, однако, понял, в чем вопрос.
Искаку в номер вечером принес
Он разных ошских яств и сувениров.
Наедине беседа просто, мирно
Сложилась под сиянье южных звезд (...).

Проговорив всю ночь под свет луны,
Искак с Султаном были сил полны,
Довольные друг другом и беседой;
О наболевшем, наконец, поведав,
Они зарею были смущены:

Да, солнце прямо било в их окно,
Как будто было с ними заодно,
Как будто *кадыр тун*¹⁹ они встречали
И будущее счастье привечали,
К деянью приготовившись давно (...).

В ЛЕЙЛЕКЕ – НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Сулили нивы щедрый урожай...
Они уже въезжали в Кадамжай.
– «Останови! – велел Искак шоферу, –
Перекусить, пожалуй, нам бы впору,
Вот чайхана... Сюда и подъезжай!»

О Кадамжае многое он знал.
Эпохи городок переживал,
Спокойно, не меняясь, их встречая.
Искак сидел в *чарпае*²⁰ с чашкой чая,
Приглядывался к людям, размышлял.

Наверняка бывал здесь, и не раз,
Прославленный поэт *Молдо Нияз*,

¹⁹ Кадыр тун – согласно мусульманскому верованию: ночь предопределения, 27-й день рамазана. В эту ночь принято встретить утро без сна, думая о будущем, и эти мысли непременно сбываются.

²⁰ Чарпая – деревянная беседка.

И *Полот-хан* – *молдо-Ысака* воин –
Здесь отдыхал от ран, от тяжких войн,
Своих бойцов построив напоказ.

Здесь *Орозбеков*, может быть, как он,
Бывал проездом, думой утомлен,
Сидел один в *чарпае* мирно, тихо;
Мурат, его ровесник, сын *Салиха*,
При встрече с ним отвешивал поклон...

К Исаку старец вдруг приковылял,
Ладонь, как корень дерева, подал,
Как будто был знаком он с ним полвека;
Приятным оказался человеком,
Живущим здесь, со слов его, – *абал*²¹.

– «Вам подарить хочу один пустяк...
Когда-то жил такой поэт – Туяк,
Из Пума родом он, поэт чудесный,
Близки народу все Туяка песни,
Одна из них звучит почти что так...»

Старик запел дрожащим тенорком.
Искак был с этой песней незнаком,
Она была чиста и задушевна.
Туяк большим поэтом был, наверно.
Как жаль – не знал он раньше о таком (...).

Искак взглянул на скромный столик свой,
Качая в изумленье головой:
Он яствами буквально переполнен! –
Наполнился он с быстротою молний
Урюком, абрикосами, айвой...

Какой-то парень, женщина, старик
Ему дары несли, буквально вмиг

²¹ Абал – издавна, испокон веков.

Явился *май*²², и с ним лепешки рядом,
Внесли *себет*²³ с отборным виноградом,
Поставили дымящийся шашлык...

Все улыбались, много славных слов
Любой сказать Искаку был готов,
Что чайхана доверила *чечену*²⁴:
– «Ты нашей славой был, трудился честно,
Так будь как сокол весел и здоров!

Мы знаем, ты в Москве живешь, увы,
Почти не поднимая головы.
Так знай, что здесь любим ты, уважаем!
А хочешь – оставайся в Кадамжае,
И с нами много добрых лет живи!..» (...).

²² Май – топленое масло.

²³ Себет – корзина из прутьев.

²⁴ Чечен – человек, обладающий даром красноречия.

ПУБЛИЦИСТИКА

Андрей ТОКОМБАЕВ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ КЫРГЫЗСКИЙ ГЕРОЙ ВОСТОЧНО- ТУРКЕСТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Его жизнь окутана тайнами и легендами. Как и о любом другом выдающемся разведчике, сотруднике органов госбезопасности, о нем почти ничего не знают люди, не посвященные в государственные секреты разведки и контрразведки. Поэтому для многих стало неожиданным принятое в 2012 году решение правительства Кыргызской Республики отметить на государственном уровне 110-летие со дня его рождения как юбилей общенационального значения. Он был генералом и министром обороны существовавшей в 1940-е годы на территории северо-западного Китая Восточно-Туркестанской Республики (ВТР), был одним из ее основателей. Речь идет об уроженце Алая Исхакбеке Муниеве. Ввиду особенностей арабского письма, на котором велось делопроизводство республики, его имя на русском и современном кыргызском языках в ряде рукописей и публикаций передается, как минимум, еще в двух вариантах – Ысакбек Мониров и Исхакбек Муниров.

Не так давно вышла в свет книга на кыргызском языке «генерал Ысакбек». Ее автор – ближайший родственник Исхакбека, 37-летний журналист из Оша Абдувахаб Мониев. Есть еще некоторые штриховые упоминания, содержащиеся в газетных очерках Б. Абдурахманова и документальной книге В.Б. Обухова. А где-то пылится на полках архива рукопись, написанная по воспоминаниям близких и родных генерала его соратником, кыргызстанским генерал-майором внутренней службы Ад-

жике Ашубаевичем Кутманалиевым (1922 - 1981). Он оставил достаточно интересные мемуары о совместной с китайскими патриотами борьбе за установление народной власти в Китае.

Этот же небольшой очерк основан на тех немногих фрагментарных данных, которые удалось собрать из архивных источников, а также других документальных свидетельств и, в основном, рукописи воспоминаний А. Кутманалиева «Генерал Исхакбек».

Что обычно всплывает в памяти образованного человека при фразе «Атомный проект СССР конца 1940-х годов»? Секретные объекты России и Казахстана - главным образом, Арзамас-16, Челябинск - 40, Дубна, Зеленоград, Семипалатинск-2, Обнинск, Первоуральск, Подольск...

Так вот, сегодня можно с полной уверенностью утверждать, что география подобных объектов уходит дальше на Восток. Как стало озвучено лишь в начале XXI века, именно там добывалась первая масса сырья для атомных боеголовок. Свой грозный «ответ американской военщине» советские ученые готовили не без участия так называемой Восточно-Туркестанской Республики (ВТР), расположенной на территории современного Синьцзяна КНР. И. Муниев родился в местности, которая прилегалала к Западному Китаю, где впоследствии развернулась борьба коммунистов с гоминдановским режимом. О том, что она имела самое прямое отношение к добыче урана для первой советской атомной бомбы, до недавнего времени было известно лишь узкому кругу лиц, имевших доступ к секретным материалам спецслужб СССР и КНР. Что же касается остальных советских граждан старшего поколения, не посвященных в секреты разведки, сведения об «урановой республике» ограничивались несколькими газетными статьями конца 1940-х.

Тайна ВТР

Напомним фабулу таких публикаций. В августе 1949 года на Дальнем Востоке произошла одна из самых крупных и печальных по своим последствиям авиакатастрофа того периода. Над Иркутском разбился самолет. В нем находились и погибли все (!) члены правительства ВТР. В числе погибших значился и герой

нашей публикации. Что же это была за страна, за которую сражался и, в конечном счете, поплатился жизнью Исхакбек Муниев?

Итак, Восточно-Туркестанская Республика была кратковременным просоветским государственным образованием, появившимся в 1944 году на месте нынешних трех - Илийского, Таченского и Алтайского северных уездов провинции Синьцзян КНР. Повторимся, после гибели практически всех ее членов правительства в авиакатастрофе республика присоединилась к Китаю. Вот вам и вся история с географией...

Если подробнее, события происходили следующим образом. Буквально с начала прошлого столетия Восточный Туркестан представлял собой очаг военного конфликта. С того времени ВТР считалась, по авторитетному мнению многих советских и китайских историков, эпицентром длинной череды выступлений против центральной власти Китая и очагом межнациональных конфликтов. Благо, поводов для таких распрей было более чем предостаточно. К примеру, один только национальный состав региона походил на пестрый лоскутный ковер. В частности, российский исследователь Вадим Обухов в книге «Уран для Бери» приводит интересные данные по национальному составу населения региона. К концу 1920-х годов там проживало: уйгуров - 3 570 804, казахов - 438 575, ханьцев - 221 401, дунган - 99 607, киргизов - 65 983, монголов - 50 686, русских - 19 393. Словом, своей пестротой этнографическая картина региона могла бы соперничать с традиционным войлочным ковром, ала-кийизом кыргызских кочевников... Но все «лоскутки» такого конгломерата скрепляла общая неприязнь к тогдашней центральной власти Китая. Накануне ее крушения «правил бал» в политической жизни северо-западной провинции Поднебесной один из самых противоречивых китайских политиков начала XX века Шэн Шицай. Этот полковник, имевший косвенное отношение к началу политической карьеры Исхакбека Муниева, пришел к власти в результате военного переворота в Синьцзяне в 1933 году. Как бы то ни было, но на помощь этому правителю была даже переброшена из Монголии т.н. Алтайская добровольческая армия. По данным Обухова, ими были военнослужащие 13-го Алма-Атинского полка ОГПУ, облаченные в белогвардейскую форму. По поручению синьцзян-

ского губернатора белогвардейский полковник барон Павел Паппенгут сформировал один кавалерийский и два пехотных полка, ставших самыми боеспособными подразделениями армии Шэн Шицая. Занятен и другой факт. Будучи в конце 1930-х годов с визитом в Москве, Шэн Шицай попросил у И.В. Сталина дозволения вступить в ВКП(б)! Вскоре заместитель начальника Разведуправления РККА вручил синьцзянскому правителю партийный билет за № 1859118.

Как впоследствии стало известно, объяснялось же такое покровительство Сталина Шэн-Шицаю очень просто. Шэн Шицай фигурировал в политической игре Страны Советов. Ставка была чрезвычайно высокой – создание первой в СССР атомной бомбы. Заметим, еще осенью 1925 года, по пути в Индию в Синьцзяне побывал известный российский художник, философ и востоковед Николай Рерих. В одной из своих путевых заметок - в дневнике «Алтай-Гималаи» - путешественник внес следующую запись, которую цитирует В. Обухов в книге «Уран для Берии»: «синие, малиновые и коричневые наслоения гор показывают насыщенность металлами. Кажется почему-то, что и радий должен быть в этих благословенных и неиспользованных краях». Через некоторое время после предположения ученого в Восточном Туркестане были открыты богатые залежи радиоактивного элемента. Впрочем, руководство Страны Советов интересовало в Восточном Туркестане не только богатейшие урановые месторождения. К тому времени ученые из ряда советских геологических экспедиций, отправленных в дружественную страну, обнаружили в Синьцзяне большие запасы вольфрама, сурьмы, олова, никеля, тантала. В них, понятное дело, остро нуждался Наркомат вооружений СССР.

По данным, приведенным в книге В.Г. Обухова «Уран для Берии», во время массированного наступления Гитлера в 1941 году, синьцзянский диктатор, посчитав, что дни СССР сочтены, собирался переметнуться на сторону гоминьдановского Китая. Через три года после того, осенью 1944-го, 12 ноября в Синьцзяне восстали казахи, кыргызы и уйгуры, чье движение охватило три округа - Или, Алтай и Тарбагатай. В огне восстания, 5 января 1945 года, родилась Восточно-Туркестанская республика. В некоторых документах она называлась Советской, в других - Револ-

люционной. Как было указано в декларации прошедшего тогда съезда народов Восточного Туркестана: «Китайская оккупация земли Восточного Туркестана ликвидирована. Созданная Восточно-Туркестанская Республика знаменует собой свободное независимое государство, основанное на равенстве всех граждан. ...Мы за дружеские отношения со всеми странами мира, особенно с Советским Союзом».

Вот на этом фоне политических игр и секретного советского уранового проекта формировалась карьера Исхакбека Муниева.

Генерал из Алая

Популярность генерала И. Муниева в ВТР была очень велика. Зато в советские времена неискушенные в вопросах истории люди почти ничего не знали об этом генерале. В российской и кыргызстанской периодике даже последних лет не было опубликовано почти ничего об этом замечательном человеке, кроме уже упомянутых нами книг А. Мониева и А. Кутманалиева. По данным последнего, будущий генералиссимус Восточного Туркестана родился и провел свои первые годы жизни в местности Кош-Этек Улугчатского района, Кызыл-Ойского уезда. Находилась она в Западном Китае, на территории Алайской долины, недалеко от китайско-советской государственной границы. По сведениям биографической рукописи Аджике Ашубаевича Кутманалиева, в Кашгарском округе Улугчатского района с давних пор проживали кыргызы. Причем, заселение ими местности произошло задолго до массовой миграции их соплеменников, вызванной печальными событиями антиколониального кыргызского восстания в Средней Азии 1916 года.

Отец Исхакбека, Моно, был крестьянином среднего достатка и старейшиной-аксакалом в кругу своих близких родственников. Без веского слова этого умудренного жизнью человека там, говорят, не решался ни один вопрос. Известно также, что Моно отказался от наследства в пользу своих братьев. Впрочем, приобщившись к торговле, быстро нажил себе достаточно неплохое по тем меркам состояние. Удачливый коммерсант был не чужд и наукам: сносно знал арабский язык и имел религиозное образование. Однажды даже, вместе со своей сестрой Бурулкан, посе-

тил Мекку, после чего новоиспеченного хаджи соотечественники стали уважительно называть Мону-ажы.

К тому добавим свидетельство А. Мониева о том, что «предки Ысакбека относятся к роду жоош». Слово, в переводе с киргызского, означает «смирный, кроткий». Этот род генеалогически восходит к племени монгуш т.н. «правого крыла» этноса киргызов. Одни предки будущего генерала издавна жили в районе Улуучат Синьцзяня, другие кочевали по просторам Алая, на территории от местности Ак-Босого до перевала Иркештам.

По свидетельству же А. Кутманалиева, отец будущего генерала «... был высокого роста, представительный мужчина, со слегка прищуренными глазами, на вид как будто все время смеющийся. Ходил прямо, никогда не сгибался. Моно и его родственники в основном занимались скотоводством, как все киргизы, вели кочевой образ жизни. Летом выезжали на джайлоо, а зимой спускались в низовье для перезимовки. Правда, земля здесь плодородностью, щедростью особой не отличается».

По данным А. Мониева можно с достаточной долей достоверности составить родословную нашего героя. В частности, указано, что, вполне возможно, восходит она к супругу знаменитой «Алайской царицы» Курманджан датки, Алымбеку. А одним из не легендарных, а вполне конкретных основателей рода «алайского генералиссимуса» был некто Абдырай-бий. У его внука, Чамаша, родившегося от Полота, было четыре наследника – Сейитхун, Калыкберды, Кадырберды. Ысакбек является первенцем самого младшего сына, Мону. Родственник восточно-туркестанского генерала приводит неожиданные для нас данные о его месте рождения.

По данным автора книги «Генерал Ысакбек», у ее героя было пятеро единоутробных братьев - Шаакмай, Мырзакмат, Атакмат, Кохсакмай, Ажакмат и три, также родные, сестры – Чурок, Бубукан, Сулуу. Мать Исхакбека, Кадича, вскоре умерла при родах Ажакмата. После смерти супруги, Мону женился вторично на другой сельчанке, по имени Таасил и имел от нее еще двух сыновей – Термеза и Омуралы, а также дочь, Абийбу. Таасил также умерла от родов. Сам же отец семейства, Мону ажы, впоследствии надолго пережил почти всех своих детей и умер лишь в

1968 году, в возрасте 85 лет – на территории Советского Союза, в селе Мады Ошской области.

«Когда Ысакбек... родился, его называли Асыкматом. Но т. к. с детства он учился у молдо, умел читать и писать, его стали называть Молдо Ысак. Начиная с 16 лет его стали называть Ысакбек». Далее следует куда более интересная подробность: В 1918 году народ села Сымкана избрал его бием. 16-летний бий снискал авторитет у сельчан, как справедливый, умный, компетентный руководитель, в результате чего получил титул бека, - продолжает в своей книге А. Мониев. И добавляет: стать бием в 16-летнем возрасте – очень редкая удача.

А в рукописных мемуарах А. Кутманалиева сказано о том, что Исхакбек начал учиться, когда ему было восемь лет. Первым его учителем был дамулла Исмаил, который проживал в местности Токой Башлык. Тогда как таковой школы не было, учеба была организована в частном порядке в доме самого дамуллы, у него было десять учеников... Известно также, что в юности Исхакбек работал на почте, но впоследствии отец привлек его к торговле.

К сказанному добавим, что еще в ранней юности И. Муниев познакомился с идеями большевизма. Благо, условия для такого увлечения были. Как пишет А. Кутманалиев, «Исхакбек в двадцатые годы неоднократно ездил вместе с отцом ... к родственникам, проживающим в Советском Союзе. Он очень внимательно присматривался ко всему, что происходило в местах их пребывания. Он все больше прислушивался к разговорам, где речь шла о недавней революции в России. Там говорили, что революцию совершила партия большевиков во главе с Лениным, что они свергли само царское самодержавие. Теперь все люди там равноправны, они строят новую жизнь.... Исхакбек по возвращении домой обо всем этом рассказал своим сверстникам и товарищам, с которыми он учился у дамуллы». О каких же преобразованиях шла речь? Собственно, никаких особенных метаморфоз патриархального уклада жизни на Алае тогда не происходило, добавляет автор мемуаров. Зато, пишет он, «...народ не боялся ни бога, ни баев, ни манапов. Это хорошо усвоил Исхакбек... Так зарождается в мыслях Исхакбека революционная идея, мечта как бы хорошо, если нечто подобное произошло у нас, как в России».

Вскоре Исхакбек порвал со своей семьей и в 1920-1930 годы принимал активное участие в операциях чоновских отрядов против басмаческих формирований в Средней Азии.

Кроме того, как отмечает в книге «Генерал Ысакбек» Абдувахаб Мониев, в конце 20-х годов при его непосредственном участии был создан кавалеристский полк, который вел борьбу за свободу тюркских народов в Шинчжанской (Синцзянской) провинции Китая. К тому можно прибавить ремарку А. Мониева о том, что «с начала 1920-х годов на границе СССР были большие группы басмачей, границы с двух сторон охранялись слабо...», что, разумеется, стало на руку врагам советской власти. Понятное дело, настроенный прокоммунистически Исхакбек не мог мириться с такой ситуацией. И когда в 1925 году в Кашгаре был создан военный отряд для борьбы с бандформированиями, в него вошел наш герой. Поначалу он служил там секретарем, а вскоре стал заместителем командира.

Далее выходец из Алая приступил к мобилизации отряда - сначала из числа односельчан-алайцев, затем и из других добровольцев. Не так давно в одной из кыргызстанских газет была опубликована работа полковника МВД КР Болота Абдрахманова. По его словам, будущий генерал ВТР уже к тому времени «...давно хотел создать хорошо организованную, способную сражаться группу. От многих людей он слышал о добровольческих отрядах на границах в Алайской долине, о том, как они помогают становлению Советской власти и началу жизни в социалистическом обществе. Эти отряды оттеснили басмачей за границу. В мечтах Исхакбек хотел походить на них».

Вскоре подразделение набрало силу настолько, что смогло открыто противостоять вооруженным до зубов бандам головорезов в Южном Синьзяне. Заметим, СССР активно помогал новоиспеченному отряду, в основном, оружием. Именно с этого периода, полагает А. Мониев, Исхакбек сотрудничал с советскими чекистами. Как добавляет биограф своего прадеда, «в такое сложное время в Восточном Туркестане для «красных» Ысакбек был хорошей находкой и поэтому ему помогали во всем и ничего не жалели».

Таким образом, И. Муниев к 1934 году полностью очистил Южный Синьзянь от басмачей. Правда, победа далась команди-

ру трудно: в том же году бандиты жестоко убили, привязав к лошади, двух его братьев, Кадырберди и Шаакмата. Чувствомести, видно, сыграло не последнюю роль в дальнейших действиях И. Муниева. При его непосредственном участии, пало прежнее правительство Восточного Туркестана, открыто сотрудничавшее с Британией, а негласно - с басмачами. Новое руководство региона по достоинству оценило подвиги алайца: в том же 1934-м его доблестный отряд был преобразован в 35-й кыргызский полк, с местом дислокации в г. Кашгаре. Численность личного состава этого прекрасно обученного и просоветски настроенного воинского подразделения составляла, по данным, приведенным в книге А. Мониева «Генерал Ысакбек», приблизительно 2 500 военнослужащих.

Будучи командиром одного из крупнейших в Восточно-Туркестанской республике и едва ли не самого обученного военному делу формирования, И. Муниев неоднократно привлекался не только к боевым действиям, но и к решению вполне мирных задач. В частности, в 1935 году правительство Урумчи расформировало полк И. Муниева, а его самого назначило главой Улуучатского района. Там, не без участия алайца, не раз успешно решались многие хозяйственные проблемы кызыл-сууйских кыргызов. При содействии Исхакбека некоторые из его молодых соплеменников получили направление на учебу в советских вузах. И. Мониев в своей книге указывает, что число таких студентов составило в общей сложности 15 человек и приводит следующий эпизод воспоминаний одного из них, Абдыкадыра Токторова: «Однажды Ысакбек сказал мне, что мы должны создать литературно-художественный кружок. За короткое время из воинов, их семей... были отобраны способные комузисты...».

И. Муниев также настойчиво добивался выделения средств из госбюджета для финансирования программы школьного образования и культурного просвещения своих соотечественников в местах их проживания. По словам А. Мониева, один из таких траншей был направлен на строительство средней школы на 300 мест.

Вскоре руководству ВТР вновь понадобился И. Муниев. В 1937 году восстали уйгурская и дунганская дивизии под руководством их военачальников Мамутсижана Мухитова и Ма-

хусяна, отказавшись подчиняться приказам из Урумчи. Тогда, при содействии СССР, был в короткое время создан полк конников-кыргызов, под командованием Исхакбека. Отличившись во время подавления восстания, он стал в возрасте 35 лет первым, в новейшей истории кыргызов, генералом – представителем этого этноса. По свидетельству А. Мониева, его славному прадеду помогал советский военнослужащий, ставший со временем маршалом СССР. Речь идет о Павле Семеновиче Рыбалко. В следующем же, 1938 году, генералу пришлось усмирять волнения, организованные, как указывает А. Мониев, неким интендантом по имени Сыдыкбек. Тот, в отсутствие командира, «хотел уничтожить кыргызский полк...». Одним из оставшихся после этой бойни в живых был родственник Исхакбека, Кашан. Он впоследствии поселился в СССР и дожил до преклонных лет в селе Мады Ошской области. После того, как попытка уничтожения личного состава полка была подавлена, в подразделение был принят младший брат генерала, Кожакмат Мониев.

Во время правления Шэн Шицая Исхакбек дослужился до должности командира бригады в Ташкурганском округе. Правда, вскоре ему вновь пришлось ненадолго расстаться с воинской службой, когда правительство Урумчи расформировало 35-й кыргызский конный полк, назначив И. Муниева руководителем Отдела просвещения городских властей г. Кульджа.

По воспоминаниям одного из соратников И. Муниева, Бахабидина Бекмухамедова, жившего в то время в Кульдже, Исхакбек «...создал казахско – кыргызский отдел, мы были его членами. В то время там противостояли друг другу две партии гусаньдан и гуманьдан (или гоминьдан). Мы были членами партии гусаньдан. Ысакбек был руководителем партии. Китайское государство узнало, что Ысакбек был чекистом и стало его преследовать». Именно по этой причине генералу пришлось бежать весной 1943 года в СССР.

Финал и посмертие генерала

Побег произошел следующим образом. И. Мониев прибыл с семьей и своим товарищем Акматом на один из высокогорных участков советско-китайской границы. Там стараниями советской

разведки беглецов ждал специально пригнанный для них грузовик. К тому моменту был освобожден от занимаемой должности консул СССР в Кульдже. Так, генерал и его близкие прибыли через Казахстан в Кыргызстан.

По словам А. Мониева, генерал поначалу задержался там ненадолго: в сентябре того же года был отправлен в Москву, якобы для встречи с И.В. Сталиным. О том, что И. Муниев в 1943 году лично беседовал с «отцом народов», автор утверждает, ссылаясь на воспоминания близкой подруги жены Исхакбека, Турганбюю. Ныне эта женщина, врач-гинеколог на пенсии, кандидат медицинских наук, живет в Бишкеке.

Чем же занимался генерал Исхакбек в СССР? В основном, военным делом. Здесь ему доверили руководство подготовки военно-подрывной деятельности на территории противника. В частности, в Киргизской ССР не без участия И. Муниева были сгруппированы подрывные отряды «Буйгу» и «Баатыр», а также два аналогичных подразделения в Казахской ССР и одно в Узбекской ССР. В число военнослужащих подразделений входили прекрасно обученные диверсионному делу казахи, кыргызы, дунгане, уйгуры и узбеки.

Вскоре отряд «Буйгу» вышел в Кульджу и почти освободил этот город от власти Гоминьдана. А 14 января состоялась решающая схватка с противником, в ходе которой были разбиты местные силы гоминьдановцев. Вскоре после того, 26 января, не без участия кыргызского командующего была разбита гоминьданская дивизия, состоящая из 2-2,5 тыс. человек.

Незадолго перед окончанием Великой Отечественной, весной 1945 года, на основе партизанских соединений была сформирована Национальная армия Восточного Туркестана. По данным В.Б. Обухова, ссылающегося на сведения уйгурского историка Сабита Уйгури, к сентябрю 1945 года Национальная армия ВТР включала в себя 8 пехотных и кавалерийских полков, 6 дивизионов и 1 эскадрон. Командовал армией Иван Полинов. Исхакбек Муниев был его заместителем. А в июне следующего года он, уже будучи в чине генерал-лейтенанта, стал командующим армией.

К слову, в армии ВТР в то время служил и житель столицы Кыргызстана Макай Усупов. После окончания войны с Германией

он был переведен в распоряжение воинской части НКВД СССР, сформированной, как считалось, из «добровольцев» для выполнения особого правительственного задания.

Журналистам аксакал рассказывал: «Называть нас добровольцами было бы не совсем точно. В один из июльских дней сорок пятого года молодых бойцов, в основном уроженцев Средней Азии, посадили на поезд и повезли в неизвестном направлении. Через некоторое время мы очутились на границе Казахстана с Китаем и вскоре были переброшены в Синьцзянскую провинцию, в которой вместе с китайцами проживали уйгуры, казахи, кыргызы, русские и другие национальные меньшинства. Наша задача заключалась в том, чтобы научить новых друзей тому, как обращаться с оружием, вести боевые действия. Ведь люди были не военные, из мирных жителей». Практически то же самое М. Усупов поведал автору этих строк в мае 2012 года в Бишкеке.

Кроме Макая Усупова, по крайней мере, еще один известный бишкекчанин принимал участие в вооруженной борьбе в Синьцзяне на стороне повстанцев. Это – доктор филологических наук Геннадий Зенков. Среди многочисленных военных наград ученого – ордена и медали Восточно-Туркестанской Республики.

Вскоре и политическая карьера Исхакбека пошла в гору. Он стал одним из пяти генералов, бывших в числе ближайшего окружения тогдашнего президента ВТР, бывшего муллы Алихана Шахирходжоева.

Вставший во главе республики бывший мулла так излагал, в частности, свою программу дальнейших действий: «Мы не сложим оружие до тех пор, пока не освободим вас от кровавых лап ... поработителей». Далее, 5 января 1945 года на съезде народов Восточного Туркестана была принята Политическая декларация республики.

После совещания, посвященного официальному образованию Национальной армии, на первом военном параде президент и премьер-министр ВТР Алихан Шакирходжаев вручил командующему Национальной армии зеленое знамя с полумесяцем, звездой и надписью «Вперед, за независимость Восточного Туркестана!» и белый флаг с аятами из Корана. В подчинение армии перешли дивизии генералов Далелхана Сугурбаева и Исхакбека

Муниева. Они пользовались немалым влиянием на руководство «урановой республики».

Тем временем, в СССР полным ходом шла подготовка нового оружия для возможного противостояния с США. Ковался же ядерный щит Страны Советов под личным контролем ее «серого кардинала» Лаврентия Павловича Берии.

Приведем достаточно интересный исторический документ: изданные не так давно в России его дневники. Несмотря на то, что их подлинность у ряда исследователей вызывает сомнения, внимания заслуживают некоторые комментарии. Итак, в предполагаемых дневниках Л. Берии можно прочитать следующую запись, датированную 28 марта 1942 года: «Доложил Кобе (И.В. Сталину). Были только Георгий (Маленков) и Вячеслав (Молотов). Сказал, что есть данные, что можно получить бомбу по силе 1 600 тонн тола. Нужны целые заводы, стоит дорого. Он спрашивает: «А данные точные?» Я говорю, источники пока не подводили, потом данные перекрестные. Мы эту линию ведем больше года...». На той же странице издания есть сноска редактора о том, что почти за год до сделанной записи, 27 января 1941 года, Пятый отдел Государственного Управления госбезопасности (ГУГБ) СССР направил оперативное письмо заместителю нью-йоркской резидентуры Г.Б. Овакимяну с задачами научно-технической разведки по проблемам урана-235. Иными словами, буквально с начала 1940-х годов руководство Советского Союза держало под контролем вопрос о создании своей атомной бомбы, привлекая для этого разведданные об аналогичных научных изысканиях в США, Великобритании и Третьем Рейхе.

Известно, что советской разведке помогали первоклассные специалисты, например, немецкий физик-эмигрант Клаус Фукс, привлеченный к работе вначале над английским, а затем и над американским атомным проектом и передававший в Советский Союз обширную первоклассную информацию. Этот источник курировал генерал-лейтенант инженерной технической службы, советский государственный деятель Михаил Георгиевич Первухин (1904 - 1978). Запись о том содержится в дневниковой записи Л. Берии от 26 мая 1944 года.

По сведениям из тех же дневников в настоящее время известно, что, в частности, советские разведчики активно исполь-

зовали данные своих британских резидентов, идущих под официальным кодовым наименованием «Энормоз» (от англ. enormous - огромный). Так в Первом Управлении НКВД, а затем и в КНГБ обозначались разведывательные материалы по атомной бомбе, получаемые из Англии и США, а также проблема атомного оружия в целом. Л. П. Берия, видимо из соображений секретности, в своих дневниках именовал этот проект другим словом – «Мимоза», что видно, например, по его записи от 30 сентября 1943 года. Там же есть любопытная ремарка, говорящая о том, что об истинном смысле сверхсекретных научных изысканий не знали даже их непосредственные исполнители – группа ученых, которая этим занималась: «...работают без огонька. Это понятно, люди не знают, зачем им в военное время ставят непонятные задачи. А ученые есть ученые».

США, как известно, значительно опередили СССР в проекте по созданию атомного оружия. Пока Страна Советов была на полпути к его реализации, в сентябре 1945-го произошла атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки. Для возможности в кратчайшие сроки противопоставить Соединенным Штатам свою атомную бомбу, Советскому Союзу позарез требовались урановые месторождения. Их разведкой занялось Первое геологическое управление, созданное в составе Комитета по делам геологии при Совнаркомом СССР. Произошло это месяцем позже шокирующих мир американских атомных бомбардировок. Комитет, напрямую подчинявшийся НКВД, развернул геолого-поисковые и разведывательные работы на Дальнем Востоке, в Сибири, Якутии, в Средней Азии и Казахстане и на Урале. По некоторым данным, в одном только 1946 году геологоразведкой радиоактивных руд было занято 320 геологических партий от Центральной Азии до Полярного Круга.

В 1949 году режим Гоминьдана пал. К этому времени руководитель Восточного Туркестана Касими должен стать полноправным главой государства. Увы, этого не случилось, поскольку в Пекине встретились «Великий кормчий» Мао Цзедун и Анастас Микоян - заместитель председателя Совета министров СССР. Тот передал рекомендации советского правительства, сводившиеся к тому, чтобы Мао не слишком опускал вожжи. В этой атмосфере в середине августа Китай инициировал переговоры с руко-

водством Восточно-Туркестанской Республики. Во главе ее делегации Касими выехал из Кульджи в Пекин через Алма-Ату и Иркутск на заседание Народного политического консультативного Совета Китая. Скорее всего, маршрут был продиктован необходимостью встречи с представителями советского руководства, на которой он надеялся убедить Москву сохранить независимость ВТР. А через несколько дней было объявлено о крушении самолета Ил-12 с правительством ВТР на борту....

А. Мониев приводит две версии этого события: «самолет на границе СССР с Монголией над горами попал в буран, падали камни, потеряв ориентир, самолёт врезался в скалу. Официальное объяснение аварии таково. Авария была между Читой и Улан-Удэ, сгорел мотор самолёта и он взорвался в воздухе». Причины расхождения версий автор книги, очевидно, не знает. Выяснить, насколько достоверны они, предстоит исследователям биографии И. Муниева.

Далее события разворачивались следующим образом. Избранные в ходе тайного всенародного голосования новые лидеры ВТР подписали в Пекине документы о вхождении в состав Китая. На одном из архивных фото сохранилась сцена, как на Мао Цзэдуна одевают символическую верхнюю одежду правителей местных кочевников - чапан...

Останки же попавших в авиакатастрофу членов правительства – в том числе и И. Муниева, были выданы представителям ВТР. А Мониев описывает доставку останков генерала на родину следующим образом «Тело генерала и других привезли из Москвы на самолёте. В Кульдже был клуб имени Ысакбека, туда и привезли тела погибших, затем объявили семьям. Народу было много. Мы хотели посмотреть, но нам сказали, что все кости раздроблены и нельзя открывать. Голова и лицо генерала были обвязаны марлей, надета белая рубашка и брюки. Открыты были только кончики ног и рук».

Спустя 12 лет тело лишь одного из погибших - Далелхана Сугурбаева было перезахоронено в Алма-Ате. Тело же уроженца Кыргызстана попрежнему покоится в столице Синьцзяна. Иначе сложилась судьба супруги Исхакбека. По воспоминаниям генерал-майора Внутренней службы А.А. Кутманалиева, опубликованным в 1992 году в кыргызстанской газете «Лицом к лицу», Тур-

ганбюбю еще в начале 1944 года удалось тайно перебраться из Кульджи в СССР. Приняв советское гражданство, она поселилась во Фрунзе. Сын Исхакбека Муниева впоследствии стал работать в милиции и дослужился до заместителя командира крупного подразделения. И лишь на заре независимости КР, в Алайском районе был установлен бюст легендарного генерала. По сведениям автора книги «Генерал Ысакбек», в настоящее время в Кульдже действует мемориальный музей имени И. Муниева.

История не знает сослагательного наклонения. Нынешнее поколение не в силах изменить дела минувших дней. Но остается историческая память в отношении наших соотечественников – даже тех, немалая часть земной жизни которых проходила на территории других государств. Данью памяти выдающегося соотечественника является решение президента Кыргызской Республики отметить в скором времени юбилей Исхакбека Муниева. Так слава и всенародная любовь, по праву заслуженная первым в новейшей истории кыргызским генералом, возвращается на родину его предков – по прошествии многих десятилетий незаслуженного забвения...

Валерий САНДЛЕР

ПОЮЩИЙ ПОЭТ В БЕЛОМ ХАЛАТЕ

«Словно Мозэм, Булгаков и Чехов, он и врач, и писатель к тому ж», - съерничал я по адресу русского парижанина, с которым еще не так давно водил доброе знакомство, увы, недолгое. С героем этого интервью его роднит причастность к обеим упомянутым профессиям и первая буква фамилии. Дальше - сплошь расхождения. Главное из них в том, что нашей с Зарифьяном дружбе не прерваться никогда: слишком глубокие у нее корни.

Полжизни тому назад, когда Зарифьян был ещё студентом мединститута, а я - репортером гостелерадио Киргизии, он дал мне интервью во время генеральной репетиции СТЭМа - студенческого театра эстрадных миниатюр, предшественницей которого являлась институтская команда КВН. Зарифьян, организатор и душа команды, стал режиссером и актером театра, автором ярких стихотворных сценариев. Так и живут в нем в полном согласии, без официального договора о сотрудничестве, ученый-медик и поэт, заставляя окружающих изумляться: как в человеке не столь уж могучей комплекции (скорее, наоборот) способны мирно сосуществовать две столь разные ипостаси, а в его поэтических книгах даже авторские предисловия изложены в рифму?..

На памяти бывших фрунзенцев – и разлетевшихся по миру, и никогда Киргизии не покидавших – концерты, в которых проректор по науке республиканского института физкультуры Анэс Гургенович Зарифьян исполнял песни на свои стихи и мелодии, под собственный аккомпанемент на рояле, убежденный (и сумевший нас в том убедить), что лишь этот инструмент, не в обиду гитаре

будь сказано, способен по-настоящему передать его, поэта и композитора, творческий замысел. На некогда всесоюзных фестивалях бардовской песни, участником которых он бывал, за ним и прозвище ходило: роялист. Да и в постсоветский период ничего в плане творчества не изменилось, если не считать перемену по служебной линии: проректор института стал деканом медицинского факультета Киргизско-Российского Славянского Университета. В остальном он все тот же «врач и писатель к тому ж», и мы приветствуем друг друга по Skype, будто не разделяют нас воды Атлантики и вершины Тянь-Шаня.

- Не берусь судить, каких врачей – хороших или не очень – лишилась медицина с уходом в мировую литературу Рабле, Шиллера, Конан-Дойла, Кобо Абэ, Вересаева, Чехова, Булгакова и иже с ними, зато могу представить размеры катастрофы, оставшая литература без этих мастеров. Вспомним и другие имена, не такие громкие: Лем, Аксенов, Горин, Арканов, Розенбаум, - и увидим, что медицина стала кузницей кадров для литературы. Обычно врач, заболев писательством, свою первую профессию бросает, ты же в моих глазах – редкое исключение из правила, ибо служишь сразу двум богам - Асклепию и Эвтерпе. Это сильно обременяет?

- На твой вопрос я для себя давно нашел ответ. В медицине, как и в литературе, основным объектом интереса, осознания, анализа (называй это как угодно) является человек. Согласись, ни одна другая профессия (за исключением, разве что, психологии) не дает таких широких знаний и представлений о человеке, а, следовательно, о мире. Но у кого-то хватает решимости оставить медицину ради творчества, а у меня ее, видимо, не доставало. По сей день нахожусь в условиях некоего раздвоения. Но, может, это двуединство такое? Мне самому трудно судить. Возможно, я в большей мере преуспел бы, найдя в себе силы и отвагу резко все оборвать, заняться только литературой. Зато я всегда ощущал себя более независимым, чем мои собратья по перу, для которых литература была основным (а для многих - единственным) источником существования. Может, сейчас, свое прилично отработав, я и рискнул бы покинуть деканат: архив привел бы в порядок, песни записал бы, их всего процентов пятнадцать-двадцать зафиксировано из того, что имеется...

- ...а из этих малых процентов лишь небольшая часть вышла на двух виниловых пластинках: «Алая, белая, черная» и «Хоть нет на мне креста», ты их мне подарил еще в Киргизии, а в Америку прислал компакт-диск «Выше голову!»

- Его шесть лет тому назад помогли выпустить мои алматинские друзья, барды Ольга Качанова и Вадим Козлов, который, заметь, сделал оригинальную аранжировку. Вот и вся моя дискография. Тексты стихопесен я собрал в книгу «По жизненным мотивам», страниц на 900, а мелодии в основном храню (*приложив руку ко лбу*) вот здесь. Пока я в этом мире, они еще имеют шанс прозвучать, а уйду - канут вместе со мной...

- Сегодня в жизни киргизских студентов есть что-нибудь подобное СТЭМу?

- У нас в столице бум КВН, но это немножко другой КВН, более театрализованный, более танцевально-опереточный, построенный в меньшей мере на литературе, больше на артистизме, на каких-то современных хохмочках, нашему поколению не совсем понятных. Но внутри этого КВНа - конкурс, который так и называется - СТЭМ, то есть все наоборот. Исторически, если помнишь, КВН сам возник на почве театра-студии МГУ «Наш дом». Сейчас иначе: СТЭМ стал одним из элементов КВНовских состязаний.

- Ты в них участвуешь?

- В республике две лиги, в одной из них, пока идет сезон, я постоянный член жюри. Иногда приглашают и в другую лигу.

- Возьму и назову тебя «киргизским Гусманом»!..

- (*Смеется*) И будешь не первым! В пародии, которую еще в шестидесятых сочинили КВНовцы из фрунзенского политехнического института, меня назвали «киргизским гусманенком». Мы оба с ним - представители медицины, но Юлий Гусман круто развернулся и ушел сферу киношную и КВНовскую, а я остался служить Гиппократу, но и литературу не бросил. Даже сидя в жюри, поэтически реагирую на выступление команд: тут же, по ходу, сочиняю рифмованную ремарочку. Это не стихи, как ты сам понимаешь, просто такие шуточные вещи...

- Ну, в этом деле Гусману за тобой не угнаться.

- Не знаю. Может быть. Да он и без стихов достаточно хо-рош.

- Тебя называют бардом, что, по-моему, не совсем верно. Тексты твоих песен – это поэзия души и сердца, иногда нежная, полная интимной лирики, иногда – близкая к сатире, но всегда положенная автором на собственную музыку. Поющий поэт – вот ты кто.

- Очень признателен тебе за такую оценку. Хочу и стремлюсь ей соответствовать. Незабвенный Булат Шалвович говорил, что авторская песня возникла, когда поэты, желая усилить выразительность своих стихов, стали их напевать. Вообще, бард – слово кельтское, которое в русском словаре стало синонимом слова «поэт» - вспомним: «Но будь спокоен, бард! Цепями, своей судьбой гордимся мы!..» Мне не очень нравится выражение «авторская песня», тем паче – «самодетельная». Гораздо точнее - «личностная песня», ибо за ней должны стоять личность, время, судьба.

- В твоём случае лучше звучит такое: песни поэтов.

- Совершенно верно! Когда-то в Болгарии мне подарили пластинку с песнями тамошних бардов. Знаешь, как она называлась? «Поетични струны». Поэтические струны. По-моему, блестяще! Выделено главное: поэзия и мелодия.

- Помню время, когда твои концерты во Фрунзе, которые я старался не пропускать, собирали большие, битком набитые залы. Сегодня бывает нечто подобное?

- Очень редко. Наверное, я мог бы собрать зал – не скажу, великого или среднего размера, - но больше сил уйдет не на сам концерт, а на его организацию. Раньше, стоило обратиться в любой вуз, дворец культуры, как перед нашим клубом авторской песни и его гостями (а это были самые именитые барды страны!) открывались любые двери. А сейчас... Пару раз выступил с концертом – и оказался материально в убытке. Ясно, что я и не ставил перед собой задачу заработать, но задолжать за аренду зала и аппаратуры - согласись, это смешно. Вот когда бываю в Израиле у своей родной сестры Наиры, она мне организывает концерты в залах для небольшой аудитории, человек на пятьдесят, чуть больше, чуть меньше, куда приходят люди, которые знают меня, слышали мои песни, даже пробуют мне подпевать.

- Декан и поэт по-прежнему в тебе уживаются?

- Тут есть свои сложности. Муза – дама своенравная, она

не спрашивает, что у декана на сегодняшний день запланировано, может явиться, когда ей угодно, и я гневаюсь на себя, ибо не могу в момент все бросить, отодвинуть. Работа есть работа, я привык к ней относиться серьезно и ответственно, тем более сейчас, когда ее гораздо больше и она стала потяжелей, чем в СССР, где мы не испытывали столь большой нужды в учебных, в технических средствах обучения и т.п. Государство нас этим обеспечивало, а сейчас всё надо приобретать за очень большие деньги! С другой стороны, появился какой-то люфт свободы, который был невозможен в прежние времена.

- Для такого рода интервью я обычно использую рубрику, содержащую два слова: «Русское зарубежье». С первым из них мы с тобой не входим в противоречие, несмотря на твое еврейско-армянское и мое еврейское происхождение: оба выросли и воспитались в русской культуре, русский язык для нас остался родным. А слово «зарубежье» относится к людям, которых судьба увела в эмиграцию. Вот как я, например. Но ты-то не эмигрант: родился и живешь в Киргизии, двадцать лет назад получившей независимость. Кем ты себя там ощущаешь?

- Вопрос о месте, которое я здесь занимаю, раньше передо мной вообще не стоял. Всю жизнь ощущал себя киргизстанцем, связанным с этой землей, где наша с Наирой мама упокоилась, и еще с соседней, казахстанской: там отец похоронен. Давным-давно, ещё в 1970-х годах, у меня сложились стихи, которые заканчивались так: *«У сердца нет национальности, / и Бог с ней, с пятою графой! / В тисках обыденной реальности / Спасаюсь певчею строкой. / Бежит по жилам смесь гремячая, / С которой мало кто знаком. / А по ночам себя я мучаю / Чистейшим русским языком»*. Ни разу я не испытал к себе негативного отношения как к обладателю двух кровей – еврейской и армянской. Ты же знаешь, что когда-то здесь нашли приют люди десятков национальностей: одних война загнала, других – сталинские репрессии, третьих – иные причины. Для всех нас средством межнационального общения служил русский язык - нередко даже, нужно признать, в ущерб развитию киргизского. Как только страна обрела суверенитет, был поднят вопрос о том, чтобы государственный язык, киргизский, занял подобающее ему место. По-

зднее в Конституцию было внесено положение о придании русскому языку статуса официального. Но есть горячие головы, которые пытаются игнорировать этот факт, требовать скорейшего перевода всего делопроизводства на государственный язык, хотя система образования к этому не готова. Учебники далеки от совершенства, методика преподавания малоэффективна. К примеру, мои студенты, будущие врачи, два года по четыре часа в неделю учатся говорить и писать по-киргизски, а в итоге мало кто из них способен хотя бы на бытовом уровне побеседовать на этом языке с пациентом из сельской глубинки: расспросить о самочувствии, выяснить, что болит, где болит, понять ответ, поставить диагноз...

- Это и по-русски можно сделать.

- Раньше так оно и было. Но сейчас на периферии есть школы, где данный язык уже не преподают, и больные, приехавшие оттуда, его не знают. Многие молодые киргизы изучают сегодня (и с большим успехом!) иностранные языки: не только английский или немецкий, но - японский, китайский. А интерес к русскому, увы, упал!

... Ты спрашиваешь, кем я себя здесь ощущаю... Как и прежде, гражданином этой страны, которому не безразлично все, что здесь происходит. Меня даже упрекают порой: мол, в ущерб лирике, слишком часто выступаю в печати и интернете с сатирическими стихами о ситуации в республике. Впрочем, это моя старая, ещё советская болезнь. С момента, когда к власти в Кыргызстане пришел Аскар Акаев, и до прихода Алмазбека Атамбаева я накопил обширный материал на шесть томов «Кыргызстанских хроник» - по созвучию, как ты понял, с «Марсианскими хрониками» Рэя Бредбери. Все шесть томов уже вышли.. В них многим местным политикам (чаще - политиканам) я раздал по тяжелой сереге. Смех сквозь слезы – вот каков это жанр. Так сказать, мой скромный вклад в новейшую историю страны. Сделать это надо было. Знаю: кто-то мне за него поаплодирует, а кто-то, не исключено, навесит ярлык врага народа. Что ж, я и к этому готов...

- Поэтических книг у тебя одиннадцать. С выходом шеститомника – семнадцать. Две названы одинаково: «Летопись Анэса из Бишкека, сложенная на исходе века вольным поэтическим пером - о великом, грустном и смешном». Чего, по-твоему, было

больше за годы независимости Киргизии – великого, грустного или смешного?

- Одна лишь История рассудит – являлись те или иные события великими или не заслуживают такой оценки. А грустного и смешного, наверное, было поровну, и с лихвой! Ушло в отставку старое правительство – пришло новое, распустили один парламент – выбрали очередной. Читаем списки: ба! те же заезженные фамилии. Работали при Акаеве, спокойно все принимали, не бунтовали; Акаев изгнан – перебежали к Бакиеву; свергли Бакиева – переметнулись к Отунбаевой; теперь – к Атамбаеву. Практически одни и те же лица. Лишь иногда мелькнет кто-то посвежей да помоложе. Со многими политиками я знаком и понимаю: они, в принципе, и не худшие люди, но в большинстве своем заложники сложившейся системы. А, может, у них просто нет политической воли, реформаторского запала? Никто ничего не хочет менять ни в себе, ни вокруг. Разговоров много, но как только начинают что-то осуществлять, получается, по выражению Черномырдина, «как всегда». Скажут: я чересчур категоричен, ведь по сравнению с нашими азиатскими соседями у нас в стране гораздо больше свобод, есть парламент, оппозиция, возможность критики. Увы, все это пока не дает желаемого результата. Но я эту землю люблю, в чем не раз признавался – в своих песнях, в стихах, в недавно снятом авторском видеофильме, который назвал «Живя в стране небесных гор...»

в своих песнях, в стихах, в недавно снятом авторском видеофильме, который назвал «Живя в стране небесных гор...»

- Ты написал однажды: «...слишком жаль покинуть этот край гористый, где слово первое изрек, где рад бы и закончить век». Звучит как перед расставанием.

- Это давно написано, еще когда мне в голову не приходило, что могу отсюда уехать. Ты знал мою маму, человека твердых принципов. Когда у нее начались проблемы со здоровьем,

я ей подчас говорил: «Ты же видишь, возможности нашей медицины весьма ограничены, даже при том, что у меня в этом мире есть какое-то положение. Может так случиться, что и я не смогу тебе помочь. Давай увезу тебя к Наире, где все организовано, люди пожилые в достойных условиях живут...» Куда там! Разве с моей мамой можно было говорить на такие темы! Один раз, несмотря на библейские лета свои, туда со мной съездила, ей понравилось, а вернулась в свою тыщу лет не отремонтированную квартиру на четвертом этаже - и была абсолютно счастлива!

- Потому что «это наша родина, сынок»?

- Вообще не поэтому! Мне бы не хотелось, чтобы Киргизия оставалась для нас родиной в контексте известного советского анекдота, который ты процитировал. Мама отдала ей лучшие годы своей жизни, принесла немало пользы. Что до меня, то, наверное, мне легко было бы рвануть себя за волосы, как Мюнхгаузен, перебраться в укромное местечко, где не бывает каждые пять лет революции и люди не знают, что такое погромные ночи. Ведь что происходит: первая так называемая революция...

- «Так называемая» - это оговорка?

- Может быть, такая характеристика звучит крамольно, но я повторю: так называемая. Мартовская буча 2005 года не привела к глубинным реформам, не повлияла по-настоящему на психологию и сознание людей, не положила конец борьбе кланов. Да и апрельские события двухлетней давности ещё неизвестно к чему приведут. Правда, если раньше одна семья и ее ближайший круг контролировали ключевые сферы, дающие прибыль, богатство, все подминали под себя, опутав страну сетью коррупции, то сейчас создаются некие структуры по борьбе с этим гнусным явлением. Только я скажу горькую вещь: люди клянут коррупцию, но она же их во многом устраивает, потому что с ее помощью можно все решить: прописаться, к хорошему врачу попасть, ребенка в школу или вуз пристроить. Похоже, общество не созрело до иных принципов жизни, нет в нем обостренного чувства стыда – вот что больше всего удручает! А я хочу видеть мою родину цивилизованной, процветающей, с чувством собственного достоинства, не протягивающей руку за подаванием, без националистических амбиций и великодержавия.

У меня нет и никогда не было преубеждений к иной культуре, иной религии, я так воспитан. Но когда видишь, как в среде кыргызов, которые никогда не считались ортодоксальными мусульманами, появляются сторонники агрессивных течений ислама, пытающихся навязать людям свое видение мира, считающих себя носителями единственной истины, то невольно задумываешься: стоп, ты в своей стране находишься или в каком-то странном зарубежье?! В наши дни крошечный Израиль мне представляется чуть ли не единственной преградой на пути воинствующего исламистского фундаментализма, неким форпостом, маленьким бастионом, он ни в коем случае не должен рухнуть! Раньше, бывая на Земле Обетованной, я через два-три дня начинал думать о Бишкеке, университете, о работе. Сам себя успокаивал: неделька-другая, я снова взбегу на трап и через несколько часов окажусь в родной стороне, в своей среде. Это отражалось и в моих стихах. Сейчас, нисколько не охладев к Киргизии, я стал воспринимать Израиль как еще одну свою страну со всеми ее плюсами и минусами, бедами и проблемами. Отдаю ей дань глубочайшего уважения, восхищаюсь ее достижениями, сопереживаю трудностям. Вовсе не потому, что наша с Наирой мама – еврейка. Кровь евреев и кровь армян смешалась в нас, обе нации близки и похожи, несмотря на различия в вере, ведь те и другие первыми пережили геноцид...

- Вот и ехал бы в Израиль, где сестра, старший сын. Или ты настолько прикипел к обжитому месту, что не уверен в завтрашнем дне, боишься потеряться в новых условиях?

- Да все вместе, Валера, чего греха таить. Многое тут, в Кыргызстане, мне по-прежнему близко и дорого. Есть еще родные, друзья, коллеги. Есть родительские погосты. Но я бы погрешил против совести, сказав, что только это меня здесь держит. Ехать, чтобы оказаться вне сферы привычной деятельности? Даже представить не могу, что б я там делал. Пел бы свои песни, читал стихи? Ну, раз выступлю с концертом, второй – и что дальше? Израиль мне ничем не обязан, а быть просителем я не привык. Вот если бы, встав перед зеркалом, я сам себе поставил диагноз: все, Зарифьян, ты выдохся, сил уже нет, интеллект не тот, энергетика угасла, самое большее, на что ты теперь способен, - стать пенсионером (тем более что пенсию уже заработал),

- может, тогда я и решился бы на эмиграцию. Да, там моя сестра, сын, племянники. Но оказаться с ними рядом в роли человека зависимого, нуждающегося, жить на пособие, считать каждый шекель, - это не для меня. Слишком сильно ударит по моему самолюбию.

- Все трое твоих детей родились в Киргизии. Кто они для нее и что она для них?

- Смотря что понимать под Киргизией. Народ этой страны (ты это испытал на себе) всегда был гостеприимным, великодушным. Сейчас он переживает не лучшие времена. Обострилась такая болезнь, как трайбализм. Общество расслоилось по имущественному признаку. Как только в стране обостряются внутренние проблемы, начинается поиск врага. Кто виноват? Естественно, – инородцы. Встает некий политик и заявляет: «Как так: мы, потомки великого Манаса, живем на своей родной земле бедней, чем всякие уйгуры, дунгане, армяне, евреи, славяне! Не пора ли устроить передел?!»; другой говорит: «Зачем мы в Конституции признали русский язык официальным? Запретим говорить по-русски, переведем все делопроизводство на государственный язык – куда они денутся?..»

- Известно куда: уедут, освободят квартиры, рабочие места, жизненное пространство...

- И все-таки, я тебе вот что скажу. Многие кыргызы, рядом с которыми прошли наше детство, юность, зрелые года, не изменили свое отношение к некыргызам, ко мне персонально, для них я по-прежнему свой, земляк, соотечественник, они, надеюсь, рады, что я не уехал, не хлопнул дверью. А есть вожаки толпы, кои поняли: толпа – легко управляемая сила, она может диктовать свою волю, безнаказанно оскорблять, грабить, убивать. После трагедии в Ошской области, когда в конфликте между кыргызами и местными узбеками погибли сотни людей, о чем не раз с болью говорили Отунбаева и Атамбаев, мне непросто ответить на твой вопрос, кем являются для Киргизии дети – мои и других «нетитульных». Если страна будет развиваться сообразно нравственным постулатам цивилизованного общества, где человека ценят не за происхождение, цвет кожи, разрез глаз, - имеет смысл, чтобы наши потомки здесь учились, продолжали жить и работать: край-то прекрасный! Если же верх возьмут тенденции национали-

стические, великодержавные, то, конечно, детей придется отправлять туда, где они не будут себя чувствовать униженными и оскорбленными.

- Ты свернул на разговор о детях вообще. А я спросил конкретно о твоих.

- Гурген был второклассником, когда его увезли в Израиль. Сейчас он, конечно, израильтянин. Приезжая сюда, с удовольствием вспоминает детство, городские улицы, наши поездки на Иссык-Куль. Ему здесь нравится. Но проходит неделя, вторая – я вижу, что он уже тоскует по Израилю, его языку, небу и пальмам, по своим тусовкам, друзьям и подружкам. У дочери моей, Исанки, тоже кульбиты получились: начинала расти здесь, потом ее мама увезла девочку в Россию, там она закончила школу и вернулась сюда, ко мне. Выучилась на стоматолога, вышла замуж, родила сына. Возвращаться в Россию не хочет, говорит: уж если отсюда уезжать, то в Канаду либо в Австралию. Младший сын, Артур, через год закончит школу, у него пока нет желания куда-то двигаться. А как дальше сложится – кто его знает...

- Некоторые твои высказывания, появившись в печати, могут кому-то в Бишкеке показаться дерзкими, навлечь на тебя неприятности...

- Валера, я же тебе говорил про свои шесть томов. Там есть фактически все, о чем я, по-твоему, «дерзко высказался».

КУЛЬТУРА

Мария САВИНА

ТРАГЕДИЯ ОЦЕПЕНЕНИЯ ИЛИ АЛЕКСАНДР КРЯЧУН – КТО ОН?

Человечество - одно дыхание,
одно живое теплое существо.
Больно одному - больно всем. Умирает один -
мертвеют все.

А. Платонов
«Равенство в страдании», 1922 г.

Современная литература многообразна по стилю, тематике, художественным принципам авторов. Многолик и читатель, адресат современной литературы. В зависимости от личных предпочтений читатель выбирает фантастику, детектив, исторический, авантюрный, биографический или любовный роман, этот ряд можно продолжить. Один из классических методов творческого освоения жизни – реализм, в наши дни трансформируется в «неореализм», «постреализм», «метареализм». В этих модификациях кроется вечная актуальность этого метода. Реализм постоянно обновляется, и в этом, по словам академика Д.С. Лихачева, кроется его протеическая природа, выраженная в самообновлении. В жанрово-тематической парадигме реалистической прозы остается неизменной одна из вечных проблем литературы и в целом – бытия: «Как человеку человеком быть?». Если эта вечная проблема получила в произведении свое звучание и осмысление, то автор становится близким и понятным читателю. «Писать надо не талантом, а человечностью», - говорил своим собеседникам Андрей Платонов. Чело-

вечность – вот что придает истинную ценность каждому новому произведению.

К разряду авторов, обновляющих реализм, относится и Александр Крячун, который несмотря на то, что он уже около 10 лет живет в России, является представителем русской литературы Кыргызстана. В его новой книге, вышедшей в Санкт-Петербурге, собраны рассказы и небольшие повести, публиковавшиеся ранее в журнале «Литературный Кыргызстан». Журнал, как он сам признается, стал его литературной колыбелью. Автор много лет работал топографом в изыскательских экспедициях, исколесил, исходил всю республику, впитывая ее природу, постигая характеры, быт и традиции здешних людей. Накопленные впечатления излагал в прозе. Поначалу его самиздатовские произведения ходили среди геологов, альпинистов, топографов, геофизиков и «всякого бродяжьего люда». Лишь в зрелом возрасте он решился переступить порог журнала.

Не случайно биографический автор просматривается в ряде повестей и рассказов; расположенные в порядке, соответствующем процессу возмужания главного героя. Они образуют автобиографический цикл-тетраптих: «Первый турнир рыцаря», «Быль о Серой Вдове», «Карышкыр – имя человеческое», «Прикосновение к вечности». Во всех этих произведениях герой носит имя Андрей и фамилию – Крутов. Род его деятельности – геологоразведка, топография; увлечения – альпинизм, живопись; общий рисунок характера, портретные характеристики, посвящения своим друзьям и учителям – эти содержательные элементы совершенно безошибочно позволяют говорить о том, что автор в главном герое рисует собственный биографический образ.

В автобиографизме кроется стремление раскрыться перед читателем, непосредственность, безыскусность. А. Крячун как будто бы говорит: я рассказываю только о том, что я сам видел, о том, что я сам прочувствовал, что я знаю. Художественное оформление книги, выполненное автором в графическом черно-белом стиле, носит иллюстративный характер. На обороте книги, где обычно даются сведения о писателе и размещается его фотография, А. Крячун представлен в собственной интерпретации. Здесь и портрет, и мини-биография принадлежат перу автора, который сам репрезентирует читателю собственный облик.

Графическое воплощение и литературный портрет, детально реконструирующийся в повестях, органично дополняют друг друга, создавая в сознании читателя образ авторской личности, отмеченной знаками натуры противоречивой и неумейной: аскетичной и страстной, волевой и чувствительной, энергичной и тонкой, загадочной и предельно откровенной. Писатель как будто ставит перед читателем вопрос: «Какой человек я, Александр Крячун»? Этот вопрос более всего волновал Л.Н. Толстого, великого читателя. М. Горький в мемуарах вспоминает, что когда Толстой читал книгу, его не интересовали перипетии сюжета, герои, стилистические приемы, его интересовало главное – личность самого писателя. И каждый раз, беря в руки книгу, он говорил, обращаясь к автору: «Ну-ка, посмотрим, что ты за человек».

Возможность понять, какой человек стоит за текстом, понять его сокровенные мысли, появляется и у читателя А. Крячуна. Автор предельно открывает перед читателем свое лицо. В рассказе «Карышкыр – имя человеческое» автор проявляет себя истинным рыцарем природы. Называя своего коня «Санчо-оруженосец», он позволяет и читателю сформировать свой образ повествователя в параллели с классическим образом Дон Кихота – чудака, бескорыстно преданного своим идеалам. Но ответ о том, какой человек создал произведение, его личностная характеристика, не может всецело контролироваться автором. Ответ находится в зоне читательского сознания. Каждый раз писатель встречается с читателем, от которого в конечном итоге зависит точность и наполненность ответа на вопрос о личностном облике автора. Если предположить, что адресаты могут быть различны то и ответ будет столь же разнообразен и неоднозначен.

Художнику, представителю искусства, надо найти свой способ изобразить природу в ее органическом равновесии. И здесь в личности А. Крячуна соединяются несколько ипостасей: путешественник, натуралист, художник, писатель, психолог. И в каждом произведении причудливо сочетаются эти грани таланта творческой личности автора. В рассказе «Прикосновение к вечности» Андрей Крутов предстает в образе «стареющего художника». И не раз еще автор сделает косвенное признание о себе, создавая

образ своего героя, который «будучи художником по натуре»¹, видит мир в его вещественных деталях. Эта вещная сущность мира передается и в слове. Не только картины природы обретают полноцветность, облики героев становятся их живописными портретами, но и весь мир произведения наполняется той ощущаемой вещностью, к которой стремились писатели реалистического направления. Эта особенность прозы А. Крячуна может быть охарактеризована как «вещность», это новая интерпретация художественных принципов акмеизма. Один из излюбленных приемов автора – неожиданный эпитет. Например, такое неосязаемое понятие, как тишина обретает характеристику – «ватная» (С. 137), «томпонная» (С. 134). Эпитет передает не только внешнее описание предмета и явления, но создает его «осязательную модель».

Натуралистические зарисовки А. Крячуна фактографически четко передают портреты героев: «Лицо у старца было непропорционально сложено. От подбородка ко лбу, резким зигзагом через левую щеку лежала глубокая рваная морщина – след шрама. В его конце, у виска, проломанная кость ушла в череп... оторванное левое ухо и почти отсутствующий нос... Из ладоней торчали сантиметровые обрубки с мозолистыми наростами» (С. 156-157). Автор не позволяет себе ни малейшей неточности, он делает себя проводником той реальности, которую увидел и хочет донести до читателя. В некоторых фрагментах писатель приближается к пограничному моменту, где атмосфера физиологического отвращения перемежается с ужасом: «Розовая пена из хрипящей глотки запузырилась на жухлой траве... Кровь, мозг и слезы брызнули веером. На блестящий сапог лейтенанта попала густая капля малиновой крови». Натурализм автора проявляется и в передаче ощущений героя: «стержень, который дрожал между копчиком и шейным позвонком» (С. 153), «панический страх холодно ткнулся через тело от паха до затылка» (С. 166). Внимание к физиологическим подробностям в художественной системе А. Крячуна становится средством психологической характеристики.

Главное, что поражает в прозе Александра Крячуна, – человечность, которую можно сопоставить с гуманистической силой

¹ Крячун А. Карышкыр – имя человеческое // Крячун А. Оцепенение. – СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 156.

слова платоновского масштаба. Один из наиболее ярких его рассказов – «Оцепенение» – выделяется поистине вечной постановкой проблемы человеческого бытия. Казалось бы, описывается жизнь небольшого шахтерского поселка. Что здесь может привлечь внимание читателя? История деградации поселка, его жителей – вот преамбула ответа на вечный вопрос.

Поселок, который «в прошлом был дивным», после того, как близлежащие горы были «выпотрошены от урана», стал постепенно умирать. Люди стали умирать вместе с ним. В поселке не осталось детей. Два восемнадцатилетних юноши – единственные представители здешнего молодого поколения, кажется, навсегда задержались в подростковом периоде. Типажи их представляют самую удручающую перспективу, их портретные и речевые характеристики убийственно беспросветны и демонстрируют тотальное вырождение поселкового общества. Словно в насмешку одного зовут Херувимом. Другого же, поправляя возникшее недоумение, автор наделяет кличкой Патлатый. Так и ходят они вместе – Херувим и Патлатый. Антитеза образно-символического значения этого дуэта еще более усиливает представление о мрачном будущем поселка.

Дети – продолжение рода, истории, жизни. В поселке нет детей, а те двое, которые есть – вырожденцы, они с самого детства неполноценны. Проблема детства также относится к разряду вечных, животрепещущих вопросов литературы. И здесь А. Крячун демонстрирует взгляд, близкий А. Платонову: «Некому, кроме ребенка, передать человеку свои мечты и стремления; некому отдать для конечного завершения свою великую обрывающуюся жизнь. Некому, кроме ребенка. И потому дитя – владыка человечества...» (Платонов А. «Душа мира»). У поселка нет будущего, потому что оно – в Патлатом и Херувиме.

Единственный, кто сохраняет человеческий облик в этом месте, столяр Игнат. Когда-то он работал на шахте маркшейдером. А теперь сменил «точную геодезическую науку» на «столярное ремесло». Жил он бобылем, жена его, забеременев, «не захотела рожать ребенка на урановой земле». Сына своего Игнат не видел ни разу, связь с семьей потерял давно и жил бобылем, безудержная пьянка, всеобщее развлечение поселковых жителей, не привлекала его. Просматривается еще одна образная

параллель с щемящей платоновской прозой – образ последнего пристанища человека, домовина, гроб. Как и в «Котловане», гроб становится приговором миру жестокой бесчеловечной реальности. Игната, самовольно-принудительно принявшего смерть, хоронят в гробу, сделанном им самим.

Обновление реалистического метода выражается в стремлении автора как можно более точно передать неприглядные, ужасающие стороны физиологии героев: «вялые губы открывались как у засыпающей рыбы», «грузный зад мокро стукнулся об пол», «судорога свела рот». Натуралистическое описание вызывает чувственное отвращение читателя к поселковой жизни.

А. Крячун решает творческую задачу с помощью приема максимального обострения конфликта. Его сюрреалистические пейзажи как будто кричат о катастрофе: «Островерхние цветные хребты невообразимо переплелись в диком хаосе, словно длинный, длинный кусок радуги был скручен в узлы, скомкан и брошен на этот участок взъерошенного пространства. Какой-то бедлам творился в перекрученных разноцветных хребтинах, ущельях, впадинах и моренах: синие склоны напозлали на красные, голубые водоразделы стыковались с фиолетовыми хребтами, образуя разинутые рты пестрых цирков, а то и несколько цепей разной раскраски расходились из одной точки, напоминая разноцветные ленты балаганной карусели».

Текст насыщен ощущением хаоса, и ...ощущением человеческого бессилия перед мощью природы. Природа как будто вступает в противоборство с человеком, отсюда и стремление автора наделить ее душой. Природа, в образе собаки, пытается спасти Игната. Но он не прислушивается к ее знакам. Семантическая трактовка имени собаки может раскрыть еще одну образную параллель. Собака – существо близкое природе, носит имя Мамка, она олицетворяет саму природу – мать, прародительницу всего живого.

Общий пафос, доминирующий в рассказе, созвучен панэкологической концепции современного общества, усвоившего горькие уроки эпохи покорения природы. Достаточно вспомнить лозунг того времени: «Не стоит ждать милостей от природы. Взять их у нее – наша задача». Страшные экологические катастрофы показали, что этот путь губителен. Его сменяет современная по-

зиция максимально бережного отношения к окружающему миру, понимание, что все в нем взаимосвязано, что природа – это внешняя среда обитания, которая дана ему от рождения благополучной, и человек обязан сохранить ее для своих потомков.

С. Есенин, вспоминая о моментах человеческого счастья, говорил: «И зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове». Созвучное благородство к животному миру, природе проповедует и А. Крячун. Чуткое ощущение психологии верного спутника, коня по имени Корунд, внушает читателю доверие к повествователю. Даже походная пицца делится поровну между конем и всадником: «Себе пол-лепешки, Корунду пол-лепешки». Это и есть справедливость, которая так редко встречается среди людей. Автор будто бы воплощает в природе тот идеальный мир, к которому стремится его душа.

В контексте всего сборника «Оцепенение» автор, реализовавшийся в своем «лирическом» двойнике, предстает как истинный знаток традиций кыргызского народа: «Крутов знал местные обычаи и этику гор: нужно рассказать о себе, потом выслушать собеседника – пусть расскажет, что посчитает нужным» (С. 158). Довольно широко употребляются в тексте обороты кыргызского речевого этикета, в воспоминаниях старца Карышкыра ярко всплывают этнографические зарисовки жизни в отдаленном кыргызском аиле Кушчусу. Историю жизни Одинокого волка – Карышкыра – резко очерчивает легендарная биография знаменитого уроженца этого села Токтогула Сатылганова, от которого герой впервые услышал «русскую речь и слово «каторга»» (С. 162). Судьба Карышкыра неразрывно переплетена с историей всей страны, и математика его жизни не принимает никаких апелляций. «Теперь я знаю цену своей жизни, – говорит герой, – двадцать лет счастливого детства, минус четыре года войны, плюс – радость победы. Минус восемнадцать лет каторги, и всё это умноженное на четырнадцать лет одиночества» (С. 173).

Этнографическая доминанта повести усиливается пересказом топонимической легенды о происхождении названия высокогорного населенного пункта Казарман, произошедшего от русского «казарма». Место стало так называться потому, что здесь когда-то была часовня и казармы, построенные для русских солдат, стоявших на постое в горах. Автор воссоздает хронотоп сво-

его художественного мира, связанный с давней историей кыргызской земли, с историей появления здесь русских.

Самый большой вопрос, который задает себе и своему читателю идеалист А. Крячун – это вопрос о Боге. Не случайно один из героев носит «человеческое» имя Карышкыр – Волк. В образе волка персонифицируется Свобода, как наивысшая ступень человеческого величия. Манифестом свободы личности звучит кыргызская пословица: «Малдынээсенболсо, карышкырдын кудайы бар». – «Если у скота есть хозяин, то у волка есть бог». Концепция высшей божественной справедливости в трактовке автора неразрывно связана со Свободой – «как жить», «где жить» и «зачем жить» (С. 175). Это не религия, это вера в «сверхчеловека, глубокомыслящего и доброго» (С. 174). Философия поиска идеального нравственного начала отразила сдвиги сознания современного человека, пытающегося найти точку опоры. Единственным неизблемым постулатом современного мира становится духовная Свобода человека.

Творчество Александра Крячуна – зеркало, в котором нашли свое отражение сложные динамические процессы трансформации культурно-исторических и политических реалий нашего времени. В этом зеркале отразилась трагедия оцепенения и трагедия исхода русского культурного фактора из обжитого, обустроенного, усвоенного плотью, кровью и сознанием его носителей исторического пространства всей Средней Азии и Кыргызстана, как его составляющей.

Сегодня литература «вынужденного зарубежья» репрезентирует сложный период свертывания и переориентации культурно-политических связей между Кыргызстаном и Россией. В единстве «топики эстетической» и «топики тематической» раскрывается существенная значимость феномена русской литературы Кыргызстана. Как дальше будет развиваться это явление, покажет время. Скорее всего, пространство русской литературы и русского языка как сферы ее бытования, и в целом культурное присутствие русского фактора в Кыргызстане будет все более и более сужаться.

Коротко об авторах

Олег БОНДАРЕНКО

Родился в 1960 году – россиянин, проживающий с 1990-х в Бишкеке. Работает в частной компании. В качестве хобби занимается научными и философскими исследованиями. Разработал новое междисциплинарное направление, альтернативное синергетике, – нелинейный уровневый подход. Автор свыше десятка книг. Публикации в России, Кыргызстане, Японии, США (в издательстве Гарвардского университета). Для души иногда пишет рассказы. Создатель и главный редактор сайта www.literatura.kg

Владимир МЕДВЕДЕВ

Родился в 1944 году в Забайкалье, на озере Кинон и в малом возрасте переехал с родителями в Таджикистан, где прожил большую (на настоящий момент) часть жизни. Работал монтером ПТС, сезонным рабочим в геологических и гидрологических отрядах, учителем в кишлачной школе, репортером и фотокорреспондентом в молодежной и вечерней газетах, тренером, инженером-патентоведом в КБ... Сейчас заведует отделом в журнале “Дружба народов”. В 2007 году в издательстве “Лимбус Пресс” вышла книга его рассказов “Охота с кукуем”.

Александр МОЛЧАНОВ

В 2012 году окончил Кыргызско-Российский Славянский Университет по специальности русская филология. Пишет рассказы с 2007 года. В 2010 году стал лауреатом литературной премии «Золотая табуретка», которую проводит Американский Университет Центральной Азии. Печатался в литературном альманахе «Много языков – один мир!» за 2010 год и в «Литературном Кыргызстане».

Александр НИКИТЕНКО

Поэт, переводчик. Член Союза писателей СССР и Кыргызстана. Родился в 1948 году в Душанбе. С 1951 года живет в Бишкеке (бывший Фрунзе). Окончил Киргосуниверситет. Работал слесарем, наладчиком на Фрунзенском заводе свлрл, редактором в Госкомиздате, ответсекретарлм в «Литературном Киргизстане», репортлром в газетах «Вечерний Бишкек», «Моя столица», «МСН». В нашем журнале публикуется с 1967 года. Автор восемнадцати поэтических книг. Академик Международной общественной академии поэзии Омора Султанова.

Мария САВИНА

Родилась в 1975 г. Доцент кафедры истории и теории литературы КРСУ, кандидат филологических наук. Преподает историко-литературоведческие, теоретические дисциплины: «Введение в литературоведение», «Основы филологии», «Русская литература Кыргызстана», «История русской литературы XX века», «Поэтика и прагматика рецензии», «Русскоязычная проза кыргызских писателей-билингвов», «Современная русская литература». Круг научных интересов связан с изучением творчества билингвальных писателей, тенденций литературного процесса XX-XXI века, проблемой авторского сознания в художественном тексте. Автор более 30 научных публикаций.

Дмитрий САГАЙДАК

Родился в 1989 году в г. Фрунзе (ныне Бишкек). Окончил школу-гимназию №26 с углубленным изучением французского языка. В 2012 году окончил Бишкекскую Финансово-Экономическую Академию по специальности «Бухгалтерский учет, анализ и аудит». Работает в аудиторской фирме.

Увлекаться поэзией начал в школе. Публиковался в газете «Слово Кыргызстана», в журнале «Литературный Кыргызстан». Ведет свой блог в сети Интернет, где публикует собственные стихи, фотографии, а также рецензии на творчество музыкальных групп.

Пишет стихи на русском, английском и французском языках.

Лауреат литературного конкурса «Золотая табуретка-2012» в номинации «За лучшее философское отражение мира в поэзии». Увлечения: литература, фотография, рок-музыка, футбол.

Валерий САНДЛЕР

Родился в 1940 году на Украине. Журналист. Многие годы работал на радио, в газете «Вечерний Фрунзе», зав. отделом публицистики, ответсекретарем «Литературного Кыргызстана». Автор книг «Не время ждать отбоя», «Верность трудовому слову», «Опечатка». В начале 90-х годов уехал в Америку, работал редактором отдела газеты «Новое русское слово». Ныне, постоянно проживая в США, выпустил две книги – «Чем дальше, тем роднее» и «Разлучили корни с кроной...».

Андрей ТОКОМБАЕВ

Родился в 1968 г. в г. Фрунзе (ныне Бишкек). Окончил филфак КГУ в 1992 г. С 1987 по 1989 гг. служил в рядах Вооруженных Сил СССР в г. Хабаровске. После окончания Университета работал редактором информационных программ Гостелерадиокампании Кыргызской ССР; корреспондентом газет «Дело №», «Слово Кыргызстана», «Кыргызстан хроникал», «Вечерний Бишкек», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда». В настоящее время – младший научный сотрудник кафедры истории, культурологии и рекламы Кыргызско-Российского Славянского Университета.

Юрий ФАДЕЕВ

Родился в г. Кара-Су Ошской области Киргизии. Инженер – учился в Алма-Ате. Жил и работал во Фрунзе (ныне Бишкек). Последние годы живёт в России в г. Таруса, Калужской области. Выйдя на пенсию, увлёкся творчеством. Выпустил сборник

стихов. Публицистика и рассказы опубликованы в журналах: «Дружба народов», «Наш современник», «Траектория творчества», «Золотая Ока».

В 2011 году издал книгу «Русские на Востоке и в постсоветской России».

Подписано в печать 2.04.2013 г. Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Усл. печ. л. 12,5 Заказ 92.

Тираж 300 экз.